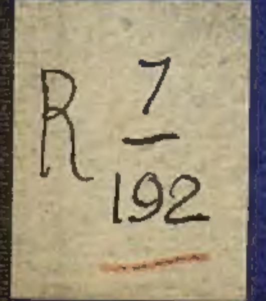
Е. АНТОНОВА

ВОСПОМИН.
О
ЖИЗНЕ В РАСКОЛЕ....

ВОСПОМИНАНІЯ
о
ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ
И ОБРАЩЕНИИ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ

Е. АНТОНОВА.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1897.

ВОСПОМИНАНІЯ

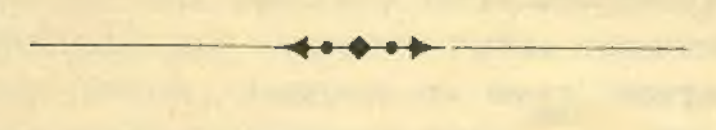
о

ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ

И ОБРАЩЕНИИ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ

Е. АНТОНОВА.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.

Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

1897.

Отдѣльный оттискъ изъ №№ 19, 20 за 1896 г. и 1, 2 и 3 за 1897 г. журнала *Братское Слово*.

От Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, марта 20-го дня 1897 года.

Цензоръ протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.

Воспоминанія о жизни въ расколѣ и обращеніи въ православіе.

1. Моя семья. — Нашъ переходъ изъ православія въ расколъ и причина перехода. — Увѣщаніе совращенныхъ, кончившееся ничѣмъ. — Антоній Шутовъ и его ревность о распространеніи раскола. — Мое поступленіе въ писцы. — Книги, написанныя мною.

Родина моя — деревня Матюкова, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи. Родители мои принадлежали къ православной церкви. Въ сороковыхъ годахъ, когда я родился, въ нашей деревнѣ было 50 домовъ: изъ нихъ только семь домовъ, въ томъ числѣ и нашъ, принадлежали къ общеправославной церкви; домовъ 30 было единовѣрцевъ; а остальные — раскольники поповщинскаго толка, принявшіе новоявленную тогда австрійскую іерархію. Родительница моя немножко умѣла грамотѣ: она и научила меня читать; родитель же былъ безграмотный. Всѣ принадлежащіе къ общеправославной церкви жители нашей деревни, въ томъ числѣ и мои родители, хотя и числились церковными, хотя и ходили въ церковь за богослуженіе, но внутренно предпочитали православію расколъ старообрядчества — за то, что въ немъ истово крестятся и вполнѣ соблюдаютъ уставъ богослуженія. Правда, попа у нашихъ старообрядцевъ не было, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они собирались въ домѣ одного

почтеннаго крестьянина, гдѣ и отправляли вечерню, утреню, часы; но пѣвцовъ у нихъ было много, — пѣли не одни мужчины, а и нѣкоторыя женщины, умѣющія пѣть, чтò очень нравилось и православнымъ; напротивъ, въ приходской православной церкви пѣвцовъ не было (какъ и теперь нѣтъ), и служба отправлялась невнимательно, чтò и отталкивало отъ нея прихожанъ къ расколу. Съ старообрядцами могли бы въ этомъ отношеніи соперничать единовѣрцы; но у нихъ общественнаго богослуженія въ деревнѣ совсѣмъ не было, — церковь, къ которой они были приписаны, находилась въ 30 верстахъ. въ г. Торжкѣ. Замѣчу кстати, что эта церковь была открыта еще при самомъ учрежденіи единовѣрія. Инокъ Никодимъ, ѣхавши въ Петербургъ хлопотать объ учрежденіи единовѣрія, дорогой останавливался въ Торжкѣ и заручился прошеніемъ гражданъ города, старообрядцевъ, на принятіе единовѣрія: тогда у нихъ и устроена единовѣрческая церковь. Она въ свое время нанесла большой ударъ здѣшнему расколу, при ней были (да и теперь находятся) два священника: они то пріѣзжали изрѣдка въ нашу деревню къ единовѣрцамъ для исправленія больныхъ и погребенія умершихъ, да за сборомъ подаянія. Въ царствованіе императора Николая Павловича, какъ извѣстно, время было строгое: православные, расположенные къ старообрядчеству, переходить въ расколъ боялись, въ виду строгихъ за то каръ отъ правительства. Но съ воцареніемъ Императора Александра Втораго открылась свобода для распространенія раскола. Тогда наши старообрядцы стали приглашать къ себѣ въ деревню изъ города Вышняго Волочка австрійскаго попа Арона для исправленія духовныхъ требъ, — и онъ-то, даже безъ всякаго съ своей стороны увѣщанія, не болѣе какъ въ теченіе пяти лѣтъ, перевелъ почти всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ и общеправославныхъ въ расколъ, подвергнувъ пріятію втораго чина, т.-е. чрезъ мѵропомазаніе. Въ числѣ прочихъ односельчанъ и мои родители

со всѣмъ своимъ семействомъ приняли исправу и сдѣлались усердными послѣдователями старообрядчества: тогда и я былъ перемазанъ въ расколъ, имѣя отъ роду съ небольшимъ десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ мы не пропускали ни одного у насъ общественнаго богослуженія и были очень рады, что могли узнать порядокъ службы и принимать участіе въ пѣніи, чего прежде не знали. Думаю теперь, что если бы наши единовѣрцы, подобно старообрядцамъ, имѣли общественное богослуженіе, то перехода ихъ, да и многихъ православныхъ, въ расколъ не послѣдовало бы. Нашъ приходскій священникъ, узнавъ о нашемъ переходѣ въ расколъ, приходилъ къ намъ съ увѣщаніемъ возвратиться обратно въ церковь; но при наставшей свободѣ его, конечно, и слушать не хотѣли; да и нужно было прежде, до нашего отпаденія, предохранить насъ отъ онаго, объясняя прихожанамъ правоту церкви и заблужденія раскола; а этого-то со стороны пастырей и не было. Священники же единовѣрцевъ, къ великому сожалѣнію, не приложили ни малѣйшаго старанія о возвращеніи своихъ духовныхъ дѣтей, тогда какъ ихъ слово, думается, могло бы подѣйствовать, такъ какъ нѣкоторые изъ перешедшихъ въ расколъ единовѣрцевъ смущались своимъ переходомъ. Единовѣрцы наши, перейдя въ расколъ, не стали только обращаться за требами къ своимъ священникамъ, а тѣ перестали къ намъ ѣздить: этимъ все и кончилось. Но мѣстный православный священникъ донесъ объ уклоненіи въ расколъ своихъ прихожанъ въ Консисторію, которая предписала благочинному собрать всѣхъ уклонившихся въ церковь и здѣсь въ присутствіи мѣстной власти предложить имъ увѣщаніе. Въ церковь вмѣстѣ съ другими пошелъ и я, и теперь еще помню, что, идя туда, всѣ уговорились между собой не вступать съ священниками въ бесѣду: иначе, говорили, затаскаютъ по судамъ, такъ что жизни будешь не радъ; а молчаніемъ лучше и скорѣе отъ нихъ отвяжешься. Однако одинъ старикъ не выдержалъ, и когда

отецъ благочинный сталъ говорить намъ, что мы напрасно удалились отъ церкви Божіей, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, то онъ, вышедши впередъ, отвѣтилъ:

— Мы отъ церкви не удаляемся, а удаляемся отъ щепоти. Въ старинныхъ Псалтыряхъ св. отцы всѣмъ православнымъ христіанамъ повелѣваютъ молиться крестомъ, истово; а вы молитесь щепотью и неистово; а неистовому изображенію креста бѣси радуются. Вотъ отъ этого мы и удаляемся.

Благочинный сказалъ: „Мы васъ не стѣсняемъ, — какъ хотите, такъ и молитесь, только не оставляйте церкви!"

— Этого нельзя, — отвѣтилъ старикъ: овцы во всемъ должны слѣдовать пастырю; а слѣдовать ему вопреки ученія святыхъ отецъ мы не можемъ.

Тогда мѣстный священникъ сказалъ: „Вотъ въ Кіевѣ есть мощи св. Спиридонія, у котораго десница имѣетъ триперстное сложеніе: значитъ, онъ и триперстно молясь угодилъ Богу".

— Нѣтъ, отецъ, вы ошибаетесь! — отвѣтилъ старикъ. Не можетъ быть чтобы кто вопреки ученія св. отецъ угодилъ Богу!

Священники спросили старика: какіе же святые отцы велѣли молиться двуперстно?

— Прочитайте Псалтырь патріарха Іосифа, — отвѣтилъ онъ, — въ ней увидите, что такъ повелѣли молиться блаженный Θеодоритъ, Мелетій, патріархъ антіохійскій, и прочіе.

Остальные изъ совратившихся объяснили благочинному переходъ свой въ расколъ тѣмъ, что въ церкви богослуженіе совершается во многомъ не такъ, какъ у старообрядцевъ по старинным книгамъ, что крестное знаменіе причтъ творитъ неистово, поклоны кладутъ не по уставу, позволяютъ себѣ курить табакъ даже въ церковной паперти. Этимъ увѣщаніе и кончилось. Въ волостномъ правленіи мы причислены были къ раскольникамъ ,и священникъ уже болѣе до насъ не касался, и никакихъ вразумленій, или бесѣдъ не дѣлалъ.

Въ то время управлялъ старообрядческими церковными дѣлами Антоній, именовавшійся архіепископомъ Владимірскимъ. Онъ имѣлъ большую ревность о распространеніи новоявленной австрійской іерархіи, старался какъ можно больше наставить епископовъ и поповъ, находя въ этомъ большую пользу для старообрядчества, въ чемъ и не ошибался, ибо каждый поставленный имъ попъ, даже изъ собственныхъ матеріальныхъ выгодъ, обязанъ былъ стараться и старался о размноженіи числа своихъ прихожанъ. Всѣмъ, даже и небольшимъ общинамъ старообрядцевъ Антоній навязывалъ попа, при чемъ обыкновенно оказывалъ ему помощь въ устройствѣ его на мѣстѣ жительства, снабжалъ облаченіями, давалъ походную церковь. Въ короткое время имъ поставлено было нѣсколько епископовъ и большое число поповъ. Нуждаясь въ свѣдущихъ людяхъ для собесѣдованій съ совопросниками и для рѣшенія возникавшихъ церковныхъ вопросовъ, онъ вскорѣ же приблизилъ къ себѣ извѣстнаго въ то время начетчика Семена Семенова, который до самой смерти былъ горячимъ защитникомъ раскола. Онъ же убѣдилъ молодаго инока бѣлокриницкаго Пафнутія принять епископскій санъ и рукоположилъ его въ епископа Коломенскаго. Пафнутій, очень бойкій, развязный, весьма начитанный и способный свободно говорить, своимъ служеніемъ, въ особенности же небывалыми у старообрядцевъ краснорѣчивыми изустными проповѣдями, сразу привлекъ къ себѣ вниманіе старообрядцевъ, такъ что совершенно затмевалъ Антонія, который огорчался этимъ; а вскорѣ потомъ возникла между ними и открытая вражда, при чемъ Антонію много пришлось испытать огорченій и непріятностей отъ Пафнутія. По мѣрѣ распространенія между старообрядцами новой іерархіи возникала потребность въ письменной и словесной защитѣ ея отъ сильныхъ, направленныхъ противъ нея, возраженій. Гектографа, на которомъ можно было бы печатать въ защиту раскола книжки, какъ печатаютъ ихъ нынѣшніе его за-

щитники, тогда еще не было у старообрядцевъ, да они боялись и имѣть его, чтобы не навести на себя гнѣвъ правительства, — прибѣгали къ распространенію сочиненій посредствомъ письма, и признали необходимымъ устроить въ Москвѣ нѣчто въ родѣ миссіонерской школы, въ которой бы молодые люди могли обучаться уставному и гражданскому письму и изученію доказательствъ въ защиту „древлеправославія", т.-е. раскола; изъ учениковъ этой школы имѣлось въ виду назначать и кандидатовъ въ священники. Эта школа была основана по мысли Пафнутія, который купилъ для нея и особый домъ на Переведеновкѣ. Набрать крестьянскихъ мальчиковъ для этой школы поручено было между прочимъ Антоніеву письмоводителю, нашему односельцу: онъ выбралъ меня и товарища моего Леона Трофимова, который вмѣстѣ со мной служитъ теперь при братствѣ св. Петра митрополита. До устройства и открытія школы мы должны были обучаться уставному письму у себя дома, въ деревнѣ. Работы наши доставлялись Антонію, а онъ разсылалъ ихъ, куда находилъ нужнымъ. Между тѣмъ совершилась рѣзкая перемѣна въ Пафнутіи, — онъ отказался отъ всѣхъ іерархическихъ дѣлъ и замкнулся въ уединеніе. Дѣло о школѣ замолкло, и намъ пришлось заниматься письмомъ попрежнему въ деревнѣ. Мнѣ давали писать разныя книжки и даже большія книги, и этотъ тяжелый трудъ свой я и товарищъ мой исполняли съ большимъ усердіемъ за ничтожную плату, надѣясь въ будущей жизни получить мзду, назначенную отъ Господа всѣмъ защитникамъ церкви Христовой, какими и себя считали, не подозрѣвая, что своими трудами, напротивъ, причиняемъ вредъ истинной церкви Христовой.

Тогда многіе изъ самихъ старообрядцевъ имѣли большія сомнѣнія, относительно новоявленной австрійской іерархіи. Главныя сомнѣнія состояли въ томъ, что учредителя ея, бѣглаго греческаго митрополита Амвросія, считали обливанцемъ и находившимся подъ запрещеніемъ у своего

константинопольскаго патріарха: въ разсѣяніе этихъ сомнѣній, не знаю въ точности кѣмъ, — Пафнутіемъ ли, или Семеномъ Семеновымъ, — была составлена нарочитая книжка подъ названіемъ: «О первоначальномъ учрежденіи нынѣ существущей въ древлеправославной церкви священной іерархіи и увѣреніе въ дѣйствительности оной сомнѣвающихся". Эту книжку прежде всего мнѣ и пришлось писать, и написалъ я десятка три экземпляровъ. Въ ней, во-первыхъ, повѣствуется о томъ, что древлеправославная церковь, во время патріаршества Никона лишившись своего собственнаго епископства, пребывала до сихъ поръ вдовствующею; но и состоя во вдовствѣ, она всегда прилагала большое стараніе имѣть у себя свое епископство, и это ея стараніе осуществилось съ обращеніемъ къ ней отъ ереси греческаго митрополита Амвросія. Затѣмъ слѣдуютъ увѣренія, что Амвросій крещеніе имѣетъ трехпогружательное, а не обливательное, каковое неизмѣнно содержитъ и вся греческая церковь, и отъ патріарха своего не былъ запрещенъ. Въ концѣ приложены были извѣстныя уже бумаги Амвросія къ цареградскому патріарху Анѳиму и къ австрійскому правительству, и нѣкоторыя другія бумаги сихъ послѣднихъ къ Амвросію. Теперь я вижу, какъ пуста была эта книжка, — вижу, что она не только не защищаетъ законность австрійской іерархіи и самой именуемой церкви старообрядцевъ, но и скорѣе обличаетъ ея незаконность. Истинная Христова іерархія имѣетъ свое начало отъ Христа и прерваться, тѣмъ паче прекратиться отнюдь не можетъ, ибо учредитель ея Господь далъ обѣщаніе неотступно пребывать съ Апостолами и ихъ преемниками до скончанія вѣка, сказавъ: *и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. зач. 116), о чемъ и уважаемая старообрядцами Книга о вѣрѣ свидѣтельствуетъ: „имже (преемникамъ апостольскимъ, архіепископамъ и епископамъ) и спребывати даже до скончанія вѣка *обѣтованіе сотвори*, и по своему неложному обѣтованію благодатно изби-

раетъ себѣ людей достойныхъ, и поставляетъ и освящаетъ рукоположеніемъ чина духовнаго чрезъ патріархи, архіепископы и епископы" (л. 59). А здѣсь, самое уже заглавіе книжки: «О первоначальномъ учрежденіи нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи" свидѣтельствуетъ о прекращеніи установленной Богомъ іерархіи, ибо первоначально учреждается только то, что не существуетъ, и значитъ существующая у старообрядцевъ іерархія получила свое начало не отъ Христа, а отъ Амвросія, и должна именоваться іерархію Амвросіевскою, а не Христовою. Въ книжкѣ церковь старообрядцевъ именуется вдовствующею. Но вдовство, т.-е. временное лишеніе епископа, можетъ быть только въ частной церкви, при существованіи епископовъ въ другихъ церквахъ, съ которыми она находится въ общеніи; а чтобы вся церковь могла одновременно лишиться епископовъ и пребывать во вдовствѣ, какъ учитъ означенная книжка, и потомъ получить епископа отъ еретиковъ, — этого не было и быть не можетъ, подобно тому, какъ не можетъ быть всеобщаго вдовства, или прекращенія брачнаго сожительства въ родѣ человѣческомъ, ибо иначе неминуемо послѣдуетъ прекращеніе и самаго рода человѣческаго. Все это я вижу теперь ясно; а тогда помянутая книжка казалась мнѣ основательно доказывающей законность австрійской іерархіи, и я переписывалъ ее съ усердіемъ.

Затѣмъ мнѣ было поручено переписывать книжицу о пріятіи святою церковію еретиковъ въ сущихъ санахъ. Она составлена была Семеномъ Семеновымъ. Въ ней доказывается, что какъ древняя св. церковь отъ разныхъ еретиковъ принимала въ сущихъ санахъ священныя лица, такъ и именуемая церковь старообрядцевъ принимала приходящихъ отъ мнимой никоніанской ереси священниковъ въ сущихъ санахъ, такъ приняла и митрополита Амвросія. Теперь я понимаю вполнѣ, что вопросъ о принятіи еретиковъ неразрывно связанъ съ другимъ болѣе важнымъ вопросомъ: кто можетъ принимать еретиковъ?

власть — принять, или отвергнуть хиротонію еретиковъ, принадлежитъ церкви, имѣющей полный соборъ истинныхъ пастырей, ведущихъ свое преемство отъ святыхъ Апостоловъ; а общество старообрядцевъ, лишившись пастырей, коимъ Господь поручилъ власть суда церковнаго, не составляя истинной церкви, не имѣло и власти принимать, или отвергать хиротонію рукоположенныхъ еретиками. На этотъ главный вопросъ: кто можетъ принимать еретиковъ? въ книжкѣ Семена Семенова не обращено никакого вниманія, какъ и вообще не обращаютъ вниманія старообрядцы; а безъ рѣшенія его сколько бы ни приводили они доказательствъ о принятіи святою церковію еретиковъ въ сущемъ санѣ, все равно не могутъ они оправдать принятіе бѣглыхъ поповъ и бѣглаго митрополита Амвросія. Теперь, говорю, ясно мнѣ, какъ неосновательна была книжка Семена Семенова; а тогда я переписывалъ ее съ полнымъ къ ней довѣріемъ.

Кромѣ этихъ книгъ, мнѣ пришлось писать тогда въ деревнѣ разныя книжки, направленныя противъ церкви православной и единовѣрцевъ, противъ безпоповцевъ и бѣглоповцевъ тульскаго и лужковскаго согласій. Изъ всѣхъ этихъ книгъ мнѣ нравилась особенно, дѣйствительно хорошая, книга „Объ антихристѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ“, составленная Е Г. Перевощиковымъ, бывшимъ безпоповцемъ, а потомъ принявшимъ единовѣріе. Книга эта впослѣдствіи напечатана была Казанскою академіею, а потомъ въ 1888 году напечаталъ ее нынѣшній главный защитникъ раскола Швецовъ въ заграничной типографіи, но напечаталъ съ большими искаженіями, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорятся о троеперстномъ сложеніи, о имени Іисусъ, о крестѣ четвероконечномъ. Швецовъ даже не указалъ и дѣйствительнаго ея автора, вслѣдствіе чего старообрядцы, по незнанію, приписываютъ ее самому Швецову. Напротивъ, очень не нравилась мнѣ книжка: „О попахъ тульскаго согласія Павлѣ, Петрѣ березовскомъ, Борисѣ“ и прочихъ,

гдѣ всѣ они представлены людьми крайне безнравственными, табашниками, сквернословцами, и все это съ явнымъ намѣреніемъ очернить и унизить вмѣстѣ съ ними всѣхъ старообрядцевъ, послѣдователей „тульскаго согласія". Я и тогда понималъ, что съ возведеніемъ поношеній на старообрядцевъ тульскаго согласія и на существующихъ въ семъ согласіи бѣгствующихъ священниковъ возводится поношеніе на всю именуемую древлеправославную церковь старообрядцевъ, такъ какъ отъ лѣтъ патріарха Никона до митрополита Амвросія она окормлялась именно такими же бѣгствующими отъ церкви священниками, какіе существуютъ въ обществѣ старообрядцевъ „тульскаго согласія".

2. Первое знакомство мое съ неурядицами въ австрійской іерархіи.— Мой переѣздъ въ Москву по приглашенію Антонія — Нѣсколько словъ объ Антоніи. — Пріѣздъ въ Москву Швецова: нѣчто объ его прежней жизни — Мое поступленіе въ канцелярію Антонія. — Переписываніе Книги правилъ, сочиненій м. Даніила и другихъ книгъ. — Службы Антонія.

Занимаясь въ деревнѣ перепиской сочиненій въ защиту раскола, я не имѣлъ и тѣни сомнѣнія въ законности старообрядческой церкви, къ которой принадлежалъ, и о бѣлокриницкой іерархіи не сомнѣвался, полагая, что архіереи наши имѣютъ между собой полное единомысліе, миръ и братскую любовь. Потомъ, въ скоромъ времени пришлось мнѣ случайно узнать, что между ними господствуютъ не миръ и любовь, а раздоры и несогласія. Однимъ приближеннымъ къ Антонію лицомъ, было поручено мнѣ переписать для московскаго купца С—ва „Дѣянія архіереевъ святыя древлеправославныя церкви". Дѣянія эти начинались первыми сношеніями съ Амвросіемъ бѣлокриницкихъ иноковъ Павла и Алимпія и доведены до возведенія Антонія на московскій престолъ. Приходилось писать со многихъ подлинныхъ бумагъ, не вѣрить которымъ было нельзя, и вотъ тутъ-то мнѣ въ первый разъ пришлось увидѣть мрачную картину разныхъ неурядицъ, нестрое-

ній и раздоровъ, существовавшихъ и существующихъ между самими именуемыми архіереями старообрядцевъ, чего никакъ я не ожидалъ, что̀ на меня, человѣка еще молодаго и мало знавшаго о многомятежной здѣшней жизни, произвело сильное впечатлѣніе. Изъ бумагъ этихъ я увидалъ, что ранѣе Антонія для Россіи былъ поставленъ Кирилломъ въ епископа Софроній Жировъ, наименованный Симбирскимъ, которому дано было право — временно управлять всѣми россійскими старообрядцами. Этотъ Софроній, какъ оказалось изъ тѣхъ же бумагъ, оказался взяточникомъ и прямо обличенъ былъ въ симоніи. Объ его чрезмѣрномъ корыстолюбіи очень скоро сдѣлалось извѣстнымъ учредителю іерархіи иноку Павлу. Старообрядцы города Вышняго Волочка, нашей Тверской губерніи, съ которыми по близости находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ Великодворскіе, родные братья Павла, пожелали имѣть новаго рукоположенія попа и избрали на эту степень нѣкоего Георгія Ананьина. Неоднократно ѣздили они съ своимъ избранникомъ въ Москву къ Софронію для посвященія его, но Софроній подъ разными предлогами отказывался совершить рукоположеніе, и наконецъ приближенныя къ Софронію лица прямо объявили имъ, что Ананьинъ тогда только можетъ быть посвященъ, когда за это дадутъ владыкѣ назначенную сумму денегъ, — и сумма была назначена непосильная для небогатыхъ старообрядцевъ. Объ этомъ чрезъ Великодворскихъ они довели до свѣдѣнія инока Павла. Павелъ весьма огорченъ былъ поступкомъ Софронія и постарался замѣнить его Антоніемъ, котораго Кириллъ и рукоположилъ въ архіепископа Владимірскаго, съ правомъ временнаго завѣдыванія и всѣми дѣлами россійскаго старообрядчества, а Софронію было предписано ограничиться одною симбирскою епархіею. Софроній этого предписанія митрополіи и слушать не хотѣлъ. Антоній вынужденъ былъ обличить его противозаконныя дѣйствія окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ древлеправославнымъ христіанамъ. А Софроній,

въ отмщеніе ему и Павлу, рукоположилъ въ епископа Уральскаго Виталія, а затѣмъ оба нареклись митрополитами и нѣкоего старца Израиля рукоположили подъ именемъ Іосифа въ санъ Московскаго патріарха. Вотъ что узналъ я изъ бумагъ, которыя переписывалъ. Крайне огорченный такими возмутительными дѣйствіями Софронія, съ неменьшимъ огорченіемъ я узналъ изъ тѣхъ же бумагъ, что и самъ Антоній, послѣ неоднократныхъ ему соборныхъ напоминаній не присвоивать недарованной титлы архіепископа *всея* Россіи, присвоилъ ее, именуя себя въ бумагахъ архіепископомъ Владимірскимъ и всея Россіи, да и самый московскій престолъ занялъ не по желанію всѣхъ, а употребилъ на это много хлопотъ и матеріальныхъ средствъ. Доходили до меня и прежде не ясные слухи о возникшемъ у насъ раздорѣ между окружниками и неокружниками, и я недоумѣвалъ, какъ могъ произойти такой раздоръ, когда тѣ и другіе пріемлютъ одно и то же священство, происшедшее отъ митрополита Амвросія; теперь же, изъ бумагъ, которыя переписывалъ, увидѣлъ ясно все безобразіе и нечестіе, сопровождавшія раздоръ между окружниками и неокружниками: эти послѣдніе, своими крайними ученіями о церкви грекороссійской, разумѣется, казались мнѣ совершенно неправыми; но и окружниковъ признать во всемъ правыми я сомнѣвался, такъ какъ видѣлъ неискренность и противорѣчіе въ ихъ дѣйствіяхъ. А особенно смущало меня то, что главные ревнители Окружнаго Посланія, въ томъ числѣ епископы Онуфрій и столь восхваляемый старообрядцами Пафнутій, оставили старообрядчество, презрѣли свое священство и присоединились къ церкви простыми иноками. Стало-быть, разсуждалъ я, нашли они за обществомъ, архіереями котораго состояли, что-нибудь неправильное. Скоро увидѣлъ и то, въ чемъ нашли они неправильность, — увидѣлъ именно изъ поданныхъ ими Антонію и Духовному Совѣту восьми вопросовъ. Должно сказать, что именно вопросы эти пробудили во мнѣ первыя сомнѣнія

о дѣйствительности и законности существующей у старообрядцевъ іерархіи и самой именуемой древлеправославной церкви старообрядцевъ, которыя сомнѣнія съ теченіемъ времени стали во мнѣ болѣе и болѣе развиваться.

„Дѣяній“ этихъ, открывшихъ предо мною печальные раздоры и нестроенія, происходящія въ нашей австрійской іерархіи, написалъ я пять книгъ. Впослѣдствіи Антоній пріобрѣлъ ихъ дорогой цѣной отъ того самаго лица, для коего они были написаны, и въ присутствіи моего товарища, писца Леона Трофимова, вырвалъ изъ нихъ тѣ листы, въ коихъ онъ, Антоній, представляется не въ благовидномъ свѣтѣ, и сжегъ, а счетъ листамъ книги приказалъ Трофимову переправить.

До 1866 г. я жилъ у себя въ деревнѣ, занимаясь указанными трудами въ перепискѣ книгъ, какія присылались мнѣ изъ Москвы; а въ этомъ году Антоній вытребовалъ меня къ себѣ въ Москву и поручилъ мнѣ здѣсь, въ Москвѣ, заняться перепиской „Книги правилъ св. Апостолъ, седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, съ треми толкованіями: Валсамона, Зонары и Аристина“. Тогда книги этой въ печати еще не было, и Антонію желательно было имѣть ее хотя писанную. Онъ былъ мало начитанъ въ книгахъ, но любилъ пріобрѣтать ихъ, особенно книги старинныя и рѣдкія, также и иконы: у него въ канцеляріи составилась потомъ порядочная библіотека древнихъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, а также и новыхъ богословскаго и церковно-историческаго содержанія. Нѣкоторыя принадлежащія ему книги онъ отдавалъ на храненіе также хорошо знакомымъ ему лицамъ. Своихъ книгъ и иконъ много разослалъ онъ въ заграничные старообрядческіе монастыри и въ русскія общества старообрядцевъ, снабжалъ ими архіереевъ и поповъ. Денегъ онъ не копилъ и рѣдко имѣлъ; а давали ему много, и онъ употреблялъ ихъ на пріобрѣтеніе книгъ, церквей, церковной утвари, облаченій, которыми снабжалъ поповъ и заграничныхъ

архіереевъ, и все это съ цѣлію распространенія и утвержденія австрійскаго раскола.

Въ томъ же 1866 году, только нѣсколькими мѣсяцами раньше меня, поступилъ къ Антонію и извѣстный теперь Онисимъ Васильевъ Швецовъ. Онъ крестьянинъ же (Владимірской губерніи) и такъ же, какъ я, въ малолѣтствѣ принадлежалъ къ православной церкви; но изъ православія уклонился сначала въ безпоповщинскую секту нѣтовцевъ, существующую и донынѣ на его родинѣ. Наставникомъ этой секты въ то время былъ у нихъ Василій Ивановъ, человѣкъ почтенный и очень набожный: онъ-то и способствовалъ Швецову въ уклоненіи отъ церкви. Примѣчательно, что этотъ Василій Ивановъ, совратившій Швецова въ нѣтовщину, самъ незадолго до смерти присоединился къ православной церкви на правилахъ единовѣрія и что этому его присоединенію способствовалъ въ свою очередь Швецовъ — проповѣдію о необходимости священства въ церкви Христовой. Самъ же Швецовъ, признавъ нужду священства, перешелъ изъ секты нѣтовцевъ въ секту старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійскую іерархію. Переходу его изъ нѣтовщины въ австрійщину способствовалъ крестьянинъ села Васильева, Нижегор. губ., Ѳедоръ Петровичъ Мятелковъ. Примѣчательно, что этотъ Мятелковъ, человѣкъ строгой жизни и умный, впослѣдствіи принялъ православіе и сдѣлался ревностнымъ обличителемъ Швецовскихъ заблужденій: онъ умеръ лѣтъ семь тому назадъ. Родители и сродники Швецова, конечно, по его настоянію, также отъ церкви перешли въ расколъ поповцевъ австрійскаго согласія. Они при мнѣ уже для принятія исправы нарочно пріѣзжали въ Москву, такъ какъ на родинѣ Швецова не было тогда не только австрійскаго попа, но никого и принадлежащаго къ австрійскому священству, а теперь, благодаря Швецову, существуетъ цѣлая община пріемлющихъ австрійскую іерархію, имѣющая особую моленную и своего собственнаго попа. Какъ ревнитель

раскола, Швецовъ былъ для Антонія дорогимъ пріобрѣтеніемъ: въ немъ Антоній обрѣлъ человѣка по сердцу своему. Швецовъ велъ жизнь трезвую, къ чтенію писанія прилежалъ съ великимъ усердіемъ, просиживая цѣлыя ночи безъ сна, — все старался отыскать что-либо къ оправданію старообрядчества, очевидно чувствуя, въ глубинѣ души, справедливость и основательность представляемыхъ православными доказательствъ его незаконности и ложности.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Москву, Антоній своей собственной квартиры не имѣлъ, а проживалъ въ домахъ разныхъ боголюбцевъ. Мнѣ даже пришлось употребить не мало хлопотъ, чтобы отыскать его. Тогда, не какъ теперь, старообрядцы въ разговорахъ между собою при незнакомыхъ лицахъ боялись даже называть Антонія владыкой, а звали его дѣдушкой, — напримѣръ говорили: не знаете ли, гдѣ находится дѣдушка? Я отыскалъ его въ домѣ Павла Ильича на Новомъ селеніи, близъ Покровскаго монастыря. Антоній принялъ меня любезно и послалъ въ домъ Егора Родіонова Самыкова: здѣсь находилась тогда Антоніева канцелярія и Самыковъ занималъ должность письмоводителя Духовнаго Совѣта, помощникомъ же состоялъ Швецовъ. Самыковъ и Швецовъ, уже предувѣдомленные о моемъ пріѣздѣ, приняли меня также любезно. Поселившись здѣсь, я немедленно приступилъ къ дѣлу, для котораго былъ вызванъ Антоніемъ, т.-е. къ переписыванію Книги правилъ. Это была огромная рукопись, состоящая изъ трехъ книгъ, скорописная, новаго перевода. Швецовъ говорилъ мнѣ, что Антоній купилъ ее за дорогую цѣну. Но рукопись была весьма неисправна, почти безъ знаковъ препинанія. Исправить ее, разставить точки и запятыя, Антоній поручилъ Самыкову; а мнѣ велѣно было переписывать уже исправленный имъ текстъ. Самыковъ вовсе не знакомъ былъ съ грамматикой, и потому къ исправленію недостатковъ книги вовсе былъ не способенъ, — бывало наставитъ точекъ и запятыхъ тамъ,

гдѣ ихъ вовсе не требуется. Я же немного поучился грамматикѣ, и видя, какъ безтолково Самыковъ ставитъ точки и запятыя, удивлялся, что такому, совсѣмъ незнающему человѣку, препоручено исправленіе столь важной канонической книги. Однажды, воспользовавшись тѣмъ, что Антоній къ намъ пріѣхалъ, я представилъ ему образчикъ дѣлаемыхъ Самыковымъ невѣрностей и при этомъ прочиталъ ему самый текстъ книги. Антоній, выслушавъ, немедленно взялъ перо, поставилъ въ прочитанномъ мѣстѣ книги, на моей рукописи, большую точку, и сказалъ: „Вотъ тутъ, совершенно тово, требу́ется точка!" Я посмотрѣлъ,— и вижу, что точка поставлена совсѣмъ не на мѣстѣ. Объ этомъ, когда Антоній ушелъ, я сейчасъ же сказалъ Швецову; а онъ отвѣтилъ, что владыка въ этомъ дѣлѣ мало понимаетъ. Тутъ я увидѣлъ, что мнѣ не у кого искать совѣта и указанія для исправной переписки, и повелъ дѣло самъ, какъ умѣлъ. Много я положилъ труда за этой книгой, — хотѣлось, чтобы она вышла мало-мальски исправнѣе. Когда окончилъ я одинъ кземпляръ, Антоній заставилъ меня писать другой. Я представилъ ему необходимость имѣть болѣе исправный списокъ книги. Тогда онъ чрезъ книжнаго торговца Большакова получилъ на время книгу правилъ изъ библіотеки Алексѣя Ивановича Хлудова. Но въ ней были только правила св. Апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ. Правилъ же помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ не имѣлось. Однако съ этой именно книги Хлудовской библіотеки я и началъ писать второй экземпляръ. А полной Книги правилъ съ толкованіями Валсамона, Зонары и Аристина, я написалъ три экземпляра: изъ нихъ одну Антоній отослалъ за границу въ Славскій монастырь, другую подарилъ Пафнутію Казанскому, а третію оставилъ у себя въ библіотекѣ. Кромѣ этой книги, чрезъ того же Большакова, Антоній получилъ изъ Хлудовской библіотеки на время рѣдкую рукопись сочиненій Даніила митрополита Московскаго, имѣющую свидѣтельство о двупер-

стіи: этой книги я написалъ тоже не одинъ экземпляръ. Кромѣ помянутыхъ большихъ книгъ въ канцеляріи Антонія я писалъ ставленныя грамоты для новорукополагаемыхъ поповъ и книжки въ защиту раскола.

Такъ по буднямъ я, вмѣстѣ со Швецовымъ, занимался письменной работой; а по праздникамъ мы ходили къ обѣднѣ въ тѣ мѣста, гдѣ служилъ Антоній. Случалось ходить почти чрезъ всю Москву, такъ какъ Антоній служилъ въ разныхъ домахъ старообрядцевъ: въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ у Бутикова, Свѣшникова, Богомолова и др., имѣлись неподвижныя церкви; а гдѣ такихъ не было туда Антоній привозилъ свою походную церковь. Къ служенію онъ имѣлъ большое усердіе, и очень любилъ служить по-архіерейски, хотя бы на службѣ было не болѣе пяти человѣкъ. Когда при этомъ, осѣняя трикиріемъ и дикиріемъ, онъ произносилъ: „Господи, Господи, призри съ небесе виноградъ сей", я думалъ: гдѣ же сей виноградъ, когда въ церкви нѣтъ никого? За усердіе и очень продолжительное служеніе, Антонія уважали и любили старообрядцы.

3. Знакомство съ Ксеносомъ и Мерзляковымъ.— Совѣтъ Ксеноса — заняться изученіемъ греческаго языка. — Горячность Швецова къ занятію греческимъ языкомъ и прекращеніе занятій.— Василій Семенычъ Ломоносовъ.— Взглядъ Ксеноса на австрійскую іерархію.

Въ канцелярію къ намъ изрѣдка приходилъ уже знаменитый тогда Ксеносъ, авторъ Окружнаго Посланія, Иларіонъ Егоровичъ Кабановъ, и еще другой примѣчательный человѣкъ, авторъ печатной книжки „Безпристрастный взглядъ старообрядца — поповца", Василій Андреевичъ Мерзляковъ: этотъ послѣдній живалъ по цѣлой недѣлѣ у насъ въ канцеляріи,— отъ него Швецовъ научился нѣсколько грамматикѣ. Съ обоими я вошелъ въ близкое знакомство, хотя между собой они и расходились во взглядахъ на религіозные предметы и другъ друга не любили. Мерзляковъ былъ какой-то загадочный человѣкъ. Онъ

будто бы происходилъ, какъ мнѣ тогда передавали, изъ знатнаго семейства, имѣлъ порядочное образованіе, жилъ въ Сибири и въ разныхъ городахъ; характеръ имѣлъ крутой. Свою нелюбовь къ Ксеносу за причиненный имъ чрезъ Окружное Посланіе церковный раздоръ въ старобордчествѣ, онъ не скрывалъ и при насъ. Однажды, когда Мерзляковъ былъ у насъ, приходитъ вскорѣ же и Иларіонъ: здороваясь съ нами, онъ по обычаю низко кланялся намъ. Мерзляковъ, смотря на это, не выдержалъ, и сказалъ: „Ты своимъ низкопоклонствомъ прельщаешь малосвѣдущихъ людей, а въ сущности ты учитель несправедливый"! Иларіонъ, смущенный этимъ, поспѣшилъ отъ насъ уйти. Однако, и послѣ этого онъ неоднократно къ намъ приходилъ. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Ксеносъ сталъ говорить намъ, т.-е. мнѣ и Швецову: „Вотъ у васъ, старообрядцевъ, идетъ споръ съ послѣдователями церкви грекороссійской объ имени *Іисусъ*, трикратномъ аллилуіа и прочемъ. Въ доказательство своей правоты они ссылаются на греческія книги; а мы, старообрядцы, по незнанію греческаго языка ссылокъ ихъ провѣрить не можемъ. Если бы мы знали греческій языкъ, то легко бы могли провѣрить ихъ ссылки, такъ какъ греческія старинныя книги обрѣтаются во многихъ библіотекахъ, существующихъ въ Россіи, и провѣривши, могли бы изобличить ихъ неправду, если она обрящется. Наше московское общество старообрядцевъ богатое: ему объ этомъ надлежало бы позаботиться, — обучить бы, по крайней мѣрѣ, трехъ молодыхъ людей греческому языку!" И, указывая прямо на насъ, сказалъ: „Вы вотъ люди молодые, и вполнѣ могли бы заняться изученіемъ греческаго языка и этимъ принесли бы большую пользу и обществу и самимъ себѣ". Эти слова Иларіона сильно подѣйствовали на насъ, и Швецовъ рѣшился послѣдовать его совѣту, приняться за изученіе греческаго языка, къ чему поощрялъ его и самъ Антоній. Вскорѣ отысканъ былъ и учитель, г-нъ Миловидовъ, состоявшій

преподавателемъ греческаго языка въ московской гимназіи, что на Разгуляѣ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Швецовъ ходилъ къ нему брать уроки греческаго языка, такъ какъ въ будни некогда было учителю заниматься съ нимъ. Учитель былъ хорошій знатокъ греческаго языка. Швецова же весьма удивляло въ немъ то, что, будучи никоніаниномъ, онъ не курилъ табаку и часто отказывался отъ вознагражденія за уроки, совѣтуя лучше эту лепту раздать неимущимъ. Швецовъ часто говорилъ мнѣ про учителя, что такіе люди едва ли найдутся и между „христіанами", т.-е. старообрядцами. Учитель, дѣйствительно, былъ человѣкъ хорошій; онъ бывалъ у насъ въ канцеляріи и я имѣлъ съ нимъ разговоры о разныхъ предметахъ. Не оставляя по письмоводству текущихъ дѣлъ, Швецовъ три года съ прилежаніемъ занимался изученіемъ греческаго языка, и достигъ того, что съ помощію словаря могъ дѣлать переводъ съ греческаго на русскій языкъ. Подъ его руководствомъ и я выучилъ греческія склоненія именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Потомъ горячность Швецова къ изученію греческаго языка совершенно охладѣла, и вотъ почему. У насъ въ канцеляріи временно проживалъ усумнившійся въ правотѣ старообрядчества крестьянинъ Нижегородской губерніи Димитрій Иванычъ Харитоновъ, прибывшій въ Москву для ознакомленія съ древностями. По совѣту Иларіона онъ скопировалъ на тонкую бумагу изъ хранящагося въ синодальной (патріаршей) библіотекѣ извѣстнаго Хрисовула греческій символъ вѣры, и просилъ Швецова перевести его съ греческаго на русскій языкъ. Швецовъ перевелъ, и оказалось, что въ осьмомъ членѣ читается: *и въ Духа Святаго Господа животворящаго*, а не такъ, какъ у старообрядцевъ: *и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго.* Швецову это не понравилось. Потомъ я попросилъ его справиться въ имѣвшейся у насъ въ канцеляріи греческой книгѣ Симеона Солун-

скаго, есть ли въ ней повелѣніе о посыпаніи мертваго пепломъ изъ кадильницы, что̀ предки старообрядцевъ представляли въ обвиненіе церкви, и находится ли также въ символѣ вѣры слово: *истиннаго*. Швецовъ справился и сказалъ, что повелѣніе о посыпаніи пепломъ въ греческой книгѣ находится, а слово: *истиннаго* въ символѣ вѣры не написано. Справлялся онъ въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ и о разныхъ изреченіяхъ, которыя старообрядцами признаются неправильно исправленными въ употребляемыхъ великороссійскою церковію книгахъ, и всегда выходило, что въ новоисправленныхъ переведено съ греческимъ согласно. Огорченный этимъ, Швецовъ и оставилъ совсѣмъ дальнѣйшее изученіе греческаго языка. Когда его спрашивали, почему оставилъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „трудовъ много, а пользы нѣтъ никакой, потому и оставилъ"!

Былъ тогда и еще одинъ молодой старообрядецъ занимавшійся греческимъ языкомъ — Василій Семенычъ Ломоносовъ. Онъ состоялъ при Казанскомъ епископѣ Пафну́тіи, а когда пріѣзжалъ въ Москву, имѣлъ пребываніе у одного богатаго купца, питавшаго особое расположеніе къ молодому Пафнутію и автору Окружнаго Посланія. Его-то, вмѣстѣ со Швецовымъ, Ксеносъ и подвигъ къ изученію греческаго языка. Онъ бралъ уроки у одного монаха московскаго греческаго монастыря, что̀ на Никольской улицѣ, къ которому и самъ Иларіонъ хаживалъ учиться по-гречески. Когда Иларіонъ уѣхалъ изъ Москвы на родину, то неоднократно убѣждалъ Василія Семеныча продолжать занятіе греческимъ языкомъ; но этотъ послѣдній, безъ его поддержки, скоро ослабѣлъ и, подобно Швецову, оставилъ это занятіе. Такъ вожделѣнное предпріятіе Иларіона Георгіевича и не осуществилось. У меня сохранились два собственноручныя письма его къ Василію Семенычу, писанныя имъ спустя немного времени по отъѣздѣ изъ Москвы[1]): изъ нихъ видно, что мысль о потребности для

[1]) Напечатаны въ „Брат. Сл." 1884 г. т. 1, стр. 471.

старообрядцевъ изученія греческаго языка не покидала его никогда. Отъ 17 апрѣля 1869 года между прочимъ онъ писалъ: „Я очень радуюсь, что вы успѣваете въ ученіи, и вотъ уже сколько изучили, якоже являетъ приложенный вами переводъ! Да благопоспѣшитъ Господь Богъ вамъ еще и еще. Какіе вы благородные поступки учинили въ отношеніи подарка учителю отъ имени моего! О, не знаю, какъ васъ благодарить! Я еще васъ умоляю и прошу: не оставляйте начатаго обще со мною ученія. Вамъ Богъ подаетъ изрядное разумѣніе и отличное понятіе, которое въ будущее время будетъ составлять ваше благосостояніе, а можетъ-быть и пользу ближнихъ. По прибытіи моемъ я нахожусь въ печальномъ положеніи и слабомъ здоровьѣ по причинѣ потерпѣннаго въ дорогѣ холода. Самое затрудненіе мое состоитъ въ томъ: приходятъ мнози съ разными вопросами, полагаясь во всемъ на мою худость, спрашиваютъ о Кириллѣ митрополитѣ, объ Антоніи архіепископѣ и Духовномъ Совѣтѣ. Потрудитесь вообразить, *φίλος* мой, что̀ этимъ людямъ мнѣ должно говорить! Если говорить правду, то ихъ приведешь въ разстроенное положеніе; а если покрывать и заглаждать всѣ безобразныя явленія и душепагубное мудрованіе Давыда Антипова и соборное опредѣленіе бѣлокриницкое, боюсь гнѣва Божія! Итакъ недоумѣніе облежитъ мя отъ обышедшихъ мя золъ. Господи! Господи! не осуди мене съ нечестивыми и настави на истину Твою! даждь ми отъ Твоихъ престолъ намѣстницу премудрость, да пришедши научитъ мя, что̀ угодно есть предъ Тобою". Это письмо очень хорошо показываетъ, и то, какъ дорого цѣнилъ Иларіонъ Егорычъ знаніе греческаго языка, и то, какъ смотрѣлъ онъ на представителей бѣлокриницкой іерархіи — Кирилла и Антонія. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ большое недовѣріе не только къ нимъ однимъ, но и ко всей бѣлокриницкой іерархіи, какъ я убѣдился въ томъ скоро по пріѣздѣ моемъ въ Москву. Разъ явился къ намъ въ канцелярію одинъ человѣкъ изъ безпоповцевъ и выра-

зилъ желаніе побесѣдовать съ нами о религіозныхъ предметахъ. Самыковъ самъ не захотѣлъ, да и боялся войти съ нимъ въ разговоръ о вѣрѣ, а послалъ меня съ просьбою къ Ксеносу, чтобы пожаловалъ къ нему въ домъ для собесѣдованія съ безпоповцемъ. Ксеносъ имѣлъ тогда пребываніе въ домѣ Шелапутиной на Швивой горкѣ. Принялъ онъ меня радушно, подарилъ мнѣ Евангеліе съ своею надписью, и сейчасъ заговорилъ со мной о ключахъ царствія небеснаго. „Господь верховному Апостолу Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ пастырямъ церкви, далъ ключи царствія небеснаго на связаніе и разрѣшеніе грѣховъ. Скажи мнѣ: имѣютъ ли сіи Богомъ данные ключи митрополитъ Кириллъ и архіепископъ Антоній"? Я отвѣтилъ: они состоятъ нашими пастырями и намъ нужно признавать, что имѣютъ; а если не признать этого, то нельзя уже признавать ихъ и за своихъ пастырей. На это онъ сказалъ только: сомнительно! А относительно просьбы Самыкова обѣщалъ отвѣтить на другой день черезъ письмо ко мнѣ же. Дѣйствительно, онъ прислалъ на мое имя письмо, начинавшееся слѣдующимъ изреченіемъ писанія: *темна вода во облацѣхъ воздушныхъ*. Въ письмѣ просилъ меня передать Самыкову, что принять участіе въ бесѣдѣ онъ не можетъ, потому что сами пастыри старообрядцевъ, уничтоживъ Окружное Посланіе, уничтожили въ немъ содержащееся истинное ученіе, и потому *прежде* подобаетъ *очистити внутреннее стклянницы и блюда, да будетъ и внѣшнее ихъ чисто*. Къ сожалѣнію моему, это примѣчательное письмо Самыковъ взялъ у меня показать Антонію, Антоній же, прочитавъ письмо, обругалъ Иларіона, назвавъ полуименемъ, а письмо должно-быть уничтожилъ. Вообще, Ксеносъ былъ тогда въ великомъ сомнѣніи объ австрійской іерархіи и ея высшихъ представителяхъ. Мнѣ приходилось ходить съ нимъ къ Сухаревой башнѣ за покупками книгъ, и всегда заводилъ онъ рѣчь о ключахъ царства небеснаго, владѣютъ ли ими австрійскіе владыки, и заявлялъ сомнѣніе о Кириллѣ и Антоніи,

что бы они могли имѣть сіи ключи. Онъ былъ хорошій пѣвецъ, нерѣдко бывалъ за службой Антонія, и на всѣ прошенія ектеніи пѣлъ: „Господи помилуй", а когда въ прошеніи поминалось имя Кирилла митрополита и Антонія, не пѣлъ, стоялъ молча.

4. Окружное Посланіе и отношеніе къ нему Антонія. — Борьба между окружниками и неокружниками. — Раздѣленіе въ средѣ окружниковъ. — Бѣлокриницкій актъ. — Отношеніе къ нему Антонія.

Когда Иларіонъ писалъ мнѣ письмо съ отказомъ на приглашеніе Самыкова — выступить въ защиту австрійской іерархіи противъ безпоповцевъ, тогда былъ самый разгаръ борьбы между окружниками и неокружниками. Считаю нужнымъ хотя кратко сказать объ этой борьбѣ, начавшейся незадолго до моего пріѣзда въ Москву и продолжавшейся во время моихъ занятій въ канцеляріи Антонія.

Окружное Посланіе, по мысли Ксеноса и сочувствовавшихъ ему Онуфрія и Пафнутія, имѣло цѣлью вывести старообрядцевъ поповщинскаго согласія изъ противорѣчія, въ которое они поставили себя крайнѣ несправедливыми понятіями о церкви грекоросійской, проповѣдуя согласно съ безпоповцами, вѣрнѣе же — согласно ученію своихъ предковъ, что грекороссійская церковь якобы подъ именемъ *Іисуса* вѣруютъ въ иного бога — антихриста, что употребляемыя ею троеперстное сложеніе и четвероконечный крестъ суть печать антихриста, и въ то же время окормляясь отъ этой церкви бѣгствующимъ священствомъ. Это именно противорѣчіе Ксеносъ и желалъ устранить Окружнымъ Посланіемъ; а чтобы оправдать старообрядцевъ, онъ указывалъ здѣсь, какъ на законную якобы причину отдѣленія ихъ отъ церкви, на одни „жестокословныя пореченія" полемическихъ книгъ на извѣстныя обрядовыя преданія, и заявлялъ, что когда эти порицанія будутъ уничтожены, тогда старообрядцы „безъ увѣщанія пойдутъ къ общенію" съ церковію Замѣчу, что этими словами Окружное Посланіе прямо

признало старообрядцевъ не церковію Божіею, а отщепенцами отъ нея: ибо не церковь къ еретикамъ, а еретики къ церкви должны приходить. Не взирая на это, Онуфрій первый подписалъ Посланіе, а за нимъ подписались Пафнутій Казанскій, Варлаамъ Балтовскій; но Антоній долго не подписывалъ Посланіе, чувствуя, что изъ-за него въ обществѣ старообрядцевъ неминуемо послѣдуетъ раздѣленіе. Онъ говорилъ Иларіону, настоятельно требовавшему его подписи подъ Окружнымъ, что готовъ на свои средства написать даже не одинъ десятокъ посланій и разослать въ общества старообрядцевъ, но только безъ архіерейскихъ подписей. Архіереи мы новые, — говорилъ Антоній, общество наше къ намъ еще не привыкло, полнаго довѣрія у него мы не заслужили: поэтому намъ обращаться къ обществамъ съ такимъ посланіемъ преждевременно и опасно. Но Иларіонъ въ свою очередь представлялъ ему, что безъ архіерейскихъ подписей Посланіе не можетъ имѣть никакого значенія. Не смотря на просьбы и мольбы Иларіона, Антоній едва ли бы рѣшился подписать Окружное, если бы не имѣлъ опасенія, что отказомъ испортитъ хорошія къ нему отношенія Онуфрія, а съ тѣмъ вмѣстѣ потеряетъ надежду занять московскій престолъ, къ чему онъ усердно стремился. Это именно обстоятельство и вынудило его наконецъ подписать Окружное Посланіе. Иларіонъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ, что такъ смѣло и рѣшительно возставая противъ исконныхъ, всѣми вообще раскольниками содержимыхъ лжеученій (хотя и названныхъ въ Посланіи собственно лжеученіями безпоповцевъ, обносимыми въ нѣкоторыхъ, составленныхъ ими, ложныхъ тетрадяхъ), этимъ самымъ вызоветъ негодованіе и сильное противодѣйствіе въ большинствѣ раскольниковъ-поповцевъ, держащихся тѣхъ же, отъ предковъ наслѣдованныхъ, лжеученій, въ которыхъ воспитались, съ которыми сжились. Антоній же, бывшій безпоповецъ и потому никогда не покидавшій этихъ лжеученій, судя по себѣ, ожидалъ отъ Посланія большихъ волненій въ поповщинскомъ мірѣ. И

онъ не ошибся. Всѣ истые послѣдователи раскола въ австрійской сектѣ возстали противъ Окружнаго Посланія немедленно же послѣ его изданія. Желая авторитету подписавшихъ Посланіе епископовъ поставить духовный же и еще болѣе сильный авторитетъ, они привлекли на свою сторону тогдашняго Бѣлокриницкаго митрополита Кирилла, привезли его въ Москву, и здѣсь, по ихъ настоянію, онъ издалъ 24 февраля 1863 года грамоту на уничтоженіе Окружнаго Посланія, которую подтвердилъ потомъ, по желанію Кирилла, и Амвросій. Изданіемъ этого перваго акта объ уничтоженіи Окружнаго Посланія и началась открытая борьба двухъ партій въ средѣ старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, — тогда принявшіе Окружное Посланіе получили наименованіе окружниковъ, а не принявшіе названы противуокружниками и раздорниками. Противъ изданной Кирилломъ грамоты Иларіонъ составилъ извѣстное „Омышленіе"[1]). Потомъ окружники въ томъ же 1863 году снарядили посольство къ Амвросію и Кириллу, убѣдили ихъ отвергнуть уничтоженіе и напротивъ издать подтвержденіе Окружнаго Посланія. Въ свою очередь неокружники вскорѣ снарядили также посольство къ Кириллу и снова привлекли его на свою сторону, и онъ даже поставилъ для нихъ на московскій престолъ особаго епископа Антонія, въ противовѣсь нашему Антонію, наконецъ возведенному тогда на московскій престолъ. Возбужденію старообрядцевъ противъ Окружнаго Посланія способствовало и то обстоятельство, что главныя лица, участвовавшія въ его изданіи тѣмъ или инымъ способомъ, какъ-то: Онуфрій, Пафнутій, Филаретъ и другіе, вскорѣ по его изданіи оставили расколъ и присоединились къ православной церкви: это подало старообрядцамъ сомнѣніе и относительно всѣхъ сочувство-

---

[1]) Всѣ важнѣйшіе документы, относящіеся къ этой борьбѣ, тогда вскорѣ же начали являться въ печати, — въ статьяхъ „Современныя движенія въ расколѣ" и въ „Лѣтописяхъ раскола".

вавшихъ Посланію, каковы: Пафнутій Казанскій, Варлаамъ Балтовскій и другіе. Объ нихъ говорили даже, будто они имѣютъ уже тайную переписку съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ насчетъ обращенія къ церкви. Что же касается Антонія, объ немъ такого сомнѣнія не имѣли, такъ какъ онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ Окружному Посланію. Чувствуя свою силу по возведеніи на московскую каѳедру, онъ не стѣснялся даже издавать собственныя грамоты объ уничтоженіи Посланія. „Смиреніе наше, — писалъ онъ въ грамотѣ 1864 года, — съ самаго начала появленія Окружнаго Посланія никому его въ руководство не преподавахомъ. Егда же по происшедшимъ чрезъ него въ христіанскомъ народѣ смущеніямъ и соблазнамъ, г-нъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Кириллъ состави опредѣленіе объ уничтоженіи того Посланія, азъ безпрекословнѣ соизволихъ подписатися на ономъ опредѣленіи; но понеже послѣ того паки въ христіанѣхъ молва распространеся, аки бы мы вновь пріемлемъ и возстановляемъ Окружное Посланіе, того ради смиреніе наше, изданною въ 23 день сего февраля грамотою, вторично подтвердихомъ, яко мы Окружное Посланіе уничтожаемъ и воспрещаемъ всѣмъ православнымъ христіаномъ имѣти оное, и ни въ чемъ имъ не руководствоватися“. Съ этой грамоты мы писали копіи, и Антоній раздавалъ ихъ въ успокоеніе сомнящихся Окружнымъ Посланіемъ. Вслѣдствіе этого, въ самомъ обществѣ окружниковъ образовалось двѣ партіи: истинныхъ и мнимыхъ окружниковъ. Во главѣ первой стоялъ Пафнутій Казанскій съ Иларіономъ, а во главѣ второй Антоній съ Самыковымъ и Швецовымъ. За дѣйствіями другъ друга обѣ партіи слѣдили внимательно. Пафнутій былъ человѣкъ сравнительно начитанный и около себя имѣлъ людей тоже начитанныхъ, — каковъ былъ особенно Иларіонъ, а также и упоминаемый выше Василій Семенычъ Ломоносовъ. Антоній же, напротивъ, былъ очень мало начитанъ и людей, безпристрастно ищущихъ истины,

около себя не держалъ, — да такимъ трудно было и ужиться съ нимъ по крайней его приверженности къ расколу. Антоній былъ только начитанъ въ полемическихъ книгахъ православныхъ писателей, каковую начитанность усвоилъ еще будучи въ безпоповствѣ, и онъ умѣлъ пользоваться этой начитанностью въ защиту раскола. У него была тогда большая книга въ листъ подъ названіемъ: „Обозрѣніе существующихъ въ церкви грекороссійской ересей“. Это были собственно выписки изъ разныхъ полемическихъ книгъ, содержащія порицаніе разныхъ почитаемыхъ старообрядцами обрядовыхъ предметовъ. Книга эта была его любимою книгою. Бывало, какъ только узнаетъ, что въ появившихся новыхъ книгахъ есть что-нибудь, что̀ можно употребить въ защиту раскола и въ обвиненіе церкви, тотчасъ же призываетъ меня и приказываетъ вписать это въ свое „Обозрѣніе“. Онъ желалъ этой книгой дать матеріалъ будущимъ писателямъ противъ православной церкви, и этимъ матеріаломъ дѣйствительно воспользовался извѣстный жидъ Карловичъ: въ его „Историческихъ изслѣдованіяхъ служащихъ къ оправданію старообрядцевъ“, напечатанныхъ за границей, весьма многое заимствовано изъ собраннаго Антоніемъ и его помощниками матеріала. Эту Антоніеву книгу „Обозрѣніе“ зналъ покойный отецъ Онуфрій, еще будучи намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи, епископомъ Браиловскимъ, и за собранныя въ ней многія мнимо-никоніанскія ереси далъ ей характерное наименованіе: „Ту гади, имже нѣсть числа“. Со словъ его, и мы всѣ звали ее не иначе, какъ этимъ именемъ: „Ту гади“. По настоянію Пафнутія Казанскаго духовнымъ совѣтомъ было воспрещено ея распространеніе, какъ книги, требующей внимательнаго исправленія; но Антоній и по запрещеніи распространялъ ее между старообрядцами, заказывая нарочитымъ писцамъ переписыть ее, что̀ очень оскорбляло Пафнутія.

Итакъ въ средѣ окружниковъ не было согласія, — Антоній съ своими приближенными готовъ былъ пожертво-

вать Окружнымъ Посланіемъ и неоднократно отказывался отъ него, а Пафнутій Казанскій съ Илларіономъ напротивъ крѣпко стояли за него. А между тѣмъ, противуокружники, въ своей враждѣ къ Посланію доходили до того, что начали проповѣдывать нелѣпѣйшія ученія. Такъ формозскій Прокопъ Лаврентьевъ проповѣдывалъ, что якобы Іисусъ, въ котораго вѣруетъ церковь грекороссійская, есть иной Богъ, есть антихристъ, что якобы родился онъ восемь лѣтъ спустя по рождествѣ Христа Спасителя, и матерь его была освящена къ его зачатію также нашествіемъ Св. Духа чрезъ слово архангела Гавріила, и что якобы сей противникъ Христовъ былъ распятъ на крестѣ двусоставномъ, который посему и почитается церковію грекороссійскою. Это богохульное ученіе, письменно изложенное Прокопомъ Лаврентьевымъ, Бѣлокриницкій и „всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ" митрополитъ Кириллъ утвердилъ и препроводилъ въ Москву для руководства „христіанъ": „посылаю вамъ сіе, писалъ онъ, въ руководство, чтобы не колебатися въ догматахъ церковнаго преданія, ибо оно составлено отъ божественныхъ писаній". Московскіе окружники были крайне смущены, получивъ такое исповѣданіе вѣры отъ Кирилла, и признали необходимымъ за это, равно какъ и за прочія его незаконныя дѣйствія, лишить его сана, равно какъ покончить и дѣло съ противуокружниками. Для этого нашли нужнымъ собрать великій соборъ, который и былъ назначенъ на 28 іюня 1868 года въ самой митрополіи — Бѣлой Криницѣ. Антоній не нашелъ возможнымъ самъ ѣхать на соборъ, а передалъ свой голосъ въ полное распоряженіе Аркадію, экзарху Славскому, котораго просилъ много не стѣсняться Окружнымъ, лишь бы достигнуть мира. Соборъ этотъ кончился печально для окружниковъ. Было постановлено: Окружное Посланіе со всѣми положенными въ немъ статьями уничтожается, опровергается и проклинается, а тѣ, которые будутъ читать Окружное Посланіе и подобныя ему писанія, „составленныя отъ

своего смышленія и несогласныя Божественному писанію за справедливыя и душеспасительныя, таковые отсѣкаются отъ церковнаго общенія, яко гнилый и непотребный удъ"; обоихъ Антоніевъ считать законными московскими епископами, съ тѣмъ только различіемъ, что старый Антоній долженъ именоваться Московскимъ и Владимірскимъ, а новый просто Московскимъ; всѣ принимавшіе Окружное Посланіе священно-іереи и мірстіи люди должны привести прощеніе священнымъ лицамъ неокружниковъ, и епископъ Софроній, многократно запрещенный, признанъ за епископа. Антоній былъ доволенъ этими постановленіями, такъ какъ признанъ былъ законнымъ московскимъ архіепископомъ, что̀ ему было всего дороже. Напротивъ, Пафнутій съ Иларіономъ и прочіе члены Духовнаго Совѣта встрѣтили опредѣленіе собора съ большимъ огорченіемъ и негодованіемъ. Огорченіе и негодованіе свое они прежде всего выразили въ письмахъ къ Аркадію, отъ котораго всего менѣе ожидали, чтобы онъ такъ позорно измѣнилъ Окружному Посланію. На ихъ сторону стало и общество московскихъ старообрядцевъ, также возмущенное соборнымъ опредѣленіемъ. Иларіонъ же немедленно составилъ „Апологію Окружнаго Посланія противу мнимособорнаго опредѣленія изданнаго въ Бѣлой Криницѣ іюля 8 дня 1868 года", а затѣмъ по порученію общества и Духовнаго Совѣта „Разборъ бѣлокриницкаго соборнаго опредѣленія". Члены Совѣта, за исключеніемъ Антонія, опредѣлили разослать списки этого разбора во всѣ болѣе значительныя старообрядческія общества. Антоній же, напротивъ, распространялъ копіи съ бѣлокриницкаго акта, желая посредствомъ этого достигнуть мира съ противуокружниками. Все это происходило уже при мнѣ, и въ канцеляріи Антонія мы усердно работали надъ приготовленіемъ копій бѣлокриницкаго акта, тогда какъ приближенные Пафнутія, Иларіонъ и Василій Семеновъ съ товарищами, спѣшно работали надъ приготовленіемъ копій „разбора" на этотъ актъ. Антоній, дѣйствуя такимъ образомъ, навлекъ на

себя гнѣвъ даже своихъ приверженцевъ. Самый главный изъ нихъ, очень авторитетный тогда въ расколѣ И. П. Бутковъ писалъ ему, что если онъ не будетъ дѣйствовать заодно съ членами Духовнаго Совѣта противъ бѣлокриницкаго акта, то навсегда закроетъ для него ворота своего дома, въ которомъ онъ весьма часто жилъ и служилъ; а другой именитый членъ общества, каждогодно выдававшій ему на содержаніе канцеляріи значительную сумму, прекратилъ даже эту выдачу. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, Антоній сдался и вмѣстѣ съ прочими членами Совѣта началъ дѣйствовать противъ бѣлокриницкаго опредѣленія; онъ даже отказалъ отъ должности письмоводителя Самыкову, который оказался горячимъ противникомъ Окружнаго Посланія и поощрялъ его дѣйствовать въ отдѣльности отъ членовъ Совѣта, а поставилъ на его мѣсто Швецова, который былъ единаго съ нимъ духа, какъ успѣлъ уже показать это многими своими дѣйствіями, вызвавшими рѣшительное осужденіе всѣхъ разсудительныхъ и безпристрастныхъ людей въ старообрядчествѣ.

5. Ревность Швецова о обличеніи мнимыхъ „никоніанскихъ" ересей. — Вставка въ книгу „О важности символа, образуемаго двуперстіемъ". — Попытка обвинить церковь въ ереси за слова: „божественное истощаніе". — Участіе въ этомъ Мерлякова. — Защита ересей Бѣлокриницкаго устава. — Исправленіе Чиновника. — Присоединеніе оо. Ипполита и Козмы. — Произведенное имъ впечатлѣніе. — Мать Олимпіада и Ксенофонтъ.

Вскорѣ же по вступленіи въ канцелярію Антонія, Швецовъ обнаружилъ большую ревность къ обличенію мнимыхъ никоніанскихъ ересей, что Антонію очень нравилось и напротивъ вызвало большое къ нему нерасположеніе, а потомъ и рѣзкія обличенія, со стороны Пафнутія Казанскаго. Еще до пріѣзда моего въ Москву, переписывая собранную Семеномъ Семеновымъ книжку: „О важности символа образуемаго двуперстнымъ сложеніемъ",

Швецовъ включилъ въ нее отъ себя такое ученіе, что якобы изображающіе на себѣ крестное знаменіе тремя перстами образуютъ Троицу на крестѣ страдавшу, „а не тако. якоже древнимъ двуперстнымъ сложеніемъ, образующимъ токмо единаго Христа, во двою естествахъ крестное смотреніе совершивша". Съ такимъ швецовскимъ дополненіемъ книжку Семена Семенова Антоній отдалъ переписать въ количествѣ многихъ экземпляровъ писцу, иноку Саввѣ Столпкову. Столпковъ занимался письменной работой также и у Пафнутія: поэтому о сдѣланной Швецовымъ вставкѣ узналъ вскорѣ же и Пафнутій. Онъ сильно огорчился на Антонія и Швецова за распространеніе такого ученія, и выступилъ ихъ обличителемъ. Онъ писалъ между прочимъ къ членамъ Совѣта, попамъ Петру и Ѳеодору: „Для вымышленія богострастной ереси къ обвиненію никоніанъ, самому (Антонію) пришлось измѣнить старую мысль на новую, т.-е. допустить въ никоніанскомъ троеперстіи образованіе Святыя Троицы, каковымъ изобразуя они на себѣ крестное знаменіе, будто бы образуютъ Св. Троицу на крестѣ страдавшу, изъ чего и составляется, какъ додумался Антоній архіепископъ, ересь богострастная. Но, къ сожалѣнію, онъ предварительно не поразмыслилъ о возможности подтвердить свое смышленіе священными текстами. Если уже сего не обрѣтается, то вписавши свои строки въ помянутомъ сборникѣ, хотя бы сообразилъ съ преднаписанными въ ономъ св. богословцевъ символами, которыми явственно показуется въ двуперстномъ сложеніи тремя совокупленными перстами образованіе Св. Троицы; также церковнымъ преданіемъ исповѣдуется образованіе Святыя Троицы треосвѣщіемъ, которымъ святитель знаменуетъ крестъ осѣненіемъ въ чинѣ крещенія надъ купелію, на Богоявленіе при освященіи воды надъ Іорданомъ, на преждеосвященной литургіи и при соборномъ архіерейскомъ служеніи. По симъ соображеніямъ, такъ какъ онъ допустилъ въ троеперстіи никоніанскомъ разумѣть образованіе Святыя Троицы, чтобы обвинить

чрезъ то никоніанъ ересію богострастною, то равноподобно и въ двуперстномъ — совокупленіемъ трехъ перстъ и тресвѣщіемъ то же самое образованіе Святыя Троицы. Почему и восходитъ произнесенное Антоніемъ архіепископомъ оглаголаніе ересію богострастною не на однихъ только троеперстіемъ знаменующихся, но и на всю древлеправославную церковь за осѣненіе тресвѣщіемъ и за двуперстное знаменованіе. Таковое ли ученіе есть свѣтъ міру и соль земли? Никакъ нѣтъ; но развѣ мракъ, тьма, смрадъ... Что двѣма персты, слагаемыми для крестнаго знаменованія, по церковному преданію исповѣдуются два естества во Христѣ, сіе всякаго вѣроятія достойно. Но чтобы Христосъ Спаситель во дву естествахъ, т.-е. плотію и божествомъ страдалъ на крестѣ, сіе есть чуждо православныя вѣры, и держащіеся таковаго исповѣданія не суть христіане: ибо не по Писанію вѣрующіе вси еретицы. Итакъ, его преосвященство, вымышляя, по человѣкоугодію, въ заслугу кривотолкамъ увеличить въ качествѣ и количествѣ никоніанскія ереси, своею придаточною, т.-е. богострастною, самъ неизбѣжно въ овую впалъ". Когда это обличительное посланіе Пафнутія сдѣлалось извѣстно Швецову, онъ увидѣлъ, что своею вставкою въ сборникѣ Семена Семенова причинилъ владыкѣ Антонію большую непріятность. Онъ поспѣшилъ обѣлить его предъ Пафнутіемъ, взявши всю вину на одного себя: онъ лично просилъ у Пафнутія прощенія въ своей неосмотрительности и писалъ ему: „Даруйте, владыко святый, моему дерзновенному невѣжеству, какъ однажды соблазнившемуся, прощеніе. Ибо я отселѣ обѣщаюсь уже какъ Богу, такъ и вашей святыни, что буду всѣми силами впредь предостерегаться отъ подобныхъ соблазнительныхъ начинаній".

Вскорѣ же однако Швецовъ нарушилъ свое обѣщаніе, и забывъ свое сознаніе въ невѣжествѣ, сдѣлалъ совмѣстно съ своимъ учителемъ Мерзляковымъ новую дерзновенную попытку обличить церковь православную въ содержаніи ереси. Они составили особую тетрадь, въ которой писали:

„Господствующая церковь по новоисправленнымъ книгамъ и доднесь воспѣваетъ тако: „На крестѣ твое божественное истощаніе провидя Аввакумъ“, каковое воспѣваніе на душевное чувство старообрядца невыразимо ощутительно, и даже можно сказать душесодрогательно, такъ какъ оное богоунижаемо есть. Ибо какъ могло истощать Божество тогда, когда не только само Божество, но и великія благодѣянія его неистощимы суть? А потому старообрядцы, имѣя въ виду, что церковь россійская до лѣтъ патріарха Никона воспѣвала въ этомъ же ирмосѣ тако: „Еже на крестѣ твое божественное смиреніе (а не истощаніе) провидя Аввакумъ“, весьма дивятся на недосмотрительность, заявленную о себѣ тщащимися на лучшее церкви, а особенно нынѣшнихъ многоученыхъ людей, что они какъ бы не доразумѣваютъ того, что Божество никогда и нисколько не истощевало и истощать не можетъ. Поелику оное безгранично есть въ количествѣ славы своея и безпредѣльно въ объемѣ небеснаго пространства и всякихъ благодѣяній къ созданію своему. Слово же *истощаніе* имя есть существительное, производное отъ слова *тощь*, старообрядцы разумѣютъ означающимъ качество спрягаемаго окончанія, или неопредѣленнаго глагола тощать, одноозначащее со словомъ *тонѣть*, или *худѣть*, т.-е. быть слабымъ въ силахъ, и тому подобное, чему противопоставляется слово: *полонъ*, или полнѣть, сирѣчь *дюжѣть*, или толстѣть, или жирѣть. Но Богъ никогда *не умалялся* въ существѣ, а потому слѣдовательно и не истощало могущество Его. А хотя Богъ есть и тончайшее *вещество*, но сіе разумѣется *не умаленіе*, или слабость Божества, а только означаетъ невидимое зрѣніе и непостижимое умомъ человѣческимъ существо *естества* Его, но ни въ какомъ случаѣ не означаетъ *умаленія*, ни въ границахъ обширности объема неизмѣримаго, Имъ же самимъ сотвореннаго, міра, ни во всемогуществѣ, ни въ какихъ-либо благодѣяніяхъ созданію Его. А потому пророкъ Аввакумъ не могъ провидѣть *никакого истощанія*. Смиреніе же Его доказано Имъ

самимъ, Искупителемъ міра, практически бытіемъ въ естествѣ человѣческомъ. Слѣдовательно, таковое новое, хвалимое самими исправителями, исправленіе не только не улучшено, но еще и богоунижающее есть. Поелику слово *смиреніе,* воспѣваемое древнею церковію, ближе есть къ истинѣ. Ибо слово *истощаніе* служитъ признакомъ, составляющимъ какой-то недостатокъ въ Божествѣ, или *умаленіе* онаго, или какъ бы невсемогущество Божіе, а сіе послѣднее составляетъ богоуниженіе, что̀ уже есть съ здравымъ разсудкомъ ни въ какомъ случаѣ не согласно съ утвержденнымъ единою, святою, соборною и апостольскою церковію богословіемъ".

Тетрадку такого содержанія Швецовъ и Мерзляковъ составляли на моихъ глазахъ, у насъ въ канцеляріи, и утѣшались мыслію, что покажутъ новый примѣръ искаженія, даже еретичества въ новоисправленныхъ книгахъ, употребляемыхъ нынѣ россійскою церковію. Антоній, разумѣется, весьма одобрилъ ихъ сочиненіе; но, въ виду недавно полученной непріятности за вставку въ сборникъ Семена Семенова, распространять его безъ согласія Пафнутія не рѣшился: „вѣдь этотъ Пафнутій, — говорилъ онъ, — совершенно того, какъ полицейскій крючокъ, ко всему придирается"! Рѣшили представить новое сочиненіе Пафнутію для разсмотрѣнія, а онъ передалъ Иларіону съ Василіемъ Семеновымъ, чтобы они разсмотрѣли и сказали ему, справедливое ли въ немъ изложено ученіе. Иларіонъ и Семеновъ нашли это ученіе погрѣшительнымъ, и тогда же написали на него опроверженіе, гдѣ показали, что слово *истощаніе,* которое Мерзляковъ съ Швецовымъ такъ рѣшительно осудили, признавъ еретическимъ, встрѣчается много разъ и въ старопечатныхъ книгахъ. Они указали именно, что въ Мѣсячной Минеѣ, въ славникѣ на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, напечатано: „О чудеси! Богъ во человѣцѣхъ, невмѣстимый въ ложеснахъ, безлѣтный въ лѣто, и, еже преславнѣе, яко и зачатіе безсѣменно,

и *истощаніе* несказанно, и таинство елико! Богъ бо *истощавается,* воплощься, и зиждется". Указали и въ бесѣдахъ Златоуста слова: „Не восхищеніемъ вмѣни, еже быти равенъ Богу, но *себе истощи,* зракъ раба пріимъ... Самъ себе *умали,* самъ себе смири... Како *истощи?* Зракъ раба пріимъ,... въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ" (Бесѣды на 14 посланій, къ Филип.). Слѣдовательно, заключили они, слово *истощаніе* не содержитъ въ себѣ ничего повреднаго православному богословію, и Мерзляковъ со Швецовымъ, указывая въ немъ еретичество, показали только излишнюю притязательность къ церкви грекороссійской; притомъ, обвиняя за это выраженіе церковь россійскую, пришлось бы обвинять за то и церковь древлеправославную, употреблявшую это слово въ изданныхъ ею книгахъ. И этимъ они не ограничились, а показали еще, что самъ Швецовъ проповѣдуетъ ученіе, противное истинному богословію, сказавъ, что *Богъ есть тончайшее вещество.* Они представили изъ св. Писанія свидѣтельства о томъ, что Божество въ собственномъ смыслѣ не вещественно и безтѣлесно, и указали на слова Дамаскина: „Что Богъ есть, это очевидно. Но что такое Онъ по своей сущности и естеству, это совершенно непостижимо и недовѣдомо. Что Онъ безтѣлесенъ, это также ясно" (Богосл. Іоан. Дамаскина). Такимъ образомъ тетрадка, сочиненная Мерзляковымъ и Швецовымъ, была опровергнута и не могла получить распространенія въ народѣ.

Еще до нашего поступленія къ Антонію былъ возбужденъ, по указанію Пафнутія Коломенскаго, вопросъ о догматическихъ погрѣшностяхъ бѣлокриницкаго Устава, на которомъ учреждена австрійская іерархія. Эти погрѣшности касались самаго важнаго предмета въ богословіи — безлѣтнаго, предвѣчнаго рожденія Сына Божія отъ Отца. Въ Уставѣ сказано: „Достоитъ разумѣвати, яко Богъ, свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть, точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное Слово Сына своего, Егоже, по глаголу блаженнаго Андрея

цареградскаго, въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы" нетлѣнно родилъ, сирѣчь во исхожденіи со присносущнымъ, Духомъ Своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ". Этими словами Устава прямо проповѣдуется, что Сынъ Божій до сотворенія вѣковъ не былъ рожденъ, а родился вмѣстѣ съ вѣками, въ первомъ изреченіи: *да будутъ вѣцы,* каковое ученіе явно противорѣчитъ основаннымъ на Евангеліи словамъ символа вѣры: „Вѣрую во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго *прежде всѣхъ* вѣкъ". Въ Москвѣ былъ составленъ даже въ 1863 г. соборъ старобрядческихъ епископовъ и нашелъ, что въ Уставѣ содержится „длинный рядъ нечестія... коего не весма бы убоялися и самые ученики проклятаго Арія". Швецова такой отзывъ объ Уставѣ бѣлокриницкомъ весьма печалилъ. Проникнутый ревностію о славѣ инока Павла, составителя Устава и учредителя австрійской іерархіи, онъ началъ усердно подыскивать въ твореніяхъ святыхъ отцовъ что-либо, служащее къ оправданію сказаннаго въ Уставѣ о рожденіи Сына Божія, и открытія свои прочитывалъ мнѣ, желая и меня привлечь на помощь себѣ въ этомъ дѣлѣ. Но я уклонился, сказавъ ему, что объ Уставѣ совсѣмъ напрасно поднимать дѣло, когда погрѣшность его признана цѣлымъ соборомъ епископовъ, и притомъ не голословно, а на основаніи ученія святоотеческаго. Но Швецовъ мнѣ отвѣтилъ: „Владыка Антоній сказывалъ мнѣ про этотъ соборъ, что онъ былъ подъ вліяніемъ отступниковъ (т.-е. епископовъ: Онуфрія и Пафнутія Коломенскаго). Поэтому необходимо провѣрить, справедливо ли онъ призналъ погрѣшность въ бѣлокриницкомъ Уставѣ. А провѣряя, я не нахожу въ немъ никакой погрѣшности: ее изобрѣли отступники, чтобы обвинить наше богодарованное священство". Я не сталъ противорѣчить Швецову, да и не могъ, такъ какъ я состоялъ въ качествѣ его помощника. Тогда-то Швецовымъ и была собрана изъ изреченій святыхъ отцовъ тетрадь въ защиту Устава, которую впо-

слѣдствіи онъ напечаталъ въ своей „Истинности“, за что, по настоянію Пафнутія, даже Духовнымъ Совѣтомъ былъ подвергнутъ суду, яко сущій еретикъ. А его защита ересей бѣлокриницкаго Устава обстоятельно разобрана и опровергнута покойнымъ о. архимандритомъ Павломъ.

Тогда же шли толки у насъ и по возбужденному ранѣе дѣлу о Чиноприѣмникѣ, составленномъ по указанію Антонія. Въ немъ приходящій отъ грекороссійской церкви обязывался произносить слѣдующія нелѣпыя отрицанія: 1) „Проклинаю еретическое мудрованіе, оригенское и латинское, о зачатіи человѣка, мужескій полъ чрезъ 40 дней воображается, женскъ же чрезъ 80 дней воображается, тогда Богомъ воодушевляется“ (Жезлъ, л. 27). Т.-е. требовалось предать проклятію мнѣніе, приведенное въ книгѣ „Жезлъ“, хотя мнѣніе это заимствовано сочинителемъ „Жезла“ у святыхъ отцевъ, ибо святый Ефремъ Сиринъ, толкуя слова книги Левитъ: *жена, аще зачнетъ и родитъ мужескъ полъ, не чиста будетъ седмь днiй* и проч. (гл. 12), прямо говоритъ что „младенецъ мужескаго пола получаетъ въ утробѣ первоначальное образованіе въ сорокъ дней, а младенецъ женскаго пола въ осмьдесятъ“ (Творенія св. Ефр. Сирина, ч. 8, стр. 469). 2) Требовалось проклинать „не исповѣдующихъ Пресвятую и Пречистую Дѣву Богородицу непричастну быти грѣха первороднаго, но зломудрствующихъ, якобы до времени благовѣщенія архангела Гавріила бяше въ ней скверна прародительна“ (Скриж., стр. 601; Жезлъ л. 29), хотя и это ученіе не измышлено сочинителями „Скрижали“ и „Жезла“, а есть ученіе „святой соборной и апостольской церкви“. Ибо во второмъ словѣ на пасху св. Григорій Богословъ пишетъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы, *и душу и плоть предочистившей Духомъ... тѣмъ бо очистися грѣха, иже отъ рожества низведеся,* изливаемъ отъ первозданнаго Адама и преподающься во весь родъ“ (Староп. сборникъ, л. 665). И св. Іоаннъ Дамаскинъ: „Она же (Богородица Дѣва) къ нему (Архангелу): се раба Господня, буди мнѣ по гла-

голу твоему. Егда убо соизволи Святая Дѣва, тогда Духъ Святый найде на ню... *очищая* и подавая Ей силу пріяти Слово Божества, купно же и родити е" (Богосл. Іоан. Дамаск., книга 3, гл. 2). Посему и церковь, на праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, торжественно воспѣваетъ: „Во утробу вселися чисту, *предочищену Духомъ*" (На литіи славникъ на Благовѣщеніе Богор.), и Господа Іисуса величаетъ „*единымъ* безгрѣшнымъ". Эти и другія нелѣпости въ Антоніевомъ чинопріятіи указалъ первоначально Пафнутій, бывши епископомъ Коломенскимъ, и настойчиво требовалъ ихъ исправленія. Въ 1863 году писалъ онъ Илларіону: „Взглянь, братъ, со вниманіемъ еще на одну нашего изложенія нечестивую книжку, именно *чинъ пріятія отъ ересей приходящихъ*. Кого тамъ проклинаемъ мы беззаконники? 1) Въ статьѣ о зачатіи человѣка съ душею проклинаемъ мы законодателя Моисея: Быт. 2, 7; Исход. 21, 22; Зах. 12, 1; Собор., л. 446. 2) Въ статьѣ о непричастіи прародительскому грѣху Приснодѣвы проклинаемъ всю вселенскую церковь и ея учителей: Григорія Богослова (Слово на Рожд. Христово), Никиту Ираклійскаго (Больш. соб. лл. 662 и 665), Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Дамаскина и Ефрема Сирина. Я объ этомъ, кажется, голову протрубилъ Семену Семенычу. Не знаю, предъявлялъ ли онъ нашимъ властямъ". На это, письмомъ отъ 17 іюля, Илларіонъ отвѣчалъ: „Прихожу къ Семену Семенычу, и онъ занимается исправленіемъ чинопріятія. Предложилъ мнѣ: нужно эти статьи выключить, т.-е. снять проклятіе, беззаконно гремѣвшее, о зачатіи человѣчестѣмъ, о зачатіи Пречистыя Дѣвы, о соборномъ изложеніи Филарета патріарха. Я съ усердіемъ содѣйствовалъ. Пошли съ нимъ совокупно въ соборъ епископовъ и предложили; приняли съ уваженіемъ и приказали исключить, и поручили ему исправить Чинопріемникъ. Итакъ, теперь онъ можетъ это сдѣлать по своему усмотрѣнію" (См. книж. О присоедин. раск. епископовъ). Но Антоній и послѣ этого рѣшенія исправить Чинопріемникъ

неизмѣнно держался его первоначальнаго вида. Поэтому впослѣдствіи Пафнутій Казанскій писалъ: „О погрѣшностяхъ, оказавшихся въ чиноприятіи, его преосвященству высказываемы были отъ разныхъ лицъ и неоднократно предложенія — исправить погрѣшности. Но оныя предложенія оставались безъ вниманія. Наконецъ, въ 1865 году общесоборнѣ всѣми епископами настоятельно требовали исправить указанныя погрѣшности; но онъ, по своему обычаю, какъ и всегда, хотя голословно и безсмысленно, но отрицательно сопротивлялся подъ предлогомъ какого-то возмущенія; однако послѣ многихъ напряженныхъ пререкословій согласился исправить эту рукопись. Впрочемъ, и доднесь по тому же чиноприятію проклинаются тѣ догматствованія, заимствованныя изъ сказанныхъ оригиналовъ. Важность погрѣшности, по сущности смысла, произнесенныхъ Антоніемъ архіепископомъ проклятій неминуемо относится (Оле дерзости! еже и помыслити ужасъ объемлетъ!) на Творца закону, Творца всей чувственной и разумной твари, Господа Бога Вседержителя! Посему таковымъ чиноприятіемъ и издатель, и дѣйствующій по нему священникъ, и присоединящійся неизбѣжно творятся самопроклятыми: ибо по гласу священнаго Писанія *клятва суетная не найдетъ ни на кого же,* но „кленущу нечестивому сатану, самъ кленетъ свою душу“. Это обличеніе, наконецъ, вынудило Антонія совмѣстно съ членами Совѣта исправить чиноприемную книжку: изъ нея были исключены вышепомянутыя проклятія, также и проклятіе на не признающихъ за „святыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ Павла епископа Коломенскаго, Аввакума протопопа, Никиту священноіерея, Θеодора діакова и прочихъ послѣдователей ихъ“. Съ исправленнаго оригинала мнѣ было поручено переписать чиноприемную книжку. Въ оригиналѣ начало отрицанія было написано такъ: „Азъ, имя рекъ, иже отъ *богомерзкія* никоніанскія ереси днесь прихожу ко истинному и православному христіанскія непорочныя вѣры закону“... Я же, при перепискѣ, это слово: *богомерзкія*

съ намѣреніемъ опустилъ, такъ какъ оно показалось мнѣ очень грубымъ и рѣзкимъ. Поправки моей никто не замѣтилъ тогда: книжка такъ и доселѣ осталась безъ этого грубаго слова. Такъ какъ чиноприѣмная книжка нужна всѣмъ попамъ на случай обращенія кого-либо въ расколъ изъ православной церкви, то намъ предлагали напечатать ее въ подпольной типографіи; но тогда мы боялись на это отважиться, а ограничивались переписываніемъ, на что полагали не мало труда. Потомъ ее напечатали на гектографѣ во множествѣ экземпляровъ.

Итакъ, Антоній со Швецовымъ единодушно работали въ измышленіи разныхъ обвиненій на православную церковь, но встрѣчали сильныхъ обличителей этого ихъ беззаконнаго дѣла въ лицѣ Пафнутія Казанскаго, Иларіона и единомышленныхъ имъ старообрядцевъ. Съ своей стороны Антоній и Швецовъ за это питали подозрѣніе противъ Пафнутія и Иларіона въ приверженности къ православной церкви, и даже говорили это довольно гласно, указывая притомъ, что многіе изъ ихъ приближенныхъ оставили расколъ, что̀ и было справедливо.

Однажды Швецовъ приходитъ ко мнѣ отъ Антонія встревоженный и говоритъ: „Какое неожиданное печальное событіе случилось! Знаешь ли? — вѣдь іеродіаконъ Ипполитъ и священноинокъ Козма, коихъ прочили въ епископы, уходятъ отъ насъ къ отступникамъ! Они находятся теперь у матери Олимпіады! Владыка Антоній не столько жалѣетъ объ Ипполитѣ, какъ объ о. Козмѣ. Онъ сейчасъ же посылаетъ меня къ нимъ съ порученіемъ — употребить всѣ мѣры, чтобы возвратить ихъ обратно въ старообрядчество“. Швецовъ былъ очень смущенъ; но для меня это извѣстіе не было неожиданнымъ. Отъ своего товарища Василья Семеныча я давно слышалъ о намѣреніи Ипполита и Козмы оставить расколъ, присоединиться къ православной церкви и поступить въ Никольскій Единовѣрческій монастырь, гдѣ жили тогда знакомые имъ отцы: Онуфрій, Филаретъ и пр. Швецовъ немедленно отправился

къ матери Олимпіадѣ. Отъ нея онъ возвратился весьма опечаленный и разсказалъ мнѣ, что Козма лежитъ въ кельѣ нездоровый, а Ипполитъ и слушать не хочетъ никакихъ увѣщаній. „Мало этого, — прибавилъ Швецовъ, — онъ еще началъ владыку Антонія и меня съ нимъ обличать въ незаконныхъ поступкахъ, изъ чего я убѣдился, что нѣтъ никакой надежды на ихъ возвращеніе". Козма и Ипполитъ находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Иларіономъ: поэтому Антоній вину ихъ удаленія изъ раскола приписывалъ именно Иларіону, котораго часто называлъ полуименемъ: „это онъ, совершенно тово, всѣхъ мутитъ! — и вопросы-то отступниковъ (извѣстные 8 вопросовъ) онъ же писалъ, — тѣмъ безъ него и недомыслиться бы до такихъ вопросовъ"! — что̀ была уже совершенная неправда.

Не менѣе Антонія и Пафнутій съ Иларіономъ огорчены были переходо̀мъ въ единовѣріе близкихъ имъ Козмы и Ипполита. Иларіонъ имѣлъ какую-то странную особенность: замѣтивъ мало-мальски понимающаго человѣка, онъ осторожно давалъ ему разумѣть несостоятельность раскола; когда же тотъ, понявъ это, присоединялся къ церкви, то сѣтовалъ, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, зачѣмъ не пождалъ еще. Съ переходомъ Ипполита и Козмы въ единовѣріе, Иларіонъ, почувствовавъ свое одиночество, рѣшился уѣхать совсѣмъ изъ Москвы, или, что̀ то же, устранить себя отъ всякаго участія въ церковныхъ дѣлахъ старообрядчества, такъ мало соотвѣтствовавшихъ его желаніямъ. Уѣхать изъ Москвы онъ давно уже собирался, и сборамъ его наконецъ перестали вѣрить; но на этотъ разъ намѣреніе его было твердо. Въ половинѣ марта 1869 года онъ уѣхалъ изъ Москвы, и уже болѣе не возвращался.

Упомянутая выше мать Олимпіада была замѣчательная старица. Она всегда съ охотою давала пріютъ Иларіону, который у ней нерѣдко живалъ по цѣлымъ недѣлямъ, занимаясь письменной работой. Всѣ изъ ея

знакомыхъ, усумнившіеся въ правотѣ общества старообрядцевъ и перешедшіе потомъ въ православіе, были для нея желанными гостями. Ревнители раскола за это не любили ее, а Антоній неоднократно дѣлалъ ей строгіе выговоры: „Оставь, совершенно того, оказывать покровительство отступникамъ! Христіане обижаются за то, что ты ихъ привѣчаешь и содержишь!“ Мать Олимпіада въ оправданіе говорила ему, что привѣчаетъ ихъ изъ жалости къ нимъ. „Вѣдь они, — говорила, — были у насъ первыми людьми, всѣ ихъ уважали и почитали, а какъ только отъ васъ ушли, то этихъ же первыхъ и уважаемыхъ людей не только никто не жалѣетъ и не цѣнитъ попрежнему, а всѣ порочатъ, какъ людей самыхъ низкихъ. Отказать имъ въ привѣтѣ по-моему несвойственно истиннымъ христіанамъ!“ Мать Олимпіада слѣдила за всѣми іерархическими дѣлами старообрядцевъ и имѣла на нихъ правильный взглядъ; она вполнѣ понимала заблужденіе раскола, но подобно Ксеносу, не имѣла силы воли, чтобы оставить его: приверженность къ извѣстнымъ обрядовымъ особенностямъ, усвоеннымъ изъ дѣтства, неизвѣстность и необезпеченность будущаго ея положенія въ случаѣ присоединенія къ церкви, — все это удерживало ее въ расколѣ, и она скончалась года два тому назадъ, не присоединившись къ церкви. Эту воистину добрую старицу, за оказанныя ею всѣмъ намъ, вышедшимъ изъ раскола, щедроты, да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ! [1]).

---

[1]) Не могу не прибавить и моего добраго слова о матери Олимпіадѣ (въ мірѣ Анна Степановна Солянкина). Это была дѣйствительно добрая, привѣтливая и разумная женщина, рѣдкая въ расколѣ. У нея происходили иногда и мои свиданія съ о. Пафнутіемъ, Ксеносомъ и др. Пріѣзжая въ лавру на богомолье, она всегда посѣщала меня и непремѣнно съ гостинцомъ, — приносила пятокъ апельсиновъ, или яблокъ... *Ред.*

6. Усиленіе власти Антонія Шутова. — Его дѣятельность въ пользу раскола. — Жидъ Карловичъ и его похожденія. — Примиреніе Антонія съ Кирилломъ. — Заботы Антонія о составленіи отвѣтовъ на „восемь вопросовъ“. — Учрежденный для сего Комитетъ. — Неуспѣхъ Комитета. — Отвѣты, сочиненные Боголѣповымъ. — Какъ обращался самъ Антоній съ вопрошающими.

По выѣздѣ Иларіона изъ Москвы, Пафнутій Казанскій остался одинокимъ. Почувствовавъ это, онъ и самъ вскорѣ уѣхалъ изъ Москвы въ свою епархію. Ближайшій другъ Иларіона, состоявшій при Пафнутіи, В. С. Ломоносовъ также оставилъ занятія письмоводствомъ и поступилъ въ услуженіе къ одному богатому купцу-старообрядцу. Съ ихъ удаленіемъ партія такъ называемыхъ окружниковъ лишилась въ Москвѣ главныхъ дѣятелей. Члены Духовнаго Совѣта — попы: Петръ и Θеодоръ, равно какъ и міряне, состоявшіе членами Совѣта, числились окружниками не столько по убѣжденію въ истинности изложеннаго въ Окружномъ Посланіи ученія, сколько потому, что стороны окружниковъ держались главные богачи, составляющіе всю силу раскола. Вообще же истинныхъ окружниковъ и тогда было очень мало, — большинство старообрядцевъ австрійскаго согласія въ сущности тѣ же противуокружники, такіе же, какъ и эти послѣдніе, порицатели церкви и содержимыхъ ею обрядовъ. Таковъ по преимуществу былъ Антоній. Отъѣзду изъ Москвы Иларіона съ Пафнутіемъ онъ былъ очень радъ, потому что и Пафнутій и Иларіонъ постоянно слѣдили за его дѣйствіями и нерѣдко подвергали ихъ строгой критикѣ, что̀ ему крайне не нравилось. Теперь, съ удаленіемъ изъ Москвы его обличителей, Антонію открылась полная свобода дѣлать, что̀ хотѣлъ. Но и теперь онъ часто жаловался на стѣсненіе отъ Духовнаго Совѣта; самое учрежденіе его онъ считалъ излишнимъ и даже противоканоничнымъ. Онъ говорилъ, что Совѣтъ придуманъ Иларіономъ по образцу никоніанскаго Синода, что онъ ограничиваетъ власть московскаго архіепископа, тогда какъ правила церковныя

предоставляютъ каждому епископу полную власть въ своей епископіи, или архіепископіи.

Почувствовавъ больше свободы, Антоній началъ постепенно расширять кругъ своей дѣятельности. Канцелярію свою изъ дома Самыкова онъ перевелъ въ домъ Галкина, а потомъ въ домъ Ильина, находящійся на новомъ селеніи близъ Покровскаго монастыря. Домъ былъ двухъ-этажный, просторный, и Антоній отвелъ въ немъ помѣщеніе для пріѣзжающихъ въ Москву изъ далекихъ мѣстъ старообрядцевъ, чтобы они имѣли здѣсь безплатный ночлегъ и готовую пищу. И пріѣзжіе старообрядцы дѣйствительно проживали у насъ безпрерывно, сколько времени каждому требовалось, — были пріѣзжіе изъ разныхъ мѣстъ, изъ Сибири, съ Дона, Урала, Кавказа и пр. Случалось, останавливались и старообрядцы-офицеры Донскаго и Уральскаго казачьяго войска. Они оказывали Антонію большое уваженіе, какъ сущему своему архіерею, и Антоній очень гордился, что вотъ и офицеры, состоящіе въ военной службѣ, строго сохраняютъ древлеправославіе. Для пріѣзжихъ, хотя бы ихъ было не болѣе трехъ человѣкъ, Антоній непремѣнно совершалъ архіерейское служеніе со всею торжественностію, и всѣхъ пріѣзжихъ снабжалъ безвозмездно разными книжками и книгами, направленными въ защиту раскола, чѣмъ дѣйствительно и поддерживалъ расколъ. Съ отказомъ Самыкову отъ должности письмоводителя, письменной работой въ канцеляріи занимались только трое: Швецовъ, племянникъ его и я. Но теперь, въ помощь намъ, Антоній опредѣлилъ еще трехъ лицъ — Левона Трофимова, Антона Егорова и еще другого племянника Швецова, — всѣ они, какъ и я со Швецовымъ, принадлежали прежде къ православной церкви. Для самого Антонія попечителями Рогожскаго Кладбища нанята была особая квартира въ домѣ Дмитріева, и на содержаніе ему опредѣлено было выдавать изъ общественной суммы Кладбища по полторы тысячи рублей въ годъ. Прежде, какъ я говорилъ, Антоній не имѣлъ постояннаго мѣстожитель-

ства, — проживалъ въ домахъ разныхъ христолюбцевъ, зимой у Бутикова, Глазова и другихъ, а лѣтомъ у Свѣшникова, при домѣ котораго имѣется обширный садъ, гдѣ Антоній могъ прогуливаться. Теперь, получивъ особую постоянную квартиру, Антоній очень былъ доволенъ: въ ней онъ устроилъ церковь, въ которой и отправлялъ свои службы. При такой свободѣ Антоній успѣшно распространялъ расколъ. Нерѣдко случалось, что православные приходили лично къ нему, и къ его московскимъ попамъ съ изъявленіемъ желанія перейти въ старообрядчество. Любопытно, что въ такихъ случаяхъ Антоній соблюдалъ большую осторожность: совершать присоединеніе отъ церкви онъ предоставлялъ не московскимъ своимъ попамъ, а пріѣзжимъ, которыхъ правительство не могло бы отыскать, если возникнетъ дѣло о совращеніи кого-либо въ расколъ, и чтобы въ подобныхъ случаяхъ обезпечить и себя и московскихъ поповъ. Былъ тогда примѣчательный случай перехода въ расколъ одного жида. Это былъ извѣстный теперь Карловичъ, о которомъ передамъ, что̀ знаю.

Карловичъ былъ турецкій подданный Моисеева закона. Явившись къ Антонію съ просьбою совершить надъ нимъ крещеніе, онъ рекомендовалъ себя человѣкомъ многоученымъ, давно изучающимъ ветхозавѣтныя пророчества, изъ коихъ вполнѣ убѣдился въ ошибкѣ предковъ-евреевъ, не признававшихъ Іисуса Христа за истиннаго Мессію. При этомъ онъ объяснилъ, что рѣшившись принять христіанство, по долговременномъ испытаніи религій христіанскихъ нашелъ якобы самою истинною религію старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство. А чтобы лучше подѣйствовать на Антонія и убѣдить его въ правдивости своихъ словъ, хитрый жидъ, очевидно, приготовившійся къ своему предпріятію и собравшій свѣдѣнія о любимыхъ мнѣніяхъ Антонія, обнаружилъ предъ нимъ знакомство съ содержащимися въ полемическихъ книгахъ православныхъ писателей пореченіями на именуемые ста-

рые обряды, и прямо указалъ на подложное соборное дѣяніе противъ еретика Мартина Армянина, т.-е. на любимое Антоніево доказательство противъ церкви. Видя, что жидъ не голословно отвергаетъ справедливость церкви грекороссійской, Антоній принялъ въ немъ живое участіе и изъявилъ полную готовность окрестить его. Предварительно же, для приготовленія къ крещенію, препроводилъ его въ домъ купца Свѣшникова, и для наставленія въ старообрядческомъ законѣ, для наученія молитвамъ и обрядамъ старообрядчества приставилъ къ нему самого Онисима Швецова. По окончаніи искуса, здѣсь же въ домѣ Свѣшникова, Карловичъ былъ окрещенъ и въ крещеніи названъ именемъ просвѣтителя русской земли — Владиміромъ. Воспріемниками были: купецъ Грязновъ и извѣстная у старообрядцевъ „мироносица" Марья Николаевна. Вскорѣ потомъ крестилась и жена Карловича. Они жили въ небольшой квартиркѣ, нанятой для нихъ Антоніемъ, который снабжалъ ихъ деньгами и разными необходимыми для жизни предметами. Карловичъ старался держать себя, какъ слѣдуетъ старообрядцу: ходилъ къ службамъ, и преимущественно туда, гдѣ служилъ самъ Антоній; при службѣ всѣ обычаи старообрядцевъ соблюдалъ въ точности, — имѣлъ лѣстовку, одѣвался въ поддевку со сборками, руки держалъ пригбенными къ персямъ. Обращеніемъ Карловича тогда многіе раскольники были заинтересованы. „Если даже евреи переходятъ къ намъ, — разсуждали они, — то ясно, что старообрядческая церковь есть истинная церковь Христова"! Но изъ дѣйствій Карловича тогда уже было видно, что онъ перешелъ къ старообрядцамъ вовсе не по убѣжденію въ правотѣ ихъ именуемой церкви, а единственно ради полученія отъ нихъ матеріальныхъ средствъ: ибо онъ назойливо заискивалъ знакомства только съ богатыми старообрядцами, съ бѣдными же не хотѣлъ и говорить. Проживъ съ полгода и убѣдившись, что болѣе полученныхъ уже щедротъ отъ московскихъ старообрядцевъ ему нельзя ожи-

дать, онъ объявилъ, что изъ Москвы выѣзжаетъ въ другой городъ по открывшемуся тамъ торговому дѣлу. А потомъ оказалось, что Карловичъ, будучи еще въ Москвѣ, являлся къ покойному митрополиту Иннокентію съ объясненіемъ, что сознавъ совершенную лживость именуемаго старообрядчества, желаетъ присоединиться къ православной церкви. Митрополитъ Иннокентій принялъ его заявленіе съ большою осторожностію, даже съ недовѣрчивостью. Понявъ это, хитрый жидъ уѣхалъ изъ Москвы въ Казань, и здѣсь явился къ тогдашнему архіепископу Казанскому Антонію, которому также изъяснилъ свое желаніе присоединиться изъ раскола къ православной церкви. Казанскій владыка отнесся къ нему съ довѣріемъ, принялъ въ немъ живое участіе и дѣйствительно присоединилъ его къ церкви. Объ этомъ поступкѣ Карловича изъ Казани немедленно сообщено было Антонію. Получивъ это извѣстіе, Антоній махнулъ рукой на обманщика, и о Карловичѣ мы не имѣли никакого слуха въ продолженіе десяти лѣтъ. И прочіе раскольники, узнавъ объ его измѣнѣ „древнему благочестію", причислили его къ отступникамъ, и также забыли о лукавомъ жидѣ. Но въ половинѣ 1877 года Антоній получилъ отъ Карловича письмо съ просьбою о прощеніи за содѣянный имъ грѣхъ отступленія „отъ древлеправославія" въ мнимое „никоніанство". Объясняя этотъ случившійся съ нимъ грѣхъ немощью человѣческой и наущеніемъ врага рода человѣческаго діавола, онъ прибавлялъ, что вину свою желаетъ искупить составленіемъ большаго сочиненія въ защиту старообрядцевъ отъ нападенія „никоніанъ", и надѣется въ непродолжительномъ времени прислать оное Антонію. Вскорѣ онъ дѣйствительно прислалъ Антонію большую рукопись. Антоній отдалъ ее на просмотръ Швецову, а этотъ послѣдній далъ посмотрѣть и мнѣ. Оказалось, что она собрана изъ разныхъ рукописныхъ сочиненій Верховскаго: „Откликъ примиренія", „Чѣмъ мы вамъ не хороши", „Записка о свободѣ русскихъ обрядовыхъ толковъ"

и пр. Со всѣми этими сочиненіями Верховскаго я былъ тогда хорошо знакомъ и потому могъ легко указать, откуда взята каждая страница въ сборникѣ Карловича, который, по своей малограмотности и совершенному незнанію дѣла, только лишь многое исказилъ и перепуталъ въ сочиненіяхъ Верховскаго. О всемъ этомъ я прямо сказалъ Швецову; а передалъ ли Швецовъ объ этомъ Антонію, не знаю. Несомнѣнно только, что Антонію сборникъ Карловича весьма понравился, и именно обычною у Верховскаго бранью на православную іерархію. Наконецъ и самъ Карловичъ снова явился въ Москву, къ намъ въ канцелярію. Это было въ то самое время, когда я уже собирался оставить Антонія и расколъ, убѣдившись въ правотѣ грекороссійской церкви. Чтобы пріобрѣсти довѣріе къ себѣ у близкихъ къ Антонію лицъ, Карловичъ, приходя къ намъ, всячески порочилъ церковь православную и ея пастырей. Этого я не могъ уже выносить и вступилъ съ нимъ въ горячій споръ. Я просилъ его показать, въ чемъ именно погрѣшаетъ церковь грекороссійская противъ священнаго Писанія. Никакой погрѣшности за церковію противъ Писанія онъ, конечно, показать не могъ, а обвинялъ ее за порѣченіе на старые обряды въ нѣкоторыхъ полемическихъ книгахъ прежняго времени, особенно за примѣненіе двуперстія къ Аріевой и Несторіевой ереси. На это я возражалъ, что примѣненіе къ ереси не есть еще признаніе за ересь. Патріархъ Іоасафъ не примѣнилъ къ ереси, а прямо назвалъ еретическимъ составленный святыми отцами чинъ погребенія священническаго, и выключилъ его изъ Потребниковъ; Стоглавый соборъ трегубую аллилуію, которая по собственному его увѣренію употреблялась въ Псковской и Новгородской землѣ, и употреблявшіе которую по его же собственному свидѣтельству просіяли въ знаменіяхъ и чудесахъ, обозвалъ преданіемъ неправославнымъ, еретическимъ: „сія нѣсть православныхъ преданіе, но латинская ересь“ (Ст., гл. 24). Но развѣ за такое неправое

сужденіе патріарха Іоасафа и отцовъ Стоглаваго собора можно осудить, какъ еретиковъ? Если же нельзя, то нельзя и сочинителей полемическихъ книгъ за пореченіе двуперстія судить такъ строго и такъ поносить, какъ вы поносите; тѣмъ паче всю россійскую церковь невозможно признать за то еретическою. Карловичъ, разумѣется, не ожидалъ встрѣтить такія возраженія въ канцеляріи Антонія и обидѣлся на меня. Тогда уже начались у него совѣщанія съ Антоніемъ о печатаніи его рукописи, на что Антоній и далъ ему деньги. Карловичъ началъ печатать свой сборникъ въ Москвѣ, даже въ дозволенной правительствомъ типографіи. Это былъ первый томъ извѣстныхъ „историческихъ изслѣдованій". Потомъ еще два тома онъ напечаталъ уже за границей, куда и самъ былъ высланъ изъ Москвы правительствомъ[1]).

Но возвратимся къ нашему разсказу объ Антоніи. Достигнувъ сравнительно свободной и обезпеченной жизни, онъ всѣ мѣры сталъ употреблять къ тому, чтобы привлечь на свою сторону бѣлокриницкаго митрополита Кирилла, находившагося на сторонѣ раздорниковъ, чего и достигъ, давши знать Кириллу, что если онъ не примирится съ окружниками, то будетъ оставленъ Москвою безъ всякой помощи, въ противномъ же случаѣ и онъ самъ и монастырь Бѣлокриницкій будутъ обезпечены. Кириллъ, готовый все продать за деньги, отвѣтилъ изъявленіемъ полной готовности войти въ примиреніе съ окружниками. За это рѣшено было выдавать ему изъ общественной кассы Рогожскаго кладбища по двѣ тысячи рублей въ годъ на содержаніе братіи Бѣлокриницкаго монастыря, и въ то же время въ канцеляріи Антонія сочинена была Швецовымъ отъ имени Кирилла мирная грамота ко всѣмъ россійскимъ епископамъ, въ которой

[1]) Впослѣдствіи Карловичъ хлопоталъ предъ правительствомъ о дозволеніи возвратиться въ Россію и предлагалъ свои услуги для защиты православія противъ раскола; но предложенія такого позорнаго защитника, разумѣется, были отвергнуты. *Ред.*

онъ испрашивалъ прощеніе во всѣхъ причиненныхъ имъ междоусобныхъ распряхъ, равно какъ и съ своей стороны всѣхъ прощалъ. Грамота для подписи отослана была Кириллу въ Бѣлую Криницу, и подписанная имъ обратно прислана въ Москву къ Антонію. Антоній былъ весьма доволенъ заключеніемъ мира съ Кирилломъ, который, по наученію раздорниковъ, нѣсколько разъ до крайности огорчалъ его присылкою своихъ запретительныхъ грамотъ. Ликовали и окружники; раздорники же, т.-е. неокружники, съ этого времени присмирѣли и уже мало тревожили Антонія.

Была у Антонія еще другая забота. Его, какъ и всѣхъ старообрядческихъ ревнителей, давно тревожили извѣстные „восемь вопросовъ", поданные Духовному Совѣту въ 1865 году бывшими членами бѣлокриницкой іерархіи, епископомъ Онуфріемъ, архидіакономъ Филаретомъ и прочими. Вопросы были напечатаны въ „Душеполезномъ Чтеніи", также отдѣльными книжками, и были распространены во многія мѣста. И вотъ, по мѣрѣ распространенія ихъ между старообрядцами, стали являться къ Антонію, все чаще и чаще, изъ разныхъ старообрядческихъ обществъ лица за разрѣшеніемъ вызванныхъ вопросами сомнѣній въ истинности именуемой церкви старообрядцевъ и существующей у нихъ австрійской іерархіи. Особенно смущались указаннымъ въ вопросахъ неимѣніемъ въ старообрядчествѣ почти 200 лѣтъ своего собственнаго епископства. Спрашивали обыкновенно: „есть ли въ священномъ Писаніи, или въ ученіи святыхъ отецъ какія-либо указанія на то, что Богоучрежденная іерархія можетъ прекратиться на опредѣленное время и по истеченіи сего времени явиться снова въ своемъ первомъ достоинствѣ"? Этимъ и подобными вопросами они ставили Антонія въ большое затрудненіе, равно какъ и всѣхъ прочихъ защитниковъ старообрядчества. Понимая, что вопросы эти весьма важны, что отъ такого или иного ихъ рѣшенія зависитъ признаніе или непризнаніе старообрядчества истинною

церковію Христовою, признаніе или непризнаніе существующей въ немъ, начатой Амвросіемъ, іерархіи законною и правильною іерархіею, Антоній и его совѣтники вскорѣ же по напечатаніи вопросовъ озаботились о составленіи на нихъ отвѣтовъ въ смыслѣ благопріятномъ для старообрядчества, — именно тогда же составили „чрезвычайный секретный комитетъ" подъ предсѣдательствомъ Пафнутія Казанскаго, которому поручено было заняться приготовленіемъ отвѣтовъ. Въ составъ комитета, кромѣ духовныхъ лицъ, вошли и начитанныя лица изъ міранъ, а именно: тогдашній письмоводитель Духовнаго Совѣта Ѳедоръ Ивановъ, Семенъ Семеновъ, Александръ Сивовъ, Александръ Боголѣповъ. Къ комитету причисленъ былъ и авторъ Окружнаго Посланія Иларіонъ Егоровъ; но онъ подъ разными предлогами уклонился отъ этого назначенія, представляя между прочимъ то, что не имѣетъ для такого серіознаго занятія удобнаго уединеннаго мѣста. На самомъ же дѣлѣ Иларіонъ уклонялся отъ порученія составить отвѣты потому, что вопросы, противъ коихъ нужно было писать ихъ, почти во всемъ сходны съ вопросами, которые самъ онъ незадолго предъ тѣмъ предложилъ посланникамъ Кирилла, священноинокамъ Іоасафу и Иліи. Возражая противъ восьми вопросовъ ему пришлось бы такимъ образомъ возражать противъ себя самого, и выраженныя имъ самимъ сомнѣнія въ истинности именуемой церкви старообрядческой и возникшей въ ней новой іерархіи, признать несправедливыми и напрасными, чего, понятно, онъ сдѣлать не могъ. А своему близкому другу, моему товарищу В. Ломоносову, онъ и прямо говорилъ, что никакіе комитеты правильныхъ отвѣтовъ на восемь вопросовъ, въ оправданіе старообрядцевъ, дать не могутъ, и если комитетъ напишетъ какіе-либо отвѣты, то податели вопросовъ легко ихъ опровергнутъ къ общему униженію старообрядцевъ. Для занятій комитета нанята была особая квартира въ томъ самомъ домѣ Ильина, гдѣ впослѣдствіи помѣщалась наша канце-

лярія. Послѣ нѣсколькихъ собраній комитетъ съ большимъ трудомъ составилъ возраженіе на одно вступленіе къ вопросамъ, и затѣмъ рѣшилъ прекратить свои занятія, на вопросы же, въ случаѣ надобности, отвѣчать устно, какъ кого Богъ вразумитъ. Этимъ и кончилась вся дѣятельность чрезвычайнаго комитета, учрежденнаго для составленія отвѣтовъ. Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ членовъ комитета, помянутый Боголѣповъ, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ Духовнаго Совѣта въ 1863 году, составилъ единолично отъ себя какіе-то отвѣты на восемь вопросовъ и заявилъ о томъ Антонію съ Духовнымъ Совѣтомъ, присовокупляя, что согласенъ отдать ихъ Антонію и Совѣту, если ему будетъ выдана за нихъ назначенная имъ довольно крупная сумма денегъ. Антоній изъявилъ готовность уплатить эту сумму Боголѣпову, если только онъ дастъ свои отвѣты на предварительный просмотръ и если они окажутся удовлетворительными. На это условіе Боголѣповъ согласился, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ отвѣтовъ его не снимали копіи. Но отвѣты Боголѣпова показались неудовлетворительными даже Антонію съ Совѣтомъ, и были возращены автору. Самъ же Боголѣповъ придавалъ имъ большую важность и даже представилъ въ духовную цензуру, желая напечатать. Цензура не разрѣшила ихъ печатаніе. Тогда участвовавшій въ изданіи вопросовъ Н. И. Субботинъ печатно предложилъ Боголѣпову свою готовность издать и его отвѣты, но съ своими замѣчаніями; на это не согласился уже самъ Боголѣповъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Между тѣмъ настоятельную нужду въ отвѣтахъ чувствовали всѣ и сожалѣли, что нѣтъ человѣка, который бы могъ правильно рѣшить вопросы. Если бы, — говорили, — отецъ Павелъ (Бѣлокриницкій) живъ былъ, тотъ давно бы отвѣтилъ! И вотъ, за неимѣніемъ письменныхъ отвѣтовъ, Антонію приходилось устно отвѣчать вопрошавшимъ о непрекращаемости епископства, и въ лишеніи его оправдывать общество старообрядцевъ. Какъ же онъ оправдывалъ?

Онъ обыкновенно говорилъ, что церковь состоитъ въ правомъ исповѣданіи вѣры, которая можетъ быть и безъ епископа. Въ подтвержденіе этого онъ приводилъ слова преподобнаго Максима исповѣдника: „Христосъ Господь каѳолическою церковію нарече быти правое и спасенное вѣры исповѣданіе“ (Чет. Мин. ген. 21). Но правое исповѣданіе не можетъ быть безъ исповѣдающихъ оное людей, а сіи не могутъ быть безъ право исповѣдающихъ епископовъ: „безъ епископа ниже христіане“. Вѣра не есть что-то отдѣльное отъ человѣка, а происходитъ отъ сердца и исповѣдуется устами человѣка: *сердцемъ вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе.* Антоній вообще стѣснялся и не любилъ говорить о важности чина епископскаго и необходимомъ содержаніи церковію седми Богоуставленныхъ таинствъ; напротивъ онъ любилъ говорить о мнимыхъ никоніанскихъ ересяхъ и доказывать существованіе ихъ въ церкви грекороссійской порицательными отзывами объ извѣстныхъ обрядовыхъ преданіяхъ въ полемическихъ книгахъ православныхъ писателей прежняго времени. Въ этомъ онъ имѣлъ даже хорошее искусство. Случалось, что для лучшаго показанія, этихъ ересей Антоній подводилъ вопрошавшаго къ иконѣ Спасителя и, указывая на изображенную на ней благословляющую десницу съ двуперстнымъ сложеніемъ, спрашивалъ: „чье это благословеніе?“ Тотъ конечно отвѣчалъ: Христово! Тогда Антоній съ торжествомъ начиналъ говорить, что вотъ это-то самое Христово благословеніе всероссійскій синодъ называетъ демоносѣденіемъ, — и проч. и проч. Такимъ отвѣтомъ Антонія вопрошавшій оставался доволенъ и уходилъ съ убѣжденіемъ, что церковь великороссійская весьма погрѣшаетъ относительно вѣры, такъ какъ различія между вѣрою и обрядовыми преданіями старообрядцы не полагаютъ. Вопрошающихъ же о неодолѣнности церкви и ея іерархіи Антоній обыкновенно отсылалъ къ Швецову, говоря: „поди, совершенно тово, къ Онисиму! — онъ все докажетъ; у него

и всѣ книги имѣются на разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ"...

7. Какъ Швецовъ бесѣдовалъ съ вопросителями. — Его отзывъ о восьми вопросахъ. — Разговоры объ нихъ со мною. — Примѣры неудачныхъ попытокъ его къ рѣшенію вопросовъ. — Проявленія особой вражды Швецова къ православной церкви. — Труды Швецова по составленію отвѣтовъ. — Отвѣты, имъ написанные.

Уклоняясь самъ отъ устныхъ отвѣтовъ старообрядцамъ, требовавшимъ разрѣшенія своихъ сомнѣній, и отсылая ихъ для вразумленія къ Швецову, Антоній возлагалъ на этого послѣдняго весьма трудное дѣло. Вопросители являлись нерѣдко и съ разными вопросами; по преимуществу же спрашивали: можетъ ли церковь лишиться епископства и благодати дара Св. Духа на поставленіе пастырей, какъ лишилась церковь старообрядческая, не имѣвшая силы поставить не только епископа, но и низшаго причетника? За невозможностію отвѣтить прямо на такіе вопросы, Швецовъ обыкновенно пускался въ длинныя, мало относившіяся къ дѣлу объясненія, и этимъ такъ затемнялъ бесѣду, что вопроситель терялъ нить мысли и отходилъ отуманенный его многословіемъ. Это мы постоянно замѣчали надъ приходившими къ намъ посѣтителями. Въ своихъ разглагольствіяхъ Швецовъ, между прочимъ, сравнивалъ церковь съ полкомъ въ арміи, — говорилъ, что полкъ, чрезъ лишеніе полковника, не утрачиваетъ имя полка, что такъ же точно и церковь чрезъ лишеніе епископства не утрачиваетъ своего достоинства церкви; а временное неимѣніе у старообрядцевъ поставленія пастырей онъ оправдывалъ тѣмъ, что вѣдь и въ церкви грекороссійской архіереи не всегда держатъ руки простертыми для поставленія. Но того Швецовъ не разумѣлъ, что съ лишеніемъ полковника въ какомъ-либо полку арміи не лишается полководцевъ, и что на мѣсто выбывшаго непремѣнно назва-

чается новый полководецъ; а церковь старообрядцевъ лишилась всего чина епископскаго и некому было въ ней на мѣсто выбывшихъ епископовъ поставлять новыхъ. Не принималъ онъ также во вниманіе, что архіереи церкви грекороссійской, хотя не всегда держатъ руки простертыми на поставленіе священныхъ чиновъ, но всегда по потребности имѣютъ даръ благодати совершить таинство священства; напротивъ церковь старообрядцевъ вовсе не имѣла лица, которое могло бы совершить это таинство, и обращалась за священствомъ къ иной церкви, по ея мнѣнію, еретической. И тогда уже ясно видѣлъ я, что всѣ эти примѣры, приводимые Швецовымъ, нимало не служатъ къ оправданію старообрядцевъ; на посѣтителей же нашихъ такія разсужденія Швецова замѣтно производили впечатлѣніе.

А къ восьми вопросамъ Швецовъ относился различно. Иногда горделиво говорилъ объ нихъ, что „они ничего не имѣютъ серьезнаго для религіи, а скорѣе показываютъ только безуміе и невѣріе вопросителей и подобны тѣмъ вопросамъ, о которыхъ святый Златоустъ писалъ: „бываютъ, подлинно бываютъ вопросы, не достойные отвѣта". Иногда же придавалъ имъ большое значеніе. „Нынѣ, говорилъ онъ, на церковь Христову воздвигнулась буря, подобная бурѣ, существовавшей во время господства аріанской ереси. Какъ аріане въ униженіе Сына Божія приводили слѣдующія слова Писанія: *Господь созда Мя начало путей своихъ въ дѣла своя* (Притч. 8, 22), такъ и нынѣшніе еретики-никоніане въ униженіе истинной церкви старообрядцевъ всюду твердятъ одно и то же: могли ли вы, старообрядцы, составлять церковь? могла ли быть у васъ церковь безъ епископа? могла ли быть у васъ полнота церковныхъ таинствъ? и проч. И какъ придирками аріанъ нисколько не былъ униженъ Единородный Сынъ Божій единосущный Отцу, такъ и придирками никоніанъ нисколько не унижается достоинство церкви старообрядческой, вопреки своего желанія лишившейся на время

высшаго духовнаго руководительства". Когда же спрашивали его: „почему доселѣ нѣтъ никакихъ отвѣтовъ на вопросы, заданные отдѣлившимися отъ нашихъ духовныхъ властей бывшими нашими епископами и священниками"? Швецовъ отвѣчалъ, даже письменно, со словъ Антонія: „Нашими пастырями (якобы) всегда были дѣлаемы словесно должныя отвѣтословія (вопросителямъ), но они оказались какъ будто бы чѣмъ оглушены, — не только безъ всякаго замѣчанія, но даже и съ презрѣніемъ оставляли ихъ. Это ихъ невниманіе привело нашихъ пастырей къ таковому заключенію, чтобы на основаніи одной Христовой заповѣди, вѣщающей сице: *не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не попрутъ ихъ ногами своими, и обращьше ся расторгнутъ вы* (Мат. зач. 20), не давать имъ никакихъ письменныхъ объясненій. Притомъ, когда уже оные совопросники, со всѣмъ отдѣлившіеся, начали публично чрезъ печатные оттиски заявлять всѣмъ въ представляемомъ количествѣ свои вопросы, тогда наши пастыри и желали было сдѣлать на сіе должные отвѣты, для предостереженія простодушныхъ христіанъ, но публично дѣлать сіе находили себя не имѣющими ни права, ни гласности: почему и рѣшились ограничиваться тѣмъ, чтобы о семъ отвѣчать только тому, кто непосредственно самъ будетъ къ намъ съ подобными вопросами обращаться, уже нисколько не входя въ ту крайность, что поставляющіе гласъ своихъ вопросовъ, сдѣлавшійся предъ ними, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, чрезъ презорство сами сдѣлались глухими, чтобы не слышать гласа обавающаго ихъ, по святому Псалмопѣвцу" (письмо къ Мятелкову). И тогда еще вся эта ложь Антонія и Швецова была очевидна для меня. Я разсуждалъ: Если именуемые пастыри старообрядцевъ публично отвѣчать на вопросы находятъ себя не имѣющими ни права, ни гласности, то вѣдь могли они сдѣлать опроверженіе на нихъ не публичное для назиданія и предостереженія сомнящихся старообрядцевъ, подобно тому, какъ извлекаютъ изъ полемическихъ книгъ

отрывки въ искаженномъ видѣ и во множествѣ списковъ распространяютъ между старообрядцами. Мы, переписчики, для того и находились при канцеляріи, чтобы приготовлять такіе списки. Ясно, что причина ихъ безотвѣтствія заключалось совсѣмъ не въ представляемыхъ Антоніемъ и Швецовымъ обстоятельствахъ, а въ совершенной невозможности дать такіе отвѣты, которые были бы согласны съ Писаніемъ и вмѣстѣ служили бы къ подтвержденію законности австрійской іерархіи. А устныхъ отвѣтовъ, якобы украшенныхъ бисеромъ, старообрядческія духовныя власти, какъ я видѣлъ и зналъ, совсѣмъ не давали и не могли давать, потому что такимъ бисеромъ вовсе не обладали и не обладаютъ. Называя совопросниковъ свиніями за то, что въ вопросахъ они утверждаютъ невозможность существованія истинной церкви безъ епископства, Антоній и Швецовъ, очевидно, обзывали симъ именемъ, не только вопросителей, но и святыхъ отцовъ: Златоуста, Игнатія Богоносца, блаженнаго Симеона Солунскаго и другихъ, также утверждающихъ, что церковь не можетъ существовать безъ епископства.

Въ дѣйствительности Швецовъ былъ чрезвычайно занятъ тогда вопросами, — только о томъ и думалъ, какъ бы найти въ Писаніи что-нибудь въ возраженіе имъ и въ оправданіе старообрядчества съ его новой іерархіей. А такъ какъ вопросы не менѣе занимали и меня, то Швецовъ имѣлъ со мною постоянныя объ нихъ бесѣды, и о всемъ, что̀ придумывалъ на отраженіе вопросовъ, сообщалъ мнѣ. Я занимался внизу квартиры, а Швецовъ наверху, — и вотъ, какъ только найдетъ что-нибудь такое, сейчасъ же сходитъ ко мнѣ внизъ и говоритъ: „Слава тебѣ Господи! Сегодня у меня не прошелъ денекъ задаромъ! Я нашелъ очень важное свидѣтельство къ оправданію нашей церкви. Послушай-ка, — я тебѣ прочитаю“. Послушаю, что̀ онъ станетъ читать, — и каждый разъ вижу, что свидѣтельство совсѣмъ не относится къ дѣлу. Я не мало удивлялся, какъ этого самъ онъ не понимаетъ. Когда бывало скажешь ему прямо, что про-

читанное имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой ему кажется, онъ опечалится и уйдетъ вверхъ съ огорченіемъ. Представлю два-три примѣра такихъ его открытій, свидѣтельствующіе о его изобрѣтательности, но вмѣстѣ и близорукости.

Въ 12-й главѣ Апокалипсиса сказано: *и се змій великъ черменъ, имѣя главъ седмь и роговъ десять: и хоботомъ его отторже третію часть звѣздъ небесныхъ, и положи я въ землю.* Кто рѣшится изъ этихъ словъ Апокалипсиса вытолковывать отторженіе отъ церкви чина епископскаго? А Швецовъ хотѣлъ сдѣлать это, и даже былъ увѣренъ въ справедливости своего толкованія. Онъ утверждалъ, что подъ звѣздами разумѣются пастыри церкви, которые и въ церковныхъ пѣсняхъ прямо именуются „мысленныя тверди звѣздами“ (на Хвалит. слов.). А такъ какъ пастыри церковные, толковалъ онъ, раздѣляются на *три части*, или чина, епископа, пресвитера и діакона, то подъ отторженіемъ третьей части звѣздъ небесныхъ хоботомъ змія должно разумѣть отторженіе отъ церкви чина епископскаго, какъ главнѣйшаго, отъ котораго происходятъ и чины — пресвитерскій и діаконскій. Я возражалъ ему, что если такъ (а это дѣйствительно такъ), то съ епископствомъ должно пасть и пресвитерство и діаконство. За такое замѣчаніе онъ гнѣвался на меня и, къ удивленію, продолжалъ рекомендовать свое странное толкованіе пріѣзжавшимъ къ Антонію попамъ, говоря, что еще въ Апокалипсисѣ предсказано отторженіе отъ церкви епископскаго чина. Одинъ пріѣхавшій изъ Вятской губерніи попъ, Іовъ, для отраженія нападокъ со стороны мнимыхъ никоніанъ своей мѣстности, пожелалъ имѣть списокъ этого Швецовскаго толкованія, и Швецовъ дѣйствительно изложилъ свои бредни, а мнѣ поручилъ переписать его изложеніе въ особую тетрадку для Іова. Я долженъ былъ исполнить его порученіе; но, переписывая и убоявшись отвѣтственности предъ Богомъ за могущій произойти отсюда соблазнъ для несвѣдущихъ людей, которые нелѣпымъ

толкованіемъ Швецова могутъ утверждаться въ своемъ отдѣленіи отъ церкви, на концѣ тетрадки написалъ слѣдующее: „я, писецъ этой тетрадки, ученіе ея считаю несправедливымъ“. Когда Іовъ получилъ тетрадку и увидѣвъ въ ней мою оговорку, то воскликнулъ: „какой выходъ-то къ ней ты сдѣлалъ нехорошій“!

Въ Апокалипсисѣ же, ссылаясь притомъ на толкованіе блаж. Іеронима, Швецовъ думалъ найти доказательство, что падшее епископство можетъ возстать въ своемъ первобытномъ достоинствѣ. Онъ говорилъ: „А какимъ образомъ будетъ возможно очиститься и освятиться епископамъ, аще случится увлечься имъ въ каковой-либо соблазнъ развращенія, на это блаженный Іеронимъ приводитъ доказательство изъ Апокалипсиса: „Ангелу Ефеса, говоритъ онъ, вмѣняется въ вину оставленная любовь, ангелу Пергамской церкви дѣлается упрекъ за ядѣніе идоложертвеннаго и за ученіе николаитовъ... и однакоже всѣхъ ихъ Господь увѣщеваетъ къ покаянію подъ угрозою только наказанія, если не обратятся“. Но изъ разныхъ толкованій Апокалипсиса я зналъ, что предстоятель церкви Ефесской укоряется не за ересь, а только за то, что не имѣетъ той любви ко Христу, какую имѣлъ въ началѣ, и ангелъ, или предстоятель церкви Пергамской упрекается не за содержаніе николаитской ереси, а только за неисполненіе своей обязанности — духовнымъ мечомъ (то-есть словомъ Божіимъ) истреблять еретиковъ и раскольниковъ, ибо терпѣлъ въ своей церкви людей, державшихся ереси николаитской; за это же самое упрекается и предстоятель Ѳіотирскія церкви, о которомъ сказано въ Апокалипсисѣ: *Вѣмъ твоя дѣла, и любовь, и службу, и вѣру, и терпѣніе твое, и дѣла твоя, и послѣдняя больше первыхъ. Но имамъ на тя мало, яко оставляеши женѣ Іезавели, глаголющей себе быти пророчицу, учити и льстити моя рабы, любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую* (Апок. 2, 19, 20). Блаженный Андрей архіепископъ Касарійскій слова сіи толкуетъ такъ: „*Вѣмъ дѣла твоя* — хотя по

причинѣ вѣры и служенія, благодушія вашего и терпѣнія похваляю васъ, но справедливо и порицаю васъ, потому что ереси николаитовъ (въ переносномъ смыслѣ называемой Іезавелью, по причинѣ нечестія и нечистоты) дозволяете открыто дѣйствовать, такъ что для рабовъ моихъ, по простотѣ знанія, служитъ она соблазномъ и увлекаетъ ихъ къ идоложертвенному, отъ чего прекрасно отреклись они прежде. Ее обуздать должны вы, потому что, возбуждаемая лукавымъ духомъ, она считаетъ себя пророчествующею" (Толк. на Апок., издан. Браг. св. Петра). Отсюда я понималъ, что предстоятели упомянутыхъ церквей не уклонялись изъ православія въ ересь, какъ, по ученію Швецова и всѣхъ старообрядцевъ, якобы уклонялись въ ересь всѣ епископы во время патріарха Никона: они виновны только въ томъ, что не исполняли своей обязанности въ отношеніи къ раскольникамъ и еретикамъ, — потому Божіе долготерпѣніе и призываютъ ихъ къ покаянію. По всему этому я находилъ и указывалъ Швецову, что сказанное въ Апокалипсисѣ о предстоятеляхъ мало-азійскихъ церквей никакъ не можетъ подтверждать его мысль о возможности отпаденія отъ православія и потомъ возстановленія и очищенія всего епископскаго чина. Притомъ же, говорилъ я, возстановленіе это, очищеніе и освященіе можетъ совершиться только чрезъ епископство же. Ибо „никто же можетъ тайны строити, развѣ святителей хиротонисанныхъ, имже дана есть власть отъ Господа рукоположеніемъ наслѣдниковъ апостольскихъ" (Бол. Кат. гл. 72). „Если бы оно (епископство) прекратилось, то все разстроилось бы и разрушилось" (Бес. Злат. на разн. мѣста свящ. Пис. ч. 2, стр. 317—318).

Швецовъ говорилъ еще, что Господь, какъ всемогущій Богъ, силенъ былъ возстановить павшее архіерейство въ первобытномъ его достоинствѣ чрезъ обратившагося отъ ереси греческаго митрополита Амвросія. Но я представлялъ ему, что тѣмъ паче Господь силенъ удержать отъ уклоненія въ неправославіе все, имъ самимъ учре-

жденное, епископство, во исполненіе своего обѣтованія: *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь* (Мат. зач. 116). Обѣщать и не исполнить обѣщанное не свойственно не только Богу, но и честнымъ людямъ. Несомнѣнно, что и епископы подлежатъ искушеніямъ, и даже болѣе прочихъ людей; но къ нимъ же болѣе другихъ относятся и сіи слова Писанія: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (Дѣян. зач. 141).

Я любилъ читать книгу митрополита Григорія: „Истинно-древняя Христова церковь", потому что въ ней имѣется обстоятельное изложеніе ученія о церкви, іерархіи и таинствахъ. Когда Швецовъ заставалъ меня за чтеніемъ этой книги, то говорилъ мнѣ: „напрасно ты читаешь эту табашную книгу! чрезъ нее легко можно заразиться никоніанскимъ духомъ"! Иногда и съ сердцемъ говорилъ это, даже вырывалъ изъ рукъ и самую книгу. Нерѣдко мнѣ приходилось ходить съ нимъ по Москвѣ: если проходили мимо какой-нибудь церкви, Швецовъ никогда не останавливался помолиться, даже шапки не снималъ, оказывая тѣмъ полное пренебреженіе къ православнымъ храмамъ. Иногда мнѣ даже совѣстно было людей изъ-за него. Самъ же я не выдерживалъ этого и иногда останавливался, чтобы положить три поклона передъ церковію. Швецову очень не нравилось, что я отдаю такую честь церкви, по его мнѣнію еретической. Потому-то, думаю, и не касается Божія благодать его сердца къ познанію истины, что онъ зараженъ такою слѣпою враждою къ церкви.

Своего наставника Мятелкова, который способствовалъ его переходу изъ нѣтовщины въ австрійское согласіе, Швецовъ очень любилъ и уважалъ. Онъ испросилъ у Антонія согласіе вызвать его въ Москву для занятія должности письмоводителя въ Духовномъ Совѣтѣ. Мятелковъ нѣсколько времени прожилъ въ Москвѣ; но отъ предлагаемой ему должности письмоводителя отказался. Мало

того, — онъ даже объявилъ Швецову, что прочитавши восемь вопросовъ, сомнѣвается въ правотѣ старообрядцевъ и существующей у нихъ іерархіи. Нужно вамъ, — говорилъ онъ Швецову, — всячески позаботиться объ отвѣтахъ на эти вопросы. Этого Швецовъ никакъ не ожидалъ отъ Мателкова, и изъ словъ его понялъ, что доколѣ вопросы не будутъ разрѣшены надлежащимъ образомъ, до тѣхъ поръ всегда будутъ являться изъ самихъ старообрядцевъ люди, усомнившіеся въ старообрядчествѣ, а „никоніане" всегда будутъ имѣть средство къ обличенію старообрядцевъ. Тогда онъ рѣшилъ употребить всю свою силу на составленіе отвѣтовъ; къ тому же понуждалъ его и самъ Антоній. Швецовъ неоднократно говорилъ, что „владыка" и мнѣ поручаетъ вмѣстѣ съ нимъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ, хотя отъ самого Антонія я этого не слыхалъ. Нѣкоторые матеріалы для отвѣтовъ у Швецова уже были готовы, — и именно возраженіе на предисловіе вопросовъ, составленное бывшимъ подъ предсѣдательствомъ Пафнутія комитетомъ, потомъ „замѣтки, или краткое показаніе о нужныхъ церковныхъ обстоятельствахъ", собранныя начетчикомъ Семеномъ Семеновымъ, посланія къ безпоповцамъ инока Павла Бѣлокриницкаго и др. Такъ какъ вопросы основаны на обѣтованіи Господа сохранить навсегда церковь свою неодолѣнною отъ самыхъ вратъ адовыхъ, т.-е. по Благовѣстнику, отъ еретиковъ и гонителей, въ томъ самомъ видѣ и устройствѣ, въ какомъ она создана Имъ, съ трехчинною іерархіею и седмію таинствами: то Швецовъ прежде всего старался доказать, что якобы обѣтованіе Господне положено не о всѣхъ членахъ, составляющихъ церковь, и именно о епископствѣ якобы не положено, и потому вслѣдствіе немощи человѣческой всѣ до единаго епископы могутъ будто бы уклониться въ неправославіе, а церковь можетъ остаться и существовать безъ епископскаго чина, какъ осталась и существовала въ теченіе 180 лѣтъ. Что церковь Христова всегда должна „быть

непремѣнно съ тремя чинами іерархіи, и ни въ какомъ случаѣ, безъ личнаго присутствія епископа, она именоваться церковію не можетъ", — это въ вопросахъ якобы „доказано недостовѣрно", — писалъ онъ въ своихъ отвѣтахъ

Я находилъ, напротивъ, недостовѣрными разсужденія и доказательства самого Швецова, и многократно поставлялъ ему на видъ важность чина епископскаго, — говорилъ, что епископство не есть какое-либо внѣшнее украшеніе церкви, а составляетъ самую существенную ея принадлежность, — епископъ есть „глава церковнаго тѣлеси", и къ епископамъ въ старопечатныхъ книгахъ прямо отнесено обѣтованіе Господне: „имже (архіепископамъ и епископамъ) и пребывати даже до скончанія вѣка (Господь) обѣтованіе сотвори" (Кн. о вѣрѣ л. 59). Какъ же можно чинъ епископскій исключать изъ зданія церковнаго и изъ обѣтованія Господня о неодолѣнности церкви? какъ можно утверждать, что о пресвитерствѣ и мірянахъ положено Господомъ обѣтованіе, а объ епископствѣ не положено? что глава церковнаго тѣлеси — епископство можетъ пасть, а руки и ноги, то-есть попы и міряне, пасть не могутъ? епископство православное можетъ прекратиться, а попы и міряне не прекратятся и могутъ существовать безъ головы?

Иногда Швецовъ откровенно говорилъ мнѣ на это: „И я былъ бы согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о церкви и обѣтованіи Божіемъ о ней, но никакъ нельзя его принять, имѣя въ виду положеніе нашей „древлеправославной" церкви, столько времени остававшейся безъ епископства; а ее только мы и призваны защищать! Вѣдь не признавать же никоніанскую церковь справедливою только потому, что въ ней сохранилась другопреемственная іерархія! Іерархія сохраняется и въ римской церкви, однако за это и сами никоніане не считаютъ ее истинною церковію, а признаютъ еретическою". Ясно было, что у Швецова крайнія заблужденія происходили отъ полной

его увѣренности въ правотѣ общества старообрядцевъ, и все вниманіе было обращено на то, какъ бы отбиться отъ представляемыхъ со стороны православныхъ доказательствъ противъ старообрядчества. Эта крайняя ревность увлекла его идти даже противъ самыхъ ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ. Напримѣръ св. Златоустъ ясно говоритъ: „не можетъ быти церковь безъ епископа"; а Швецовъ толковалъ, что слова эти сказаны Златоустомъ только объ одномъ константинопольскомъ каѳедральномъ храмѣ, потому что церковь сія именуется главою всѣхъ церквей константинопольскаго патріархата и по соборнымъ правиламъ безъ архипастыря быть никакъ не могла. Онъ не хотѣлъ понять, что если константинопольскій храмъ по соборнымъ правиламъ не могъ быть безъ епископа, то тѣмъ паче церковь вселенская не можетъ быть и существовать безъ епископства. Такихъ его мыслей никто изъ насъ, служившихъ съ нимъ въ канцеляріи, не раздѣлялъ; даже и племянники его, слушая наши съ нимъ споры, часто ему говорили: „дяденька! несправедливо толкуешь, ошибаешься"! За это онъ сильно гнѣвался на нихъ. Вообще, все это время, какъ Швецовъ трудился надъ сочиненіемъ отвѣтовъ, у меня происходили съ нимъ пренія, о которыхъ самъ онъ засвидѣтельствовалъ въ жизнеописаніи Антонія, гдѣ именно говоритъ: „онъ (Антоній) имѣлъ борьбу и отъ другой стороны, именно же чрезъ отступившихъ отъ древлеправославнаго исповѣданія въ единовѣріе нѣкіихъ его писцовъ". Подъ писцами главнымъ образомъ разумѣлъ отъ меня и товарища моего Леона Трофимова; только напрасно говоритъ онъ, будто мы отступили отъ древлеправославнаго исповѣданія: не отъ исповѣданія истинной, древлеправославной вѣры, а отъ раскола мы отступили. Никакой также борьбы съ самимъ Антоніемъ у насъ не было, да и по самому служебному своему положенію мы не могли вступать съ нимъ въ борьбу. Это объ насъ сказалъ онъ неправду. А вотъ съ самимъ Швецовымъ, почти

равнымъ съ нами по служебному положенію, мы дѣйствительно имѣли большую борьбу, отставая древлеправославное исповѣданіе вѣры, содержимое нашею древнерусскою церковію, отъ его нападеній, что̀ читатели могутъ видѣть изъ сказаннаго выше.

Наконецъ въ 1871 г. явились и отвѣты Швецова. Писалъ онъ ихъ по порученію Антонія и Духовнаго Совѣта; однако ни Антоніемъ ни Совѣтомъ его отвѣты не были утверждены, даже и самъ составитель ихъ, Швецовъ, подъ ними не подписался, а были они выданы отъ лица совершенно посторонняго, нисколько не участвовавшаго въ ихъ составленіи,— отъ нѣкоего Сергѣя Михайлова Лебедева, который служилъ тогда приказчикомъ у богатаго безпоповца Лѣпивова. Антоній съ Совѣтомъ и Швецевъ не выдали отвѣтовъ отъ себя съ тою цѣлію, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность отъ нихъ отказаться, если они окажутся слабыми и невѣрными. А такими дѣйствительно и признали ихъ даже многіе изъ самихъ старообрядцевъ. въ томъ числѣ и Мятелковъ. Онъ тогда же прямо объявилъ ихъ противорѣчащими священному и святоотеческому Писанію въ ученіи о церкви, іерархіи и таинствахъ. Тогда же присоединился онъ къ церкви православной, и до самой своей кончины былъ смѣлымъ обличителемъ Швецовскихъ заблужденій. Но Антоній очень радъ былъ появленію и такихъ отвѣтовъ,— теперь онъ могъ всѣхъ посѣтителей, смущаемыхъ сомнѣніями по поводу вопросовъ, снабжать Швецовскими на нихъ отвѣтами, надъ перепискою которыхъ по его приказанію усердно трудились его писцы. Антоній дѣйствительно раздавалъ ихъ щедрой рукой, и писцы едва успѣвали готовить. Потомъ, по совѣту нѣкоторыхъ старообрядцевъ, Антоній со Швецовымъ черезъ Сергѣя Лебедева рѣшились обратиться къ напечатавшему самые вопросы профессору Московской Духовной Академіи Н. И. Субботину съ предложеніемъ напечатать и отвѣты. Къ этому дало имъ поводъ незадолго предъ тѣмъ послѣдовавшее заявле-

ніе его въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о готовности напечатать отвѣты Боголѣпова. Н. И. Субботинъ соглашался напечатать мнимое произведеніе Лебедева, какъ и отвѣты Боголѣпова; но не иначе, какъ съ собственными на нихъ замѣчаніями. На это условіе Антоній и Швецовъ не нашли возможнымъ согласиться, полагая, что замѣчаніями будутъ обезсилены отвѣты, — имъ хотѣлось напечатать ихъ безъ всякихъ замѣчаній. Поэтому они приказали Сергѣю Лебедеву отказаться отъ предложеннаго г-мъ Субботинымъ условія къ напечатанію отвѣтовъ; а рѣшили обратиться съ просьбою къ издателю „Современныхъ Извѣстій“ Гилярову, котораго считали расположеннымъ покровительствовать расколу и хотѣли заинтересовать тѣмъ, что газета его, если онъ помѣститъ отвѣты, разойдется во множествѣ экземпляровъ среди старообрядцевъ, весьма интересующихся отвѣтами. Рукопись отвѣтовъ доставилъ Гилярову самъ Швецовъ. Однако и Гиляровъ, хотя отнесся съ большимъ вниманіемъ къ Швецову, напечатать отвѣты не рѣшился, и продержавши ихъ болѣе мѣсяца у себя, возвратилъ назадъ. Тогда наконецъ Антоній и Швецовъ присудили напечатать отвѣты за границей, и они дѣйствительно явились въ изданной тамъ насчетъ Антонія книгѣ: „Собраніе изъ разныхъ книгъ святоотеческаго писанія о сложеніи перстъ на крестное знаменіе“. Оригиналъ этой книги для печати писанъ былъ мною по порученію Антонія. Всѣ свидѣтельства о сложеніи перстъ я переписалъ безъ всякаго измѣненія противъ старопечатныхъ книгъ: такъ они и напечатаны въ Сборникѣ. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ взято изъ Книги о вѣрѣ, напечатанной въ Могилевѣ 1625 года, и я дорожилъ имъ: оно заимствовано изъ бесѣдъ св. Златоуста на Евангеліе отъ Матѳея и повелѣваетъ изображать на себѣ крестъ не двумя перстами, какъ изображаютъ его старообрядцы, а однимъ: „крестъ не просто пальцемъ начертати потреба его, але первѣй въ мысли зъ многою вѣрою учинити потреба“. Въ этотъ-то Сборникѣ вошли и отвѣты

Швецова, подписанные Лебедевымъ. Вскорѣ же по напечатаніи ихъ мы узнали, что о. Филаретъ принялъ на себя трудъ сдѣлать обстоятельный разборъ ихъ, котораго мы и стали ожидать съ нетерпѣніемъ, въ полной увѣренности, что онъ какъ нельзя лучше покажетъ и опровергнетъ неправильныя мнѣнія Швецова, заключающіяся въ его отвѣтахъ.

8. Петербургскія пренія о нуждахъ единовѣрія. — Свиданіе и бесѣда съ г. Филипповымъ. — Мои сношенія съ о. Верховскимъ. — Разборъ отвѣтовъ Швецова, составленный о. Филаретомъ. — Затруднительное положеніе, въ которое поставленъ былъ Швецовъ этимъ разборомъ. — Мои препирательства со Швецовымъ.

Вскорѣ по написаніи Швецовымъ отвѣтовъ, именно въ 1872—73 годахъ, явились, къ общему удовольствію старообрядцевъ, „Протоколы" петербургскихъ преній г. Филиппова съ г. Нильскимъ и его товарищами „о нуждахъ единовѣрія". Теперь все наше вниманіе обращено было на эти пренія. Мы читали и перечитывали ихъ изложеніе съ большимъ интересомъ. Всего любопытнѣе было читать въ Протоколахъ доселѣ намъ не извѣстныя историческія извѣстія о дѣйствіяхъ духовной власти въ отношеніи къ старообрядцамъ и употребляемымъ ими обрядамъ, а также препирательства ученыхъ о значеніи клятвъ собора 1667 года, на кого и за что онѣ положены. Разумѣется, всѣ мы были на сторонѣ г. Филиппова, а не Нильскаго; его предпочитали этому послѣднему даже за слогъ рѣчи — краткой и ясной, каковыхъ достоинствъ слогъ рѣчи его противника не имѣлъ, напротивъ, крайнею растянутостью рѣчи умалялась сила даже и основательныхъ его доказательствъ. Разсужденіямъ г. Филиппова о клятвахъ собора 1667 года старообрядцы придавали даже нѣсколько иной смыслъ, нежели какой они имѣли. Напр., онъ говорилъ, что обрядъ двуперстнаго сложенія соборомъ отложенъ съ клятвою безусловно; а того, чтобы

соборъ точно такъ же съ клятвою отложилъ и самое исповѣданіе двумя перстами вѣры о двухъ во Христѣ естествахъ, онъ не утверждалъ и не могъ утверждать; между тѣмъ старообрядцы, ссылаясь на него, утверждали, что съ отложеніемъ двуперстія якобы отложено соборомъ и самое исповѣданіе двумя перстами вѣры о двухъ во Христѣ естествахъ. Антоній и многіе другіе старообрядцы, не понимая сущности статей г. Филиппова, считали его полнымъ защитникомъ старообрядцевъ и обличителемъ пастырей церкви православной. Поэтому Антоній цѣлыми сотнями покупалъ „Протоколы", раздавалъ своимъ посѣтителямъ безмездно, съ обычнымъ у старообрядцевъ присловіемъ: „отъ врагъ свидѣтельства достопріятнѣйша суть" (Благовѣстн. Еванг., на Рожд. Христ.). Напротивъ, если кто изъ пріѣзжавшихъ къ нему пріобрѣталъ „Выписки Озерскаго", онъ, узнавши о томъ, всегда внушалъ, что читать ихъ нужно съ большою осторожностію, потому что въ нихъ пишется много такого, чѣмъ можно повредиться совѣстію въ преданности старообрядчеству. Швецовъ же, къ удивленію, мало интересовался петербургскими преніями, а попрежнему занятъ былъ изыскапіемъ способовъ къ огражденію старообрядчества отъ взводимыхъ на него обвиненій за неимѣніе своего собственнаго епископа. Онъ понималъ главную мысль въ чтеніяхъ г. Филиппова, именно ту, что „единству вѣры не препятствуетъ различіе въ обрядахъ", и прямо говорилъ намъ, что согласиться съ этимъ намъ нельзя, ибо пришлось бы признаться, что мы, старообрядцы, напрасно отдѣляемся отъ грекороссійской церкви за употребленіе троеперстія и другихъ несогласныхъ съ нашими обрядовыхъ преданій.

Тогда мы пожелали точнѣе узнать, какого понятія держится г. Филипповъ, и въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Москву пошли къ нему вдвоемъ, т.-е. я и Швецовъ, лично побесѣдовать о религіозныхъ предметахъ. Мы отыскали его въ домѣ Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ. Разспросивъ, кто мы, онъ принялъ насъ очень любезно и долго

бесѣдовалъ съ нами. Онъ объяснялъ намъ, что православные христіане, исповѣдуя одну и ту же православную вѣру, въ обрядахъ всегда имѣли различіе, и такая разница въ обрядахъ существовала между греческою и россійскою православными церквами до патріарха Никона: греки молились троеперстно, а русскіе двуперстно, но между собою имѣли полное единомысліе въ вѣрѣ и полное общеніе, такъ что наши патріархи принимали поставленіе отъ восточныхъ патріарховъ, и восточные святители, пріѣзжавшіе въ Москву, имѣли общеніе съ пастырями русской церкви, крестившимися двуперстно. Тѣ и другіе заботились объ единомысліи въ вѣрѣ, въ чемъ и мы съ вами должны подражать имъ. Мы признаемъ ваше двуперстіе: признайте и вы наше троеперстіе, которое восточная церковь употребляетъ съ незапамятныхъ временъ. Но вы и доселѣ наше троеперстіе не хотите признать за православный обычай. Нужно признаться, что соборъ 1667 г., отвергая извѣстныя обрядовыя преданія, раньше употреблявшіяся въ россійской церкви, поступилъ неосмотрительно; но за его неосмотрительность нельзя считать церковь грекороссійскую утратившею благочестіе, какъ несправедливо думаютъ о ней старообрядцы, потому что соборъ касался не догматовъ вѣры, а однихъ обрядовыхъ преданій, въ исправленіи коихъ, по собственнымъ словамъ собора, церковь имѣетъ власть преуспѣвать на лучшее. При этомъ онъ выразилъ свое крайнее сожалѣніе. что старообрядцы окормляются незаконнымъ священствомъ отъ бѣглаго митрополита греческой церкви. Мы пытались было оправдать принятіе старообрядцами Амвросія разными историческими примѣрами; но г. Филипповъ заградилъ намъ уста указаніемъ каноническихъ правилъ, нарушенныхъ Амвросіемъ при переходѣ его отъ церкви въ расколъ, противъ чего мы не имѣли возможности возражать. Затѣмъ мы его спросили о сущности грекоболгарской распри. Въ разговорѣ я между прочимъ упомянулъ, что по изволенію своего владыки переписываю

книгу правилъ съ толкованіями Вальсамона, Зонары и Аристина. Этимъ онъ, видимо, заинтересовался и сказалъ, что у него есть знакомые, хорошо знающіе греческій языкъ, которые положили твердое намѣреніе перевести эту полезную книгу съ греческаго на русскій языкъ, и при этомъ полюбопытствовалъ, будетъ ли эта книга расходиться между старообрядцами. Мы отвѣтили, что книга несомнѣнно будетъ пріобрѣтаема старообрядцами.

Изъ бесѣды съ г. Филипповымъ я убѣдился, что онъ не защищаетъ расколъ, и даже сталъ было помышлять объ удаленіи изъ канцеляріи Антонія, гдѣ видѣлъ столько неправдъ, употребляемыхъ для оправданія раскола, т.-е. о переходѣ въ православную церковь. Но не успѣла эта мысль во мнѣ утвердиться, какъ вскорѣ же пришлось получить много рукописныхъ сочиненій извѣстнаго единовѣрческаго священника Іоанна Верховскаго, о которыхъ я упоминалъ уже. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Верховскій обвинялъ за произведеніе раскола архипастырство русской церкви, а старообрядцевъ во всемъ оправдывалъ, именуя ихъ вѣрными сынами древлероссійской церкви и іерархію ихъ именуя законною іерархіею. Такихъ сочиненій отъ православнаго священника я вовсе не ожидалъ: они произвели на меня глубокое впечатлѣніе и возвратили назадъ съ пути къ соединенію съ церковію, на который я было сталъ. Для успокоенія своей смущенной совѣсти я призналъ необходимымъ обратиться къ самому Верховскому, — написалъ ему откровенное письмо, въ коемъ высказавъ о себѣ, что съ молодыхъ лѣтъ состоя у Антонія писцомъ, вполнѣ убѣдился изъ ученія слова Божія и святыхъ отецъ, что церковь Христова безъ епископства существовать не можетъ, и такъ какъ церковь старообрядцевъ епископства не имѣла, то я заключилъ, что она не можетъ быть и именоваться церковію Христовою, какъ говорятъ это и защитники грекороссійской церкви, указывая именно на неимѣніе епископовъ у старообрядцевъ почти два столѣтія. Но и церковь грекороссійскую признать

за истинную опасаюсь по причинѣ произнесенія пастырями оной жестокихъ клятвъ и порицаній на старообрядцевъ и употребляемые ими обрядовыя преданія, кои употребляла сама древнерусская церковь. Въ виду всего этого я и просилъ о. Іоанна успокоить мою смущенную совѣсть своимъ наставленіемъ, — научить меня, какъ мнѣ поступить, чтобы не лишиться надежды на спасеніе. О. Верховскій не отказался отвѣтить мнѣ, — онъ писалъ, что „отъ единой святой соборной и апостольской церкви старообрядцы никогда не отлучались; напротивъ за нее-то они терпѣли и терпятъ разныя обиды. Не отторгались они и отъ россійской церкви — дониконовской, а отторгались и отторгаются они отъ безразсудныхъ клятвъ Московскихъ соборовъ 1666 67 годовъ, коими оскорбляется апостольская церковь. А обличать старообрядцевъ отсутствіемъ епископства, это для казеннаго православія всегда служило самымъ удобнымъ средствомъ сбивать съ толку смысленныхъ и разсуждающихъ старообрядцевъ. Ежели его у нихъ не было, то не ихъ вина, а насилія“. При письмѣ онъ прислалъ мнѣ свою фотографическую карточку съ слѣдующею надписью: „Вѣрному сыну единой святой соборной апостольской церкви Егору Антоновичу“. Въ этомъ же духѣ писанныхъ онъ прислалъ мнѣ потомъ и еще нѣсколько писемъ. Письмами о. Верховскаго на время была успокоена моя совѣсть отъ гнетущаго ее вопроса о лишеніи старообрядцами епископства, и я думалъ: вотъ Господь послалъ мнѣ человѣка, на котораго вполнѣ можно положиться въ пріобрѣтеніи спасенія!

Съ сочиненіями Верховскаго я познакомилъ своихъ товарищей. Они всѣмъ очень понравились, потому что по силѣ убѣдительности и по живому изложенію много превосходили произведенія Швецова, писанныя туманно и непонятно, тяжелымъ слогомъ. Въ благодарность Верховскому за его сочиненія на защиту старообрядчества, мы признали тогда нужнымъ поднести ему адресъ „отъ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство“. Составленіе адреса

поручено было мнѣ. Я принялся за это дѣло и исполнилъ его съ особенной готовностью. Подъ адресомъ насъ подписалось 15 человѣкъ. Воспользовавшись пріѣздомъ Верховскаго въ Москву, мы поднесли ему нашъ адресъ въ домѣ единовѣрца Шестова, у котораго онъ обыкновенно останавливался въ Москвѣ. Когда мы прочли адресъ, Верховскій принялъ его изъ нашихъ рукъ съ большою благодарностію. Потомъ долго съ нами бесѣдовалъ о занимающихъ насъ вопросахъ, говорилъ и о своихъ петербургскихъ преніяхъ, происходившихъ у г. Филиппова, съ профессорами Петербургской Духовной Академіи, коихъ очень бранилъ за то, что они якобы всячески стараются затемнить представляемую имъ истину и клятвамъ собора 1667 года придаютъ не то значеніе, какое они имѣютъ. Онъ даже объявилъ намъ, что въ случаѣ смерти желаетъ быть похороненнымъ на Рогожскомъ Кладбищѣ вмѣстѣ со старообрядцами. Но тутъ хозяинъ дома, Шестовъ, сказалъ ему: „нѣтъ, батюшка, мы тебя схоронимъ въ своемъ единовѣрческомъ, всѣхсвятскомъ монастырѣ“. А относительно адреса Верховскій сказалъ, что напечатаетъ его въ „Гражданинѣ“ съ своей о немъ статьею и пришлетъ намъ нѣсколько экземпляровъ, что дѣйствительно и исполнилъ. Между тѣмъ адресъ вскорѣ явился въ „Братскомъ Словѣ“, съ замѣчаніями на него редактора. Противъ этихъ замѣчаній мы написали рѣзкую статью, которую Антонъ Егоровъ лично передалъ Н. И. Субботину на братскомъ праздникѣ 21 декабря 1876 г. Статья наша была напечатана имъ въ „Братскомъ Словѣ“ съ подробнымъ разборомъ (см. *Бр. Сл.* 1876 г. отд. III, стр. 231 и 427). Любопытно, что Швецовъ и къ Верховскому относился равнодушно, сочиненіями его не интересовался, а на насъ изъявлялъ даже неудовольствіе, что превозносимъ сочиненія его похвалами и чествуемъ его адресомъ, каковой почести онъ, какъ не принадлежащій къ древлеправославной церкви, по мнѣнію Швецова, не заслуживалъ.

Между тѣмъ явился и ожидаемый нами разборъ о. Фи-

ларета на лживые отвѣты Лебедева, сочиненные Швецовымъ. Мы всѣ читали его съ большимъ интересомъ и не могли не сознаться, что всѣ лжесиллегепія Швецова основательно имъ опровергнуты. Швецовъ же, сгоряча, принялся было писать на этотъ разборъ свои замѣчанія; но вскорѣ работу свою бросилъ, почувствовавъ безсиліе опровергнуть доказательства, приводимыя о. Филаретомъ. Много послѣ этого Швецовъ написалъ и издалъ книгъ и книжекъ въ защиту раскола; а прямой своей обязанности — составить замѣчанія на сдѣланный о. Филаретомъ разборъ его отвѣтовъ доселѣ не исполняетъ, и тѣмъ ясно обличаетъ свое безсиліе опровергнуть справедливые доводы о. Филарета о несостоятельности глаголемой церкви старообрядцевъ. Въ утѣшеніе себѣ Швецовъ говорилъ тогда, что никоніане, проповѣдуя вѣчное безпрерывное существованіе православнаго епископства, этимъ самымъ впадаютъ въ крайность, — приписываютъ людямъ, имѣющимъ санъ епископовъ, Божескую непогрѣшимость, подобно тому, какъ усвояютъ такую непогрѣшимость католики своему папѣ; а безпоповцы, продолжалъ онъ, впадаютъ въ другую крайность, проповѣдуя, что церковь можетъ обходиться вовсе безъ епископства; наша же древлеправославная церковь, заключалъ онъ, идетъ среднимъ царскимъ путемъ, не совращаясь ни направо, ни налѣво, ни на сторону никоніанъ, проповѣдующихъ непогрѣшимость епископства, ни на сторону безпоповцевъ, проповѣдующихъ возможность существованія церкви вовсе безъ епископства. Но Швецовъ забылъ, или не понималъ, что здѣсь средняго пути нѣтъ и быть не можетъ, какъ нѣтъ средняго между Творцомъ и тварію, но или Творецъ, или тварь. Посему Григорій Богословъ, изобличая аріанъ, не признававшихъ Сына Божія Творцомъ всяческихъ, но и не считавшихъ Его наравнѣ съ тварію, спрашивалъ ихъ: „дайте мнѣ среднее", что было бы ни тварь, ни Творецъ? Такой обращенный Григоріемъ Богословомъ къ аріанамъ вопросъ въ настоящемъ случаѣ можно обра-

тить и къ Швецову: „дай намъ среднее“. Ибо то среднее, которое онъ указываетъ, совсѣмъ не есть среднее, — напротивъ, онъ становится то на сторону безпоповцевъ, то на сторону православныхъ. Обличая безпоповцевъ въ неимѣніи священства и таинствъ онъ становится на сторону православныхъ, представляя тѣ же самые тексты Писанія о вѣчности существованія въ церкви священства и таинствъ, кои обыкновенно представляются православными; а желая обличить церковь грекороссійскую за проповѣдь о необходимости епископства въ церкви Христовой, по необходимости становится на сторону безпоповцевъ, представляя тѣ же самые тексты Писанія о мнимой возможности существованія церкви безъ священства и полноты таинствъ, какія обыкновенно приводятъ безпоповцы. Итакъ, у Швецова средняго положенія, въ которомъ онъ желалъ остаться, не оказывалось. Въ этомъ онъ и самъ наконецъ признавался. Но чѣмъ больше напрягалъ онъ свои силы къ защитѣ старообрядцевъ въ лишеніи епископства, тѣмъ въ большее впадалъ заблужденіе въ ученіи о сущности церкви, іерархіи и таинствъ. Прежде онъ отвергалъ обѣтованіе Господне только о чинѣ епископскомъ, допускалъ возможность паденія этого только чина; теперь, послѣ нашихъ обличеній, понялъ, что ничѣмъ нельзя доказать, будто обѣтованіе Господне о неодолѣнности церкви простирается на однихъ презвитеровъ, діаконовъ и мірянъ, а на епископовъ не простирается, и что презвитеры, діаконы и міряне имѣютъ существовать вѣчно, безпрерывно въ православіи, а епископы не могутъ существовать вѣчно и безпрерывно въ православіи. Понявъ это, онъ сталъ говорить и писать, что обѣтованіе Божіе о неодолѣнности церкви относится не къ людямъ, составляющимъ церковь, а къ благодати Божіей. Швецовъ тогда говорилъ, а теперь уже и пишетъ: „въ составѣ церкви существуетъ двѣ части, или стороны: первая сторона ея, состоящая въ благодати Божіей, какъ силѣ спасающей человѣка, есть вѣчно постоянная и неразру-

шимая, *къ которой и относятся всѣ обѣтованія о неодолѣнности церкви;* а послѣдняя, состоящая въ людяхъ,— непостоянна, одолима и разрушима" (см. книжку Швец. О сущности церкви Христовой). Противъ этого я тогда же говорилъ Швецову, что слова Господа: *созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ей*, указываютъ на ожидающія церковь, но не могущія поколебать ее, гоненія,— на то, что она будетъ видимою, со вратами ада воинствующею, но необоримою. А благодать, или даръ Божій не есть что-либо видимое; врата адова, т.-е. гонители еретики, вооружиться на нее не могутъ; не сама благодать, а люди, составляющіе церковь, силою благодати противятся симъ врагамъ и побѣждаютъ ихъ, какъ обѣщалъ Господь. Св. Апостолъ Павелъ говоритъ: *Христосъ возлюби церковь и себе предаде за ню.* Итакъ, церковь составляютъ тѣ, за кого Христосъ *предалъ* себя на крестную смерть, кого Онъ искупилъ и стяжалъ своею кровію. А развѣ за благодать Божію Христосъ страдалъ? Развѣ она требовала искупленія отъ наслѣдственнаго Адамова грѣха и искуплена честною кровію Христовою?

Швецовъ говорилъ, что „людямъ приписывать непогрѣшимость, значитъ противорѣчить Христу, вѣщающему: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мат. 9, 13). Но если всѣ вѣрующіе во Христа, которые носятъ на себѣ наименованіе церкви Его, должны сознавать себя грѣшниками, то какимъ же образомъ эта видимая сторона церкви пребудетъ непогрѣшимою?" — спрашивалъ Швецовъ. Я возражалъ ему: несомнѣнно, что Іисусъ Христосъ пришелъ призвать не праведники, но *грѣшники на покаяніе;* Онъ дѣйствительно и призвалъ ихъ, очистилъ отъ грѣховъ своею кровію: *кровь Іисуса Христа, Сына Его* (Божія), *очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха.* Мы были враги Богу по грѣхамъ своимъ, но Христосъ примирилъ насъ съ Богомъ своею смертію: *Въ немъ благоизволи* (Богъ) *всему исполненію вселитися, и тѣмъ примирити всяческая въ себѣ, умиротворивъ кровію креста*

Его, чрезъ него, аще земная, аще ли небесная. И васъ, иногда сущихъ отчужденныхъ и враговъ помышленьми въ дѣлѣхъ лукавыхъ, нынѣ же примири въ тѣлѣ плоти Его смертію Его представити васъ святыхъ и непорочныхъ, и неповинныхъ предъ собою (Кол. 1, 19—22). Здѣсь *святыми* Апостолъ называетъ, очевидно, вѣрующихъ въ Іисуса Христа людей. А о церкви тотъ же Апостолъ пишетъ: *Христосъ возлюби церковь и себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ, да представитъ ю славну церковь, не имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Еф. 5, 25—27). Вотъ здѣсь, говорилъ я Швецову, церковь, то-есть общество вѣрующихъ во Іисуса Христа людей, Апостолъ Павелъ прямо называетъ святою и непорочною. Поэтому называть ее несвятою и порочною, значило бы противорѣчить Апостолу и самому символу вѣры, ежедневно читаемому при богослуженіи, въ коемъ церковь также называется *святою*, въ которую мы и исповѣдуемъ свою вѣру.

Швецовъ даже прямо проповѣдовалъ существованіе какой-то безнародной церкви, утверждая, что якобы исповѣданіе можетъ быть безъ исповѣдающихъ, и вѣра безъ вѣрующихъ людей, и дѣйствіе безъ дѣйствующаго лица. Но противъ этой проповѣди Швецова о возможности существованія безнародной церкви возсталъ даже самый близкій его товарищъ Антонъ Егоровъ, и онъ доказывалъ, что церковь состоитъ изъ народа — изъ пастырей и пасомыхъ, а не есть что-то отдѣльное отъ народа.

Пренія со Швецовымъ мы вели очень осторожно, не подавая вида, что имѣемъ сомнѣніе въ правотѣ самой церкви старообрядческой; но Швецовъ понялъ однако, что служащіе съ нимъ въ канцеляріи Антонія не могутъ быть его помощниками въ разныхъ его измышленіяхъ, направленныхъ въ защиту старообрядчества. Обо мнѣ же съ Леонтіемъ Трофимовымъ прямо донесъ Антонію, что мы хотя и усердно трудимся въ канцеляріи, но сильно

заражены духомъ никоніанства и быть вѣрными защитниками древлеправославной церкви не надежны. Со словъ Швецова Антоній и самъ такъ же отзывался объ насъ нѣкоторымъ близкимъ намъ лицамъ, которыя, разумѣется, и передовали намъ эти его отзывы.

9. Неудовольство нами со стороны Антонія и Швецова. — Новыя лица въ канцеляріи. — И. П. Ломакинъ. — Галкинъ и Девкинъ. — Григорій Ефимовъ. — Сочиненіе Швецова о неправославіи греческой церкви. — Вопросъ о присутствіи благодати въ церкви грекороссійской. — Книжка о томъ, сочиненная Швецовымъ. — Заботы Антонія объ изданіи книги Симеона Солунскаго. — Заведеніе типографіи.

Мы понимали, что Антоній и Швецовъ именуютъ насъ зараженными никоніанскимъ духомъ именно за то, что мы въ ученіи о церкви, іерархіи и седми таинствахъ не слѣдуемъ лжеученію Швецова, а слѣдуемъ ученію старопечатныхъ книгъ, — что согласно ученію сихъ книгъ признаемъ необходимымъ вѣровать въ исполненіе Божіихъ обѣтованій о неодолѣнности церкви, о непрерывномъ въ ней пребываніи богоучрежденнаго епископства и совершенія седми таинствъ; а понимая это, находимъ обязательнымъ для себя повиноваться не Антонію со Швецовымъ, а ученію святоотеческому.

Между тѣмъ Антоній и Швецовъ, недовольные нами, начали подыскивать себѣ людей, болѣе насъ крѣпкихъ въ преданности старообрядчеству, которые могли бы быть помощниками Швецову въ защитѣ раскола, хотя и насъ отъ дѣла не устраняли. Такъ они пригласили для занятій въ канцеляріи Ивана Петровича Ломакина, нынѣ состоящаго православнымъ миссіонеромъ въ Нижегор. губ. Ему Антоній поручилъ прочитать „Баронію" и подыскать здѣсь изъ церковной жизни случаи, которые можно было бы поставить въ оправданіе безъіерархическаго состоянія старообрядцевъ. Но Ломакинъ у Баронія, равно какъ и въ другихъ книгахъ, не только ничего подобнаго не на-

шелъ, а напротивъ. изъ этого чтенія вполнѣ убѣдился, что найти оправданіе своему безъіерархическому состоянію старообрядцы нигдѣ не могутъ, потому что всѣ священныя и отеческія книги единогласно свидѣтельствуютъ о вѣчномъ неодолѣнномъ пребываніи Богомъ созданной церкви съ тремя чинами іерархіи и седмію таинствами. Такимъ образомъ Ломакинъ въ понятіи о церкви вполнѣ сошелся съ нами, а не съ Швецовымъ, что̀ Антонію и Швецову очень не нравилось: они поспѣшили послать Ломакина въ качествѣ старообрядческаго миссіонера въ деревню Елесино, отстоящую отъ Нижняго Новгорода верстахъ въ тридцати. Предъ отправленіемъ туда Ломакинъ познакомился съ покойнымъ отцомъ Павломъ, о чемъ знали только нѣкоторые изъ насъ, но ни Антонію, ни Швецову не было извѣстно. Послѣдствіемъ этого знакомства было то, что вмѣсто защиты раскола, онъ сталъ высказывать въ Елесинѣ свои убѣжденія о непогрѣшимости православной церкви въ догматахъ вѣры и сомнѣнія относительно законности новоучрежденной австрійской іерархіи, чѣмъ и убѣдилъ нѣкоторыхъ нижегородскихъ старообрядцевъ войти въ разсмотрѣніе вопросовъ о церкви и о расколѣ. Слухи о всемъ этомъ, разумѣется, скоро дошли до Антонія и весьма огорчили его. Для удержанія въ расколѣ поколебавшихся отъ проповѣди Ломакина, онъ поспѣшилъ отправить въ Нижегородскую губернію самого Швецова съ Антономъ Егоровымъ. Пріѣхавъ на мѣсто, они сдѣлали собраніе и въ присутствіи значительнаго числа старообрядцевъ имѣли бесѣду съ Ломакинымъ, на которой не въ состояніи были разрѣшить предъявленныхъ имъ сомнѣній относительно раскола и австрійской іерархіи.

Вмѣсто Ломакина Антоній и Швецовъ пригласили въ канцелярію начетчика Павла Галина, изъ Нижегородской же губерніи. Но и онъ, поживъ нѣсколько времени въ канцеляріи Антонія и убѣдившись въ лживости Швецовскихъ доказательствъ, оставилъ расколъ и присоеди-

нился къ православной церкви: въ настоящее время онъ состоитъ единовѣрческимъ священникомъ въ селѣ Пафнутовѣ (Нижегор. губерніи), гдѣ нѣкогда велъ знаменитыя пренія со старообрядцами епископъ Питиримъ.

Тогда, съ соизволенія Антонія, Швецовъ пригласилъ къ себѣ въ помощники начетчика-безпоповца Я. П. Дивилина, разсчитывая, конечно, скоро перевести его въ свое согласіе. И ему Антоній поручилъ читать „Баронію", все съ тою же цѣлію — пріискать историческіе случаи къ оправданію безъіерархическаго пребыванія старообрядцевъ. Дивилинъ трудился надъ этимъ съ полгода, и убѣдившись въ безполезности своего труда, самъ отказался отъ него и вышелъ изъ канцеляріи Антонія, какъ былъ, безпоповцемъ.

Въ газетѣ „Современныя Извѣстія" помѣщались тогда корреспонденціи изъ Гуслицъ, написанныя въ смыслѣ благопріятномъ для старообрядцевъ. Антоній и Швецовъ стали доискиваться автора этихъ корреспонденцій, и узнавъ, что онъ „христіанинъ", изъ гуслицкихъ старообрядцевъ, нѣкій Григорій Ефимовъ, пригласили и его къ себѣ въ канцелярію за хорошее жалованье. Ему Антоній поручилъ составить книжку объ отпаденіи греческой церкви отъ православія съ указаніемъ времени ея паденія. Это легкомысліе Антонія насъ очень удивило. Можно ли, — говорили мы, — давать такое важное порученіе человѣку новому, незнакомому ни съ догматами вѣры, ни съ исторіей церковной, притомъ же очень молодому и сомнительной репутаціи. Не менѣе насъ удивлялся такому порученію и самъ Григорій. А порученіе было дѣйствительно очень важное. О времени паденія восточной церкви Антонія со Швецовымъ часто спрашивали посѣтители. Этимъ вопросомъ ставилъ въ затрудненіе Швецова и вышеномянутый бывшій учитель его Мятелковъ. Паденіе церкви россійской имъ легко было объяснять совершоннымъ при патріархѣ Никонѣ книжнымъ исправленіемъ, — перемѣною двуперстія на троеперстіе и проч.; а тѣмъ же объяснять

и паденіе церкви греческой было нельзя, ибо знали, что въ то время, когда у насъ въ Россіи совершалось исправленіе книгъ и произошелъ расколъ, въ греческой церкви никакого исправленія книгъ и обрядовъ не было и никакого раскола не произошло. Говорить, какъ говорятъ нѣкоторые старообрядцы, что греческая церковь утратила православіе еще за много лѣтъ до патріарха Никона, тоже признавали невозможнымъ въ виду того, что Книга о вѣрѣ и другія, изданныя въ Россіи передъ самымъ патріаршествомъ Никона, при Іосифѣ патріархѣ, свидѣтельствуютъ о неизмѣнномъ храненіи греками православія до самыхъ лѣтъ патріарха Никона, ибо россійская церковь находилась въ общеніи съ греческою. Признать, наконецъ, что греческая церковь, какъ до Никона была, такъ и послѣ Никона осталась православною, тоже не находили возможнымъ, ибо это значило бы признать самихъ себя раскольниками, незаконно отдѣлившимися отъ греческой церкви, не измѣнившей православію, значило бы обвинить себя и въ незаконномъ принятіи Амвросія чрезъ мѵропомазаніе, какъ сущаго еретика. Вотъ какія затрудненія представлялъ вопросъ о греческой церкви, съ которымъ обращались къ Антонію и Швецову многіе посѣтители, и вотъ почему Антоній со Швецовымъ озабочены были этимъ вопросомъ, видѣли нужду составить для рѣшенія его книжку „о паденіи греческой церкви", что́ и поручили сдѣлать Григорію. Тогда еще не было статей Каптерева, Голубинскаго и Бѣлокурова, доказывающихъ, якобы церковь греческая задолго до п. Никона признавалась русскими утратившею православіе. Григорію пришлось самому собирать изъ разныхъ исторій всякую грязь о грекахъ, и онъ работалъ надъ этимъ мѣсяца два; но убѣдившись, что все это не касается исповѣданія вѣры, а свидѣтельствуетъ только о недостаткахъ частныхъ лицъ, изъ-за которыхъ не можетъ лишиться православія вся церковь, бросилъ свой трудъ, какъ безполезный, а занялся составленіемъ корреспонденцій, преимущественно

въ петербургскую газету „Голосъ“, въ коихъ безпощадно разоблачалъ лукавыя дѣйствія Антонія со Швецовымъ и всего Духовнаго Совѣта, для чего, находясь въ канцеляріи Антонія, имѣлъ достаточно матеріала. Швецовъ примѣтилъ это и началъ относиться къ Григорію подозрительно, а вслѣдъ за тѣмъ и Антоній лишилъ его благоволѣнія. Тогда и самъ Григорій ушелъ изъ канцеляріи. Онъ и доселѣ пишетъ въ газетахъ разныя извѣстія о старообрядцахъ, большею частію изъ Гуслицъ. Въ статьяхъ его бываетъ много невѣрнаго. Онъ преслѣдуетъ одну наживу отъ статей, и не держится строго правила говорить только правду.

Послѣ неудачной попытки Григорія написать книжку о паденіи греческой церкви, Швецовъ самъ составилъ объ этомъ тетрадку и напечаталъ на гектографѣ. Въ греческой церкви онъ не указалъ никакихъ отступленій отъ евангельскаго и апостольскаго ученія, или отъ ученія седми вселенскихъ соборовъ, да и указать не могъ: ибо, по свидѣтельству самого учредителя Бѣлокриницкой іерархіи, инока Павла, греки „въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣютъ“. Слабость грековъ въ содержаніи православія онъ доказывалъ только недостатками греческихъ пастырей, — тѣмъ, что патріаршіе престолы они занимали посредствомъ взноса денегъ туркамъ, частымъ смѣщеніемъ съ патріаршихъ каѳедръ и вторичнымъ возвожденіемъ на оныя однихъ и тѣхъ же лицъ, - представлялъ и другія слабости грековъ. Утверждать положительно, что греческая церковь утратила православіе предъ патріаршествомъ Никона, Швецова удерживало свидѣтельство Книги о вѣрѣ, что греческая церковь „ни въ чесомъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ Его учениксъ и св. отецъ преданія и седми вселенскихъ соборовъ Духомъ Святымъ собранныхъ *уставъ не нарушаетъ, не отмѣняетъ, и въ малѣйшей части не отступаетъ, ни прибавливая что,* но яко солнце единакою лучею правды всегда, аще *и въ неволи пребывая,* свѣ-

тится правою вѣрою". Впрочемъ объ этомъ свидѣтельствѣ Книги о вѣрѣ Швецовъ говорилъ, что оно преувеличено и не заслуживаетъ довѣрія. А свидѣтельство той же книги, что Господь положилъ обѣтованіе о всегдашнемъ пребываніи въ церкви православныхъ архіепископовъ и епископовъ, считалъ и вовсе невѣрнымъ, потому что оно прямо изобличаетъ старообрядцевъ, на коихъ это обѣтованіе Господне не сбылось. Въ Книгѣ о вѣрѣ сказано: „Господь, отходя на небеса, не восхотѣ достояніе свое оставити на земли неустроено, но иземъ два сребреника, даде гостинникомъ. Се есть старый и новый завѣтъ. Кому же далъ? Кто гостинницы? Апостоли и по нихъ воспріемницы ихъ, пастыріе и учителіе, архіепископы и епископы, иже служителіе суть величеству смотрѣнія Его, *имже и спребывати даже до скончанія вѣка обѣтованіе сотвори*, и по своему неложному обѣтованію благодатнѣ избираетъ себѣ людей достойныхъ, и поставляетъ и освящаетъ рукоположеніемъ чина духовнаго чрезъ патріархи, архіепископы и епископы". На это свидѣтельство Книги о вѣрѣ часто указывали Швецову сомнящіеся старообрядцы въ доказательство, что архіепископы и епископы, по неложному обѣтованію Господню, должны всегда, непрерывно, существовать въ церкви, и Швецовъ очень затруднялся отвѣчать имъ. Наконецъ, желая ослабить это свидѣтельство, онъ написалъ особую тетрадку, въ которой доказывалъ, что Книга о вѣрѣ якобы составлена односторонне, что въ ней крайне преувеличены похвалы восточному православію, равно какъ придано слишкомъ большое значеніе епископской степени съ цѣлію унизить значеніе, придаваемое латинами римскому папѣ. Но мы находили такой отзывъ о книгѣ, изданной патр. Іосифомъ, неприличнымъ для старообрядцевъ; притомъ же свидѣтельсво сей книги о православной восточной церкви согласно съ сужденіемъ цѣлаго собора русскихъ епископовъ, незадолго до изданія ея засвидѣтельствовавшихъ: „мы *вси* имѣемъ сихъ (восточныхъ патріарховъ) яко *столпы*

благочестія; аще и въ области поганыхъ суть, но святая, якоже рече писаніе, николиже осквернена бываютъ" (Дополн. къ истор. акт. 2, стр. 191). А свидѣтельство о всегдашнемъ пребываніи въ церкви архіепископовъ и епископовъ основано на обѣтованіи Господнемъ, данномъ Апостоламъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. зач. 116), и вполнѣ согласно изложенному въ учительномъ Евангеліи.

Въ то же время, о которомъ говорю, возникъ между старообрядцами споръ по вопросу: присутствуетъ ли благодать Божія въ церкви грекороссійской при совершеніи ею таинствъ? Немногіе изъ сторонниковъ Пафнутія казанскаго утверждали, что въ совершаемыхъ сею церковію таинствахъ благодать Св. Духа присутствуетъ; а сторонники Антонія напротивъ утверждали, что не присуствуетъ. Признать существованіе благодати въ церкви грекороссійской сторонники Пафнутія вызывались тѣмъ обстоятельствомъ, что въ продолженіе почти двухъ столѣтій глаголемая церковь старообрядцевъ окормлялась бѣгствующими отъ сей церкви священниками, которые при переходѣ въ старообрядчество не могли получать благодати на пасеніе словесныхъ овецъ, потому что преподать эту благодать могутъ только епископы, а ихъ-то у старообрядцевъ и не было. Посему, съ отрицаніемъ благодати въ церкви грекороссійской, пришлось бы признать безблагодатными и неправильными всѣ священнодѣйствія прежнихъ бѣгствующихъ іереевъ, а также и все нынѣшнее священство старообрядцевъ, ибо возстановитель нынѣшней раскольнической іерархіи, Амвросій, не получивъ благодати въ греческой церкви, не могъ преподать ее и Кириллу, именуемому митрополиту бѣлокриницкому, а сей послѣдній именуемымъ епископамъ и попамъ: „ничто же бо даетъ не имѣяй, и ничто же пріемлетъ кто отъ неимущаго, аще и мнится имѣти, тѣмъ же и прельщенъ бысть, и вѣруяй быти священникъ, или крещенъ, нѣсть, и погибели сихъ крестивый повиненъ: не можетъ бо человѣкъ имѣти, не

пріемъ отъ Бога. *Кромѣ мене,* рече, *не можете творити ничесо же*" (Номок., л. 57 обор.). Мнѣніе сторонниковъ Пафнутія имѣло, очевидно, основательность и правильность. Но съ своей стороны и Антоній со Швецовымъ справедливо утверждали, что если признать существованіе благодати въ таинствахъ церкви грекороссійской, то необходимо будетъ признать въ ней и сущее тѣло и кровь Христову, святое муро, связаніе и разрѣшеніе грѣховъ и пр., а вмѣстѣ съ этимъ объявить себя раскольниками, неправильно отдѣляющимися отъ благодатной церкви грекороссійской. Поэтому они признали необходимымъ учить, что въ таинствахъ грекороссійской церкви благодать не присутствуетъ, и въ опроверженіе мнѣнія Пафнутія Антоній поручилъ Швецову составить особую книжку о томъ, что всѣ еретики и раздорники, отдѣлившіеся отъ православной церкви, благодати Святаго Духа на совершеніе таинствъ не имѣютъ. Книжку эту Швецовъ составилъ, и намъ приходилось ее переписывать. Но при этомъ у насъ невольно являлись сомнѣнія: если церковь грекороссійская лишена благодати, — разсуждали мы, — то зачѣмъ было старообрядцамъ сманивать изъ нея поповъ, какъ сманивали въ продолженіе 180 лѣтъ, и зачѣмъ сманили наконецъ митрополита Амвросія?

Антоній, какъ я упоминалъ уже, имѣлъ великую охоту и ревность ставить епископовъ и поповъ. Мы были свидѣтелями, какъ онъ упрашивалъ боровскихъ старообрядцевъ принять епископа, котораго и рукоположилъ имъ: это былъ нѣкій Өеодосій, прежде попъ Өеодоръ. Онъ также упросилъ и коломенскихъ старообрядцевъ, чтобы подали просьбу въ Духовный Совѣтъ о поставленіи имъ епископа, и именно Швецова, въ которомъ желалъ имѣть своего будущаго преемника. Но рукоположить Швецова въ епископа коломенскаго Антонію не удалось, такъ какъ однимъ сильнымъ въ старообрядчествѣ лицомъ выражено было рѣшительное нежеланіе, чтобы Швецовъ былъ епископомъ у старообрядцевъ. А поповъ Антоній поставилъ не одну

сотню, и всѣ они, за немногими исключеніями, были изъ гусляковъ. Гусляки же занимаютъ должности уставщиковъ и пѣвцовъ почти во всѣхъ старообрядческихъ молельняхъ обширной Россіи: у казаковъ на Дону и на Уралѣ, и въ дальней Сибири вездѣ попы, уставщики и пѣвцы изъ гусляковъ. Это занятіе обратилось у гусляковъ въ ремесло, — родители съ малолѣтства пріучаютъ дѣтей къ церковному чтенію и пѣнію по крюкамъ въ своихъ общественныхъ молельняхъ, чтобы приготовить ихъ къ этому выгодному ремеслу. О своихъ попахъ Антоній имѣлъ большую заботу, и видя, что они обыкновенно не имѣютъ понятія о значеніи совершаемыхъ ими службъ, равно какъ о священныхъ вещахъ и дѣйствіяхъ, очень желалъ ознакомить ихъ со всѣмъ этимъ. Но вопросъ состоялъ въ томъ: посредствомъ какихъ же книгъ достигнуть этой цѣли? Давать имъ новопечатныя книги, объясняющія церковное богослуженіе и принадлежности богослуженія, было не въ характерѣ Антонія; а старопечатныхъ книгъ такого содержанія не было. Была только въ рукописяхъ книга блаженнаго Симеона Солунскаго, которая и очень нравилась Антонію. Эту большую книгу онъ давалъ нарочитымъ писцамъ переписывать; но переписка становилась очень дорого. Поэтому онъ рѣшился напечатать ее въ подпольной типографіи своего же попа Алексѣя Журавлева. Типографія эта находилась сначала въ одной деревнѣ Смоленской губерніи, на родинѣ Алексѣя; потомъ была переведена въ предмѣстье города Боровска, Калужской губерніи. Для печатанія требовался исправленный оригиналъ книги. Поэтому Антоній вручилъ мнѣ экземпляръ книги блаженнаго Симеона, написанный однимъ изъ его прежнихъ писцовъ, чтобы я провѣрилъ его съ древними списками, у насъ имѣвшимися, и съ печатнымъ изданіемъ, явившимся въ журналѣ „Христіанское Чтеніе“ за 1856—57 г. Исполняя порученіе Антонія, я нашелъ, что во всѣхъ имѣвшихся у меня подъ руками спискахъ, равно какъ и въ печатномъ изданіи,

находится повелѣніе посыпать умершаго пепломъ изъ кадильницы и въ 8-мъ членѣ символа вѣры нѣтъ слова: *истиннаго;* а въ данномъ мнѣ для исправленія экземплярѣ не содержится повелѣнія посыпать умершаго пепломъ, и напротивъ въ символѣ вѣры слово *истиннаго* о Духѣ Святомъ находится, и даже, по примѣру прочихъ реченій символа, сдѣланы были указанія тѣхъ мѣстъ священнаго писанія, въ коихъ Духъ Святый называется Духомъ истиннымъ. Я понялъ, что писецъ, по указанію Антонія, сдѣлалъ и это исключеніе и эту вставку. Объ этомъ я сказалъ Швецову и притомъ замѣтилъ, что не хорошо печатать книгу съ такими искаженіями, а слѣдуетъ исправить противу древнихъ, то-есть вписать повелѣніе о посыпаніи мертваго пепломъ изъ кадильницы и исключить изъ символа вѣры слово *истиннаго.* Швецовъ передалъ мои слова Антонію, а онъ отвѣтилъ: „великороссійская церковь цѣлые соборы выдумываетъ на небывалыхъ еретиковъ Мартиновъ, а намъ, совершенно тово, въ защиту истины и двухъ словъ нельзя выключить и прибавить"! Я спрашивалъ Швецова: ради чего владыка не желаетъ возстановить правильный текстъ книги Симеона Солунскаго для печатнаго изданія? Швецовъ, подумавши, сказалъ мнѣ: „Владыка потому не хочетъ печатать повелѣніе о посыпаніи умершаго пепломъ изъ кадильницы, что наши старообрядческіе предки почитали это ересью и обвиняли за то никоніанъ. Теперь, съ напечатаніемъ сего повелѣнія въ книгѣ блаженнаго Симеона, открылось бы, что наши предки ошибались и напрасно обвиняли никоніанъ. По этой же причинѣ ему тѣмъ паче не желательно выключать изъ символа вѣры слово *истиннаго:* вѣдь тогда читатели поняли бы наше напрасное притязаніе къ грекороссійской церкви за такое важное дѣло, какъ исключеніе сего слова изъ символа вѣры". Я замѣтилъ, что намъ все-таки невозможно скрыть этихъ нежелательныхъ указаній въ книгѣ Симеона Солунскаго. „Положимъ, говорю, мы напечатаемъ тысячу, или двѣ тысячи экземпляровъ

книги; но вѣдь рукописные ея экземпляры и тогда не изъяты будутъ изъ обращенія въ народѣ: любознательные читатели свѣрятъ съ ними напечатанную нами книгу, и безъ сомнѣнія увидятъ сдѣланныя нами исключенія и вставки. Хорошо ли это? Вѣдь книга наша утратитъ свое значеніе! — читатели потеряютъ къ ней довѣріе! Притомъ же простой читатель, защищая слово *истиннаго* въ символѣ вѣры, будетъ ссылаться по нашему изданію на книгу блаженнаго Симеона, тогда какъ блаженный Симеонъ сего слова въ символѣ не написалъ! Развѣ это честно? Мы обвиняемъ писателей господствующей церкви за составленіе невѣдомо кѣмъ небывалаго дѣянія на еретика Мартина; а между тѣмъ сами думаемъ зазнаемо дѣлать подлоги. Такъ поступать нечестно и грѣшно". Швецовъ вполнѣ съ моимъ мнѣніемъ согласился и, къ чести его надобно сказать, совѣтовалъ Антонію не дѣлать исключенія и вставки въ книгѣ блаженнаго Симеона; но Антоній не согласился. Книга была изготовлена къ печати согласно желанію Антонія и передана для набора Журавлеву. Онъ оттиснулъ нѣсколько тетрадей, но потомъ дѣло это какъ-то разстроилось изъ-за возникшихъ у него непріятностей съ Антоніемъ, и книга осталась не напечатанною.

Разстроившись съ Журавлевымъ, содержателемъ подпольной типографіи, Антоній и Швецовъ признали нужнымъ для печатанія книгъ въ защиту раскола завести свою собственную типографію за границей. Главнымъ печатникомъ въ эту типографію они хотѣли назначить меня. Швецовъ говорилъ мнѣ: „Ты знакомъ съ писаніемъ, знаешь отчасти и грамматику: послужи посредствомъ печати для Христовой церкви! За это владыка тебя не оставитъ своими щедротами". Большаго труда стоило мнѣ отбиться отъ этого нежелательнаго порученія, и кое-какъ отбился. Тогда Антоній и Швецовъ назначили вмѣсто меня въ главные управители имѣющей быть за границей типографіи инока Анастасія, родомъ гусляка, — того самаго, что нынѣ

именуется епископомъ Измаильскимъ. У насъ въ канцеляріи Швецовъ немалое время подготовлялъ Анастасія къ занятію печатнымъ дѣломъ, училъ его правиламъ грамматики для держанія корректуры. Потомъ купили въ Москвѣ печатный станокъ и славянскій шрифтъ, снабдили Анастасія деньгами и отправили за границу. Здѣсь онъ и открылъ типографію въ Мануйловскомъ монастырѣ, съ которымъ Антоній предварительно снесся по этому дѣлу. Анастасій завѣдывалъ типографіей не долго. По порученію Антонія имъ было напечатано нѣсколько книжекъ въ защиту раскола, которыя изъ-за границы доставлялись въ Москву; а затѣмъ вскорѣ, неизвѣстно почему, онъ оставилъ это ремесло къ огорченію Антонія. А устроенная на средства Антонія типографія въ Мануйловскомъ монастырѣ осталась, и тамъ Швецовъ напечаталъ впослѣдствіи нѣсколько своихъ большихъ книгъ, какъ-то: „Истинность старообрядствующей іерархіи“, „Оправданіе старообрядствующей Христовой церкви“, „Показанія погрѣшностей грекороссійской церкви противу святаго Евангелія“, „Поморскіе отвѣты“ безпоповцевъ братьевъ Денисовыхъ, и пр.

10. Посѣщенія о. Павла нашими старообрядцами и недовольство этимъ Антонія.— Семенъ Осеичъ.— Бесѣда Швецова съ Поповымъ.— Двѣ бесѣды о. Павла. — Произведенное ими впечатлѣніе. — Мой разговоръ съ о. Павломъ. — Пріобрѣтеніе мнимыхъ мощей Антоніемъ.

Изъ жившихъ въ Москвѣ и у насъ, при канцеляріи, иногородныхъ старообрядцевъ были и такіе, которые пріѣзжали собственно для познанія истины о св. церкви, и потому отъ насъ ходили въ Никольскій единовѣрческій монастырь бесѣдовать о церкви съ настоятелемъ его, о. Павломъ. Таковъ былъ напр. прежде упомянутый мною Дмитрій Иванычъ Харитоновъ: останавливаясь и живя у насъ, онъ ходилъ обыкновенно и къ о. Павлу, у котораго также оставался и пожить. Доказательства, какія получали

у насъ въ защиту старообрядчества, эти посѣтители обыкновенно передавали о. Павлу; а что на нихъ отвѣчалъ о. Павелъ объ этомъ сообщали намъ, и мы очень интересовались его замѣчаніями. Антонію же и Швецову очень не нравилось, что пріѣзжавшіе къ намъ старообрядцы ходили къ о. Павлу, и они всячески удерживали такихъ отъ свиданія съ нимъ. Антоній говорилъ, что о. Павелъ человѣкъ лукавый, бесѣдовать съ нимъ очень опасно, — кто у него побываетъ, тотъ цѣлъ въ вѣрѣ не остается, а какое-нибудь сомнѣніе о нашей старообрядствующей церкви получитъ непремѣнно. И дѣйствительно, случалось нерѣдко, что ходившіе отъ насъ для бесѣды съ о. Павломъ возвращались къ намъ съ явнымъ недовѣріемъ къ справедливости словъ Антонія и Швецова, даже совсѣмъ оставляли расколъ и присоединялись къ православной церкви. Это случилось даже съ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Швецову лицъ, его землякомъ Семеномъ, по фамиліи Осеичъ.

Еще въ юныхъ лѣтахъ, видя строгость жизни наставника нѣтовцевъ, помянутаго выше Василія Ивановича, Осеичъ вмѣстѣ съ Швецовымъ перешелъ изъ православія въ секту нѣтовцевъ бѣлоризцевъ, и оба были самыми любимыми учениками этого наставника. Когда Швецовъ перешелъ изъ секты нѣтовцевъ въ австрійскую, Осеичъ началъ разсуждать о необходимости существованія священства въ церкви Христовой и совершенія таинствъ. Отсутствіе священства и таинства св. причащенія у нѣтовцевъ, поселило въ немъ сомнѣніе относительно нѣтовщины, и для разрѣшенія своихъ сомнѣній онъ нашелъ необходимымъ отправиться въ Москву, побесѣдовать со Швецовымъ и съ самимъ Антоніемъ, котораго Швецовъ хвалилъ ему. Онъ явился къ намъ въ канцелярію и долго жилъ у насъ. Антоній и Швецовъ приняли въ немъ самое живое участіе, — толковали ему о крайнемъ заблужденіи нѣтовцевъ и увѣряли, что истинная церковь есть именно у старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство.

Осеичъ туго поддавался ихъ вліянію; однако, послѣ долгихъ колебаній, заявилъ имъ, что согласенъ перейти въ австрійское согласіе. Антоній съ Швецовымъ очень обрадовались. Антоній пожелалъ самъ совершить надъ нимъ чинъ присоединенія: оно происходило въ домѣ Комарова, на Зацѣпѣ. Такъ какъ Осеичъ былъ состоятельный крестьянинъ и жизни былъ безукоризненной, то Антоній и Швецовъ желали сдѣлать его миссіонеромъ австрійскаго священства на его родинѣ, даже питали надежду при его посредствѣ обратить въ австрійщину и самого наставника нѣтовцевъ, Василія Иваныча. Для этого они снабдили Осеича разными книгами и книжками. Однако намъ со стороны было замѣтно, что Осеичъ хотя и принялъ исправу отъ Антонія, но находится въ какомъ-то смущеніи. Предъ самымъ отъѣздомъ на родину, онъ секретно, не сказавшись никому изъ насъ, посѣтилъ о. Павла, и отъ него принесъ въ канцелярію книгу — собраніе его сочиненій. Увидавъ книгу у Осеича, Швецовъ перепугался и спросилъ его: отъ кого ты пріобрѣлъ эту книгу? Осеичъ прямо отвѣтилъ, что былъ въ единовѣрческомъ монастырѣ у отца Павла, и книга - его подарокъ. Швецовъ съ нескрываемымъ прискорбіемъ сталъ говорить Осеичу, что онъ напрасно ходилъ къ отцу Павлу и принялъ отъ него книгу его сочиненій, что въ ней ничего хорошаго нѣтъ, а содержатся одни несправедливыя нареканія на безвинныхъ старообрядцевъ, что ее не слѣдуетъ читать, а нужно уничтожить. Но Осеичъ, послѣ свиданія съ о. Павломъ, совсѣмъ измѣнился и не только не оказывалъ, какъ прежде, довѣрія Швецову, но и сталъ входить въ прямыя съ нимъ пререканія, дѣлать ему сильныя возраженія, что Швецова очень оскорбляло. Въ досадѣ онъ говорилъ намъ объ отцѣ Павлѣ: въ немъ непремѣнно дѣйствуетъ злой духъ, — глядите, какъ онъ разстроилъ Осеича! Вскорѣ, послѣ этого Осеичъ отправился на родину, а спустя нѣсколько времени Швецовъ получилъ извѣстіе, что онъ уже принялъ православіе

въ существующей во Мстерѣ единовѣрческой церкви, и не только самъ присоединился, но и бывшаго своего наставника въ нѣтовщинѣ Василья Иваныча всячески убѣждаетъ къ тому же, а объ австрійскомъ священствѣ прямо говоритъ, что оно незаконное, ложное священство. Для ослабленія такой проповѣди Осеича, равно какъ и для удержанія Василія Иваныча отъ присоединенія къ православной церкви Швецовъ неоднократно ѣздилъ на родину, и здѣсь предъ Осеичемъ и нѣтовцами защищалъ австрійскую іерархію. Но Василій Иванычъ, поддерживаемый Осеичемъ, отвѣтилъ Швецову: „изъ Писанія видно, что церковь должна существовать съ священствомъ и таинствами; но признать правильнымъ австрійское священство опасаемся, потому что оно не имѣетъ законнаго корня“. Незадолго, предъ смертію, какъ было уже сказано, Василій Иванычъ присоединился къ православной церкви на правилахъ единовѣрія. И Осеичъ умеръ православнымъ лѣтъ восемь тому назадъ. Онъ многихъ нѣтовцевъ удержалъ отъ присоединенія къ австрійской сектѣ; а не будь его, Швецовъ, пожалуй, перевелъ бы ихъ всѣхъ въ австрійщину. Обращеніемъ же своимъ къ православной церкви Осеичъ несомнѣнно обязанъ былъ наставленіямъ отца Павла.

Для меня однимъ изъ главныхъ признаковъ неправоты глаголемой церкви старообрядцевъ поповщинскаго согласія послужило явное противорѣчіе ея проповѣдниковъ въ ученіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ догматовъ, которое мнѣ ясно открылось при перепискѣ книгъ, направленныхъ противъ безпоповцевъ и противъ послѣдователей церкви грекороссійской, равно какъ изъ устныхъ бесѣдъ ихъ съ безпоповцами и съ православными. Когда приходилось австрійцамъ обличать безпоповцевъ и доказывать имъ, что ихъ общество, какъ не имѣющее Богопреданнаго священства, не можетъ именоваться церковію Христовою: тогда они утверждали, что учрежденная Христомъ іерархія должна имѣть вѣчное, непрерывное существова-

ніе, и въ доказательство сего приводили свидѣтельства слова Божія, указывали содержащееся въ немъ ясное, непререкаемое и утвержденное клятвою обѣтованіе о вѣчности и непрерывности священства Христова, также ясныя и рѣшительныя о томъ свидѣтельства изъ ученія св. отцовъ (см. 10 посл. къ безпоп. инока Павла Бѣлокрин. и посл. къ безпоповцамъ же митр. Кирилла Бѣлокриницкаго, напечатанныя въ заграп. типогр.). А когда, на основаніи тѣхъ же самыхъ свидѣтельствъ слова Божія и ученія святыхъ отецъ о вѣчномъ и непрестающемъ существованіи священства въ церкви Христовой, послѣдователи грекороссійской церкви доказывали поповцамъ, что тѣмъ паче эта вѣчность и непрерывность должна принадлежать епископскому чину, какъ первѣйшему, начальному въ іерархіи и получившему обильнѣйшую полноту даровъ Святаго Духа, ибо чрезъ епископство только и можетъ совершаться таинство хиротоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ продолжаться непрерывно и самое существованіе священства: тогда защитники австрійщины утверждали напротивъ, что о вѣчномъ, непрерывномъ существованіи трехчинной іерархіи обѣтованія Господня не положено, что даже всѣ епископы единовременно могутъ уклониться въ неправославіе и церковь можетъ остаться и существовать безъ епископскаго чина (см. отвѣты на 8 вопросовъ). Такимъ образомъ, изъ письменныхъ книгъ и устныхъ бесѣдъ я видѣлъ ясно, что защитники австрійцевъ въ ученіи о вѣчномъ существованіи священства церкви Христовой имѣютъ двойственность и сами себѣ противорѣчатъ, — когда спорятъ съ православными, тогда становятся на сторону безпоповцевъ, а когда обличаютъ сихъ послѣднихъ, тогда становятся на сторону православныхъ.

Это противорѣчіе особенно ясно для меня обнаружилось на состоявшейся въ 1875 году бесѣдѣ Швецова съ безпоповскимъ начетчикомъ Пановымъ въ Москвѣ, въ домѣ Шальнова. Эту бесѣду описалъ потомъ самъ Швецовъ. Ловкій безпоповецъ придумалъ оправдать безпоповщину

и показать несостоятельность поповцевъ словами самого противника своего, Швецова. Въ началѣ бесѣды онъ, ставъ на сторону православныхъ, доказывалъ Швецову, что церковь Христова не можетъ существовать безъ епископа, — приводилъ объ этомъ свидѣтельства святыхъ отцовъ: Игнатія Богоносца, Златоуста, Симеона Солунскаго и проч. А Швецовъ, чтобы защитить поповщинскую церковь, не имѣвшую епископа, утверждалъ напротивъ, что якобы лишеніе епископства не препятствуетъ поповцамъ быть и именоваться церковію Божіею, подобно тому, какъ полку лишеніе полковника не препятствуетъ именоваться полкомъ, или стаду лишеніе пастыря — именоваться стадомъ. Какъ только Швецовъ это высказалъ, Пановъ возразилъ ему: „Вотъ ты самъ и оправдалъ наше безповщинское положеніе, — мы такъ и признаемъ, какъ ты насъ увѣряешь, т.-е. что лишеніе пастырей не препятствуетъ быть и называться церковію Божіею. Вы должны признать это въ силу своихъ собственныхъ словъ". Швецову сдѣлалось неловко, особенно потому, что въ числѣ слушателей находились и православные. Онъ сдѣлалъ крутой поворотъ, и началъ доказывать совершенно противное тому, что̀ говорилъ раньше.

Но особенно сильное впечатлѣніе произвели на меня двѣ бесѣды о. Павла, на которыхъ я присутствовалъ и первый разъ слушалъ его и познакомился съ нимъ.

Въ 1876 году состоялась знаменитая бесѣда его со Швецовымъ въ Москвѣ, въ домѣ В. Я. Жарова. Жаровъ былъ близкій родственникъ достопочтеннаго ревнителя православія Алексѣя Васильевича Смирнова. Онъ принадлежалъ къ австрійскому согласію и былъ извѣстенъ самому Антонію. Такъ какъ родственникъ его, А. В. Смирновъ, оставилъ расколъ подъ вліяніемъ о. Павла, то ему желательно было, чтобы Антоній назначилъ кого-нибудь изъ своихъ начетчиковъ побесѣдовать съ отцомъ Павломъ и доказать ему правоту именно австрійскаго согласія съ его священствомъ. Антоній по-

ручилъ это дѣло, разумѣется, Швецову, котораго считалъ самымъ сильнымъ и искуснымъ защитникомъ раскола. Назначенъ былъ день для бесѣды. Швецовъ тщательно готовился къ ней, — сдѣлалъ нужныя выписки и взялъ съ собой нѣсколько книгъ гражданской печати, а не одной книги церковной печати, патріаршихъ изданій, не взялъ. Мы всѣ очень заняты были предстоящей бесѣдой, и я принялъ на себя обязанность, записывать, что̀ будетъ говорено съ обѣихъ сторонъ. На бесѣду со Швецовымъ отправились мы всѣ, служившіе тогда у Антонія; съ нами пошли еще петербургскій попъ Ѳома и діаконъ Петра Драгунова Григорій Виноградовъ. Когда мы явились въ домъ Жарова, тамъ уже были о. Павелъ, о. Филаретъ, Игнатій Александрычъ Александровъ и многіе другіе изъ православныхъ; и нашихъ старообрядцевъ было довольно. Мы пришли защищать старую вѣру новыми книгами; напротивъ, о. Павелъ привезъ для защиты православія много старопечатныхъ книгъ. На столѣ, за которымъ размѣстились собесѣдники, положено было Евангеліе патріарха Іова. О. Павелъ имѣлъ обычай при всѣхъ своихъ бесѣдахъ полагать предъ лицомъ бесѣдующихъ св. Евангеліе въ показаніе того, что бесѣда должна происходить какъ бы предъ лицомъ самого Христа, и потому съ обѣихъ сторонъ должна быть ведена добросовѣстно, со страхомъ Божіимъ, съ доброю совѣстію. Это былъ очень хорошій обычай, которому должны бы подражать и всѣ бесѣдующіе со старообрядцами. Предлежащее святое Евангеліе всякаго собесѣдника, не совсѣмъ утратившаго совѣсть, сильно удержать отъ лжи и побудить къ признанію истины.

Когда все было приготовлено, домохозяинъ заявилъ, что ему желательно послушать бесѣду о созданной Богомъ церкви, ея іерархіи и таинствахъ. Отецъ Павелъ на основаніи старопечатныхъ книгъ выяснилъ существенныя свойства церкви Христовой и затѣмъ показалъ, что этихъ свойствъ глаголемая церковь старообрядцевъ не

имѣетъ ипотому церковію Христовой называться отнюдь не можетъ. Швецовъ изъ всѣхъ силъ тщился оправдать безъіерархическое состояніе старообрядцевъ, читалъ для этого свои длинныя выписки; а о. Павелъ въ ясныхъ и краткихъ словахъ опровергалъ его, или же говорилъ Швецову: „не то ты читаешь"! „это къ нашему вопросу не принадлежитъ"! И дѣйствительно, Швецовъ читалъ много такого, что̀ совсѣмъ не относилось къ данному вопросу. Сначала я сталъ записывать, кто что̀ говорилъ; но потомъ, увидавъ, что Швецовъ во всемъ остается побѣжденнымъ, прекратилъ свою запись. Очутившись въ крайне неловкомъ положеніи, не въ силахъ будучи рѣшить вопросъ о церкви и іерархіи въ пользу старообрядчества, Швецовъ поспѣшилъ перейти къ вопросу о обрядовыхъ преданіяхъ, сталъ обвинять грекороссійскую церковь за измѣненіе двуперстія на троеперстіе, сугубаго аллилуіа на трегубое. Тутъ мы, присутствовавшіе на бесѣдѣ старообрядцы почувствовали нѣкоторую силу въ словахъ Швецова и ободрились; но отецъ Павелъ очень ясно доказалъ, что и въ древней церкви обрядовыя преданія были различны, были измѣняемы и отлагаемы, но чрезъ все это не нарушалось исповѣданія правой вѣры: „бяху въ древнихъ нѣцыи обычаи, въ церквахъ бываеміи, отъ нихъ же убо временемъ ови забвени быша, иніи отвюдъ престаша, другія же правила отсѣкоша" (11 прав. Лаодик. соб.). И у насъ, — говорилъ онъ, — въ русской церкви, при патріархѣ Филаретѣ совершались въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, чинъ пещнаго дѣйствія и чинъ дѣйства страшнаго суда; но потомъ всѣ эти чины вышли изъ употребленія. Даже и апостольскія преданія, не догматическаго характера, отмѣнялись церковію и измѣнялись, какъ напримѣръ предписанное пятымъ правиломъ святыхъ Апостолъ: „не отпустити жены епископу подъ видомъ благочестія", церковь на шестомъ вселенскомъ соборѣ отмѣнила, постановивъ въ 12-мъ своемъ правилѣ, епископомъ „неотмѣнно отпустити" женъ. И

за такія приложенія и отложенія, измѣненія и отмѣненія обрядовыхъ установленій, даже апостольскаго происхожденія, церковь никѣмъ не была зазираема въ лишеніи православія. Посему старообрядцы дозволили себѣ великую и непростительную дерзость, обвинивъ православную церковь въ лишеніи православія не за измѣненіе догматовъ вѣры, и даже не за отложеніе обряда перстосложенія, а за употребленіе онаго не въ томъ видѣ, какой ими принятъ, но въ томъ, какой искони употребляла церковь восточная, намъ единовѣрная. При этомъ всѣ свои мысли о. Павелъ подтверждалъ доказательствами изъ старопечатныхъ книгъ, тогда какъ Швецовъ свои измышленія тщился подтвердить разными новопечатными книгами. Видя это, даже старушка-старообрядка, мать домохозяина, возвысила голосъ и сказала: „Онисимъ Васильевичъ! по-нашему отецъ Павелъ проповѣдуетъ новую вѣру, а защищаетъ ее старыми книгами; ты же пришелъ сюда защищать старую вѣру, а защищаешь ее новыми книгами! Новыхъ-то, гражданской печати, книгъ, которыми ты защищаешь нашу вѣру, нашъ покойный родитель и въ дому боялся имѣть“! Эти простыя слова старушки вызвали у всѣхъ присутствовавшихъ улыбку; а Швецову сдѣлалось отъ нихъ очень совѣстно, — онъ даже поспѣшилъ прекратить бесѣду, сказавъ: „полно, наговорились“! Съ бесѣды онъ вышелъ опечаленный. Тутъ дьяконъ Григорій сказалъ ему: „Павелъ просилъ тебя указать ересь въ церкви великороссійской, а ты замялся, не отвѣтилъ ему. Да сказалъ бы, что попы церковные безъ зазора табакъ курятъ! — какой еще больше ереси“! Этотъ Григорій былъ впослѣдствіи попомъ и служилъ въ моленной Шибаева, — онъ близокъ былъ къ церкви православной, что сказалось и въ его насмѣшливомъ замѣчаніи Швецову, но не имѣлъ твердости духа оставить расколъ и умеръ въ немъ лѣтъ семь тому назадъ. Узнавъ о неудачной бесѣдѣ Швецова съ о. Павломъ, Антоній упрекнулъ его, что не такъ велъ бесѣду: „Ты бы,

совершенно тово, держался на клятвахъ собора 1667 года! Тогда хозяева увидали бы, что Павелъ самъ находится подъ клятвой своей церкви, и не стали бы его слушать". А мы подумали, слыша этотъ отзывъ Антонія: „Легко тебѣ расуждать! а попробовалъ бы самъ побесѣдовать съ о. Павломъ: посмотрѣли бы мы, какъ бы удержался на однѣхъ клятвахъ?! Да вѣдь тутъ и св. Евангеліе лежало: лукавствовать-то грѣхъ"! Чтобы удержать семейство Жарова въ расколѣ, Антоній хотѣлъ составить еще бесѣду съ о. Павломъ и послать вмѣсто Швецова другого своего близкаго дѣятеля, Антона Егорова, который именно любитъ говорить о клятвахъ; но потомъ раздумалъ, опасаясь, что онъ еще хуже Швецова уронитъ старообрядчество въ глазахъ слушателей.

Вскорѣ потомъ узнали мы, что по желанію Алексѣя Васильевича Смирнова, будетъ происходить у него, въ деревнѣ Ликинѣ (Владимір. губ.), бесѣда между о. Павломъ и извѣстнымъ безпоповскимъ наставникомъ Иваномъ Зыковымъ. Антоній и всѣ мы очень также интересовались этой бесѣдой. Мнѣ съ Антономъ Егоровымъ даже поручено было отправиться въ Ликино — описать эту бесѣду и, если представится возможность, поговорить въ защиту старообрядцевъ пріемлющихъ австрійское священство. О. Павелъ поѣхалъ въ Ликино съ Игнатіемъ Александрычемъ, и намъ пришлось ѣхать съ ними въ одномъ вагонѣ. Тутъ мнѣ первый разъ удалось побесѣдовать съ отцомъ Павломъ. Говорили мы всю дорогу о разныхъ церковныхъ предметахъ, изъ-за которыхъ старообрядцы отдѣляются отъ православной церкви. Между прочимъ онъ спросилъ меня: „когда вашъ Антоній служитъ и на херувимской пѣсни выходитъ съ неосвященными еще дарами, какой поклонъ старообрядцы кладутъ?" Я отвѣтилъ: земной. Онъ еще спросилъ: „а когда выходитъ съ чашею тѣла и крови Господни и говоритъ: „со страхомъ Божіимъ",— какой вы кладете поклонъ?" Я отвѣтилъ: поясной. Тогда онъ сказалъ: „Если даже приготовительному къ таинству хлѣбу воздается

земное поклоненіе, то не паче ли должно воздавать земное поклоненіе самому тѣлу и крови Христовой?“ Эти слова, такъ ясно показывающія, что старообрядцы поступаютъ несправедливо, не воздавая земнаго поклоненія св. дарамъ, съ тѣхъ поръ запечатлѣлись въ моей памяти. На станціи „Дрезна“ мы вышли изъ вагона: о. Павелъ поѣхалъ въ деревню Ликино къ А. В. Смирнову, а мы въ смежную деревню Кабаново къ Ивану Зыкову. Зыковъ принялъ насъ очень хорошо. У него въ домѣ находится моленная, гдѣ совершаютъ богослуженіе безпоповцы его согласія. За ихъ службой присутствовали и мы, а въ молитвѣ не участвовали. Послѣдователи Зыкова употребляютъ нарѣчное пѣніе, а не хомовое, какъ ѳедосѣевцы. День былъ воскресный; народу въ моленной Зыкова было много. Еще до службы Зыковъ получилъ отъ отца Павла приглашеніе явиться на бесѣду. По окончаніи часовъ, онъ объ этомъ объяснилъ народу, и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ отвѣтили: „помоги тебѣ Богъ устранить всѣ нападки на насъ, безвинныхъ старообрядцевъ“. Собравши нужныя для бесѣды книги, Зыковъ въ сопровожденіи огромнѣйшей толпы народа отправился въ Ликино. Съ нимъ пошли и мы. Въ Ликинѣ насъ ожидала еще бо́льшая толпа народа. Такъ какъ не имѣлось достаточно обширнаго зданія, въ которомъ могъ бы помѣститься весь собравшійся народъ, то бесѣда была открыта въ саду. О. Павелъ, взявъ въ руководство изложенное въ Великомъ Катихизисѣ ученіе о церкви, доказалъ, что въ церкви должны быть седмь таинствъ, установленныхъ Господомъ для нашего спасенія, и „кто не употребляетъ ихъ, но пренебрегаетъ, тотъ безъ нихъ, яко безъ извѣстныхъ посредствъ, онаго крайняго блаженства сподобитися не можетъ“. Затѣмъ обращаясь къ Зыкову, спросилъ: „Сіи отъ Христа данныя намъ на полученіе блаженства средства всѣ ли нужны во святой церкви и необходимы ли для нашего спасенія, или нынѣ уже не нужны? И то общество, къ коему Зыковъ принадлежитъ и кое называетъ

церковію, имѣетъ ли у себя сія, Христомъ преданныя на спасеніе наше, средства, или находитъ возможнымъ и безъ нихъ спасаться? И чѣмъ именно спасается оно безъ сихъ данныхъ отъ Христа средствъ ко спасенію?“ Вопросомъ о. Павла Зыковъ былъ такъ озадаченъ, что голосъ у него измѣнился и руки затряслись. Ясно было, что ему совѣстно за себя и за своихъ послѣдователей при такомъ ясномъ указаніи, что они находятся безъ уставленныхъ отъ Христа средствъ ко спасенію. И какъ было не смутиться? Что̀ могъ онъ сказать? Если сказать, что общество безпоповцевъ имѣетъ отъ Христа преданныя на спасеніе наше средства, т.-е. таинства, то нужно будетъ доказать, какъ и кѣмъ они совершаются у безпоповцевъ, — а доказать невозможно; сказать же, что святыхъ таинствъ безпоповцы не содержатъ и не имѣютъ, значило бы сознаться предъ всѣмъ множествомъ народа, что они не имѣютъ данныхъ отъ Христа на спасеніе наше средствъ, а потому не могутъ имѣть и надежды на спасеніе. Понимая свое безвыходное положеніе, Зыковъ, подобно нашему Онисиму Швецову, всѣми силами старался уклониться отъ предложеннаго о. Павломъ вопроса и наговорилъ много, совсѣмъ къ вопросу не относящагося. Между прочимъ онъ говорилъ: „Каждый человѣкъ, желающій получить животъ вѣчный, долженъ непремѣнно отсѣкать соблазнительные уды и обуялую соль изсыпать, по предписанію Евангелія, и чрезъ это можетъ получить животъ вѣчный. Мы сему Евангеліемъ предписанному средству и послѣдуемъ, отвергнувъ пастырей церкви грекороссійской, которые сдѣлались солію обуялою и удами собзнительными“. На это о. Павелъ отвѣтилъ Зыкову, что отсѣченіе соблазнительныхъ удовъ, и именно своихъ собственныхъ удовъ, есть только средство къ сохраненію насъ отъ лишенія необходимой ко спасенію благодати данной намъ чрезъ таинства, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и самыя словеса Христа Спасителя: *аще соблажняетъ тя рука твоя, отсѣцы ю: добрѣе ти*

есть бѣднику въ животъ внити, неже обѣ руцѣ имущу внити въ геену (Матѳ. зач. 42). Слова: *добрѣе ти есть бѣднику въ животъ внити,* означаютъ, что отсѣченное погибаетъ, а оставшееся сохраняется отъ погибели, т.-е. не умираетъ, подобно отсѣченному, но имѣетъ животъ: животъ же подается чрезъ таинства при соблюденіи заповѣдей: *ядый мою плоть и піяй мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан. зач. 23). А чтобы самое отсѣченіе соблазнительныхъ удовъ подавало животъ, сподобляло благодати, о томъ нигдѣ въ словѣ Божіемъ свидѣтельства не обрѣтается,—нигдѣ не говорится: отсѣцы соблазнительную руку и сподобишся спасенія, отсѣцы ногу и получишь духовную благодать. Указалъ о. Павелъ и на то, что отсѣченія соблазнительныхъ удовъ церкви безпоповцы не могутъ и употреблять, ибо власть на сіе Господь далъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ епископамъ, а не каждому не простымъ людямъ. Только святая церковь, всему Евангелію вѣрующая, богоучрежденныя таинства содержащая и имѣющая священноначаліе, преемственно отъ Апостоловъ идущее,—только она можетъ примѣнять въ дѣйствительности сіи слова Спасителя о изсыпаніи обуявшей соли и отсѣченіи соблазнительныхъ удовъ; а безпоповцы, не имѣя уставленнаго отъ Бога священноначалія и не составляя церкви, несправедливо присвояютъ себѣ право отсѣкать соблазнительные уды и изсыпать обуявшую соль. Эту бесѣду я тутъ же за столомъ записалъ для представленія пославшему меня Антонію. Бесѣда продлилась до самой темной ночи. Здѣсь, у гостепріимнаго хозяина, я съ своимъ спутникомъ и ночевалъ. Поутру спутникъ мой Антонъ Егоровъ, по приглашенію старообрядцевъ, отправился въ деревню Губино, а я долженъ былъ возвратиться въ Москву. Ожидая поѣздъ на станціи Дрезна, я встрѣтилъ здѣсь о. Павла, и онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ: „вотъ теперь ты одинъ; одного-то тебя я и одолѣю"! Дѣйствительно, онъ меня одолѣлъ тутъ своею задушевною бесѣдою и подвинулъ сдѣлать рѣшительный шагъ отъ ра-

скола къ православной церкви. Разговоръ начали мы о бывшей наканунѣ бесѣдѣ. Я сказалъ, что Зыковъ недобросовѣстно велъ себя, когда отказался прямо отвѣчать на поставленный ему вопросъ о необходимости таинствъ для спасенія, а всячески уклонялся отъ вопроса. Отецъ Павелъ на это мнѣ отвѣтилъ: „Другъ мой! Защитнику безпоповцевъ на этотъ вопросъ нельзя дать прямаго отвѣта: за неимѣніемъ таинствъ онъ по необходимости долженъ уклоняться въ сторону отъ правильнаго разрѣшенія его,иначе обнаружилась бы несостоятельность защищаемаго имъ безпоповства. Но вѣдь и ваши проповѣдники допускають такую недобросовѣстность въ вопросѣ объ іерархіи и таинствахъ, и тоже по необходимости, ибо иначе обнаружилась бы несостоятельность и вашего общества поповцевъ. Въ доказательство того, что поповцы всегда имѣли священство они указывають на существованіе у нихъ бѣгствующихъ отъ церкви іереевъ; а того не хотятъ понять, что священство есть не лицо имѣющее священный санъ, а есть тайна церковная, совершаемая исключительно епископомъ, чрезъ котораго и дается благодать священства: „вещь“ сего таинства, какъ объясняется въ Маломъ Катихизисѣ, есть возложеніе рукъ епископскихъ на главѣ пріемлющаго священство, совершеніе же — „учиненная тому молитва, юже епископъ единою съ возложеніемъ рукъ надъ главою освящающагося глаголетъ, еже есть: божественная благодать“ и проч. Въ вашемъ обществѣ поповцевъ вѣчнаго, непрерывнаго священства, заключающагося въ преподаваніи хиротоніи, не было: значитъ и благодати священства въ немъ не было и нѣтъ. Если бы даръ благодати священства оно имѣло, то и поставляло бы внутри себя священныхъ лицъ, а не обращалось бы за священниками къ иной, чуждой ему церкви. Между тѣмъ защитники вашего общества натягательно увѣряютъ, что якобы благодати священства оно не лишалось. Справедливо ли это? Въ истинной церкви Божіей выну пребываетъ Духъ Святый; она живетъ самостоятельною жизнію

и не имѣетъ нужды въ еретикахъ. А ваше общество не могло жить своею самостоятельною жизнію, имѣло нужду въ еретикахъ, и безъ еретиковъ жить и существовать не могло. Если допустить возможнымъ, какъ допускаютъ защитники вашего общества, чтобы истинная церковь продолжала свое существованіе посредствомъ принятія еретическаго священства, то выходило бы нѣчто странное, — выходило бы, что будто Господь оставилъ свою церковь, и свою благодать передалъ въ общество еретиковъ, — что Онъ уже не есть глава церкви и спаситель своего тѣла, но спасеніе церковь должна получать отъ еретиковъ, или чрезъ посредство еретиковъ. Но не есть ли это крайнее нечестіе“? Съ этими доводами о. Павла я вполнѣ согласился, и не могъ не согласиться, видя совершенную ихъ справедливость. Замѣтивъ это, о. Павелъ сказалъ мнѣ: „Я раньше слышалъ, а теперь и самъ вижу, что ты человѣкъ разумный и правильно понимаешь о святой церкви. Это далъ тебѣ Богъ, и ты великій грѣхъ примешь на душу, если этимъ даромъ Божіимъ пренебрежешь. Ты человѣкъ молодой, могъ бы послужить съ пользою для церкви православной, и тебя за это Господь не оставилъ бы своими щедротами“. Такими и подобными словами о. Павелъ сильно тронулъ меня; объ нихъ и теперь я часто вспоминаю.

Возвратившись въ Москву, я немедленно явился къ Антонію съ отчетомъ о своей поѣздкѣ и описаніемъ бесѣды между о. Павломъ и Зыковымъ. Антоній пожелалъ прослушать мое описаніе, и выслушавъ, съ замѣтною неудовольствіемъ, сказалъ: „Видно, что разговоръ велся больше о таинствахъ, да о церкви. Ивану Иванычу нужно бы не о томъ говорить, а о клятвахъ! А вамъ бы слѣдовало пособить ему въ этомъ и показать народу отъ изданныхъ Синодомъ книгъ, что самъ Павелъ за употребленіе отверженныхъ Синодомъ церковныхъ преданій находится подъ клятвой у него, и что ему слѣдуетъ сперва освободиться изъ подъ оныхъ клятвъ, да тогда уже и поучать старо-

обрядцевъ о церкви". На это я замѣтилъ Антонію, что о клятвахъ и порицаніяхъ полемическихъ книгъ на древлецерковныя преданія Зыковъ говорилъ довольно, и наша помощь была бы ему излишнею, такъ какъ и мы ничего болѣе сказаннаго имъ сказать не могли бы; да къ тому же у отца Павла съ Зыковымъ было заключено условіе, чтобы никто изъ постороннихъ лицъ въ бесѣду ихъ не вмѣшивался.

Въ томъ же 1876 году прошелъ слухъ, что на Кавказѣ въ какой-то пещерѣ нашими „христіанами" то есть старообрядцами, обрѣтены мощи св. мучениковъ; а затѣмъ и самъ Швецовъ передалъ намъ, что владыка Антоній получилъ съ Кавказа отъ попа Стефана Загороднова извѣстіе, что тамъ обрѣтены мощи именно святыхъ мучениковъ: Гаведдая, Каздои, Дады и Гаргала, пострадавшихъ въ Персіи въ половинѣ IV-го столѣтія, то есть полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, и что помянутый Загородновъ обѣщался эти мощи привезти въ Москву ко владыкѣ. Дѣйствительно, Загородновъ въ этомъ году пріѣзжалъ не разъ въ Москву къ Антонію и, какъ тогда носился у насъ слухъ, каждый разъ привозилъ мощи. Онъ живалъ у насъ въ канцеляріи недѣли по двѣ и болѣе, и велъ нетрезвую жизнь. О мощахъ онъ ничего не говорилъ намъ, а только хвалился полученными отъ Антонія подарками.

11. И. А. Александровъ и И. Ѳ. Андреевъ. — Попытка Антонія разсѣять мои сомнѣнія относительно раскола. — Наши бесѣды съ безпоповцами — Мои размышленія о причинахъ отдѣленія старообрядцевъ отъ православной церкви. — Случай, способствовавшій моему рѣшенію оставить расколъ.

Между тѣмъ я вошелъ въ близкія сношенія съ членомъ совѣта Братства св. Петра, Игнатіемъ Александровичемъ Александровымъ, который тогда ходилъ къ намъ, въ Антоніеву канцелярію. Его благопривѣтливость и разумное, безпристрастное сужденіе о занимавшихъ меня религіозныхъ предметахъ невольно привлекали меня къ общенію съ нимъ, и много у насъ происходило откровенныхъ бесѣдъ. Въ своемъ же обществѣ я зналъ только

одного человѣка, съ которымъ можно было душевно поговорить о существующемъ у насъ недостаткѣ: это былъ крестьянинъ подмосковной деревни Новинокъ Иванъ Ѳедорычъ Андреевъ,—человѣкъ умный и религіозный. Онъ часто ходилъ къ намъ и обыкновенно обращался къ Швецову за разъясненіемъ своихъ недоумѣній и сомнѣній относительно правоты старообрядческой именуемой церкви. Когда при встрѣчѣ мы, по обычаю, спрашивали его о здоровьѣ, онъ большею частію отвѣчалъ: „Тѣломъ-то я здоровъ, да душою очень болѣю. Писаніе святыхъ отецъ свидѣтельствуетъ, что безъ епископа не можетъ быть истинной церкви; а въ нашей церкви его не было: значитъ, состояніе нашей церкви не согласуетъ Писанію. А безъ истинной церкви нѣтъ спасенія и разрѣшенія грѣховъ. Вотъ объ этомъ-то я и скорблю душевно, а васъ прошу успокоить меня Писаніемъ“. Швецовъ возмется бывало его врачевать своими отвлеченными разглагольствіями; но его широкія и пространныя разглагольствія нисколько не разрѣшали сущности занимавшихъ Ивана Ѳедорыча вопросовъ, напротивъ только обличали безсиліе Швецова оправдать глаголемую церковь старообрядцевъ. Послѣ такихъ его бесѣдъ мы, оставшись съ Иваномъ Ѳедорычемъ наединѣ, обсуждали толкованія Швецова, напоминали другъ другу, какъ онъ хитро уклонялся отъ разрѣшенія прямыхъ вопросовъ о составѣ церкви, не имѣя возможности прямо отвѣчать на нихъ. А Швецовъ въ свою очередь жаловался намъ на Ивана Ѳедорыча за то, что не усвоетъ его лжетолкованій: „кажись, человѣкъ хорошій, — говорилъ онъ про И. Ѳ. Андреева, — а поди ты! — не дается ему правильное разумѣніе Писанія!“ Мы, напротивъ, говорили между собой, что не дается правильное разумѣніе Писасанія не Андрееву, а самому Швецову съ Антоніемъ...

Однажды я прихожу къ Антонію въ домъ Свѣшникова. Онъ, раскрывая старопечатный Потребникъ, сказалъ мнѣ: „На-ка, Егоръ, прочитай это мѣсто въ Потребникѣ“. Я

сталъ читать: „Внегда хотятъ приводими бывати къ православной вѣрѣ, предваривъ убо, подобаетъ сотворити того оглашенника, оглашена молитвою и дѣйствомъ презвитерскимъ. Первѣе повелитъ тѣмъ архіерей, или іерей преклоняти колѣна предъ дверьми церковными и знаменуетъ приходящаго трижды". Еще велѣлъ прочесть въ чинопріятіи отъ ересей втораго чина, точію муромъ помазуемыхъ: „попъ, преклонивъ главу приходящаго, творитъ молитву". Когда я прочиталъ, тогда Антоній сказалъ мнѣ: „Видишь, какъ архіерей, такъ и іерей равную имѣютъ власть на принятіе приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ въ сущемъ ихъ санѣ. Отъ лѣтъ патріарха Никона до митрополита Амвросія существовавшіе въ нашей древлеправославной церкви іереи согласно старопечатному Потребнику и поступали, принимая приходящихъ отъ никоніанъ священныхъ лицъ въ сущемъ ихъ санѣ. На это есть много другихъ свидѣтельствъ. Посему, въ правильности нашего священства ни у кого не должно быть никакого сомнѣнія". Я сразу понялъ, что Антоній повелъ объ этомъ рѣчь, имѣя въ виду разсѣять мои сомнѣнія въ правильности священства старообрядцевъ. Я хотѣлъ ему возразить, что іерей „безъ повелѣнія своего епископа ничего творить не можетъ" (по 39 прав. св. Апостолъ), и что признавать дозволительнымъ іереямъ, да еще отбѣгшимъ отъ своего епископа, принимать отъ ереси приходящихъ іереевъ и возстановлять ихъ въ санахъ, назначать имъ паствы, какъ это было у старообрядцевъ, значило бы ниспровергать и развращать весь чинъ іерархическій и „бороться съ великимъ архіереемъ Христомъ" (Кормч., л. 30); но на это у меня не хватило духа. Я только поскорбѣлъ внутренно за Антонія, что, нося такой высокій санъ — архіепископа московскаго, не имѣетъ надлежащаго понятія о іерархической подчиненности священныхъ лицъ, что основаніемъ къ продолженію существованія въ церкви священства полагаетъ не таинство рукоположенія, совершаемое архіереемъ, какъ установ-

влено Христомъ, а случайное пріятіе іереями приходящихъ отъ ереси священныхъ лицъ.

Канцелярію Антонія посѣщали тогда и наставники разныхъ безпоповщинскихъ сектъ: дѣдушка Аввакумъ и слѣпецъ Стефанъ изъ деревни Жолнино Нижегор. губ., учители секты нѣтовцевъ; Авдѣй Семеновъ и слѣпецъ Любушкинъ, наставники московскихъ брачныхъ безпоповцевъ. Съ ними разумѣется, происходили у насъ пренія. Мы обыкновенно поставляли имъ на видъ лишеніе ими священства и полноты таинствъ; а они въ свою очередь въ этомъ же самомъ обличали насъ, — говорили, что съ лишеніемъ епископа и само общество поповцевъ было лишено законнаго священства и не имѣетъ его. Авдѣй Семеновъ, любимецъ Елисея Савича Морозова, утверждалъ, что общество безпоповцевъ, къ которому онъ принадлежалъ, якобы находится не безъ іерархіи, что ихъ іерархъ святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, который, по писанію, еще не вкусилъ общія человѣческія смерти, а подобно пророкамъ Еноху и Иліи пребываетъ живъ и имать пріити на концѣ міра во изобличеніе антихриста. „Вотъ, — говорилъ Авдѣй Семенычъ, — когда сей святый Апостолъ пріидетъ, тогда намъ и рукоположитъ епископа; а за епископомъ обращаться къ еретикамъ, какъ обращалось ваше общество поповцевъ, противно Писанію". Меня очень смущала эта междоусобная розвь старообрядцевъ. Вижу, — всѣ они основываются на однихъ и тѣхъ же старопечатныхъ книгахъ, имѣющихъ одно ученіе, одну вѣру, а не многія, — ведущихъ къ соединенію, а не къ раздѣленію; между тѣмъ учатъ различно: безпоповцы поповцевъ, а поповцы безпоповцевъ обличаютъ въ несостоятельности; окружники неокружниковъ, а неокружники окружниковъ обвиняютъ въ еретичествѣ; бѣглопоповцы окружниковъ и неокружниковъ считаютъ еретиками и существующія у нихъ духовныя лица именуютъ самозванцами, не имущими священнаго сана, а окружники и неокружники подлагаютъ безпоповцевъ подъ клятвы

святыхъ отецъ. Я чувствовалъ, что всѣ вообще старообрядцы находятся на неправомъ пути, блуждаютъ во тмѣ и сѣни смертнѣй, а никто изъ нихъ не хочетъ смириться, все продолжаютъ обвинять другъ друга въ еретичествахъ и предавать другъ друга анаѳемамъ; напротивъ, церковь грекороссійская мнѣ представлялась правою, не только потому, что въ ней сохранилась другопреемственно отъ Христа и св. Апостолъ идущая іерархія и полнота седми богоуставленныхъ таинствъ, но и потому, что между членами ея нѣтъ той розни, какая господствуетъ въ старообрядчествѣ. Я видѣлъ, что непреложное обѣтованіе Господне: *созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей,* надъ нею исполняется, ибо она доселѣ пребываетъ неодолѣнною; а надъ обществомъ старообрядцевъ, даже поповцевъ, это обѣтованіе Господне не исполнилось, ибо оно лишилось полноты іерархіи и полноты Богомъ установленныхъ таинствъ, лишилось чина епископскаго, а слѣдственно и таинства хиротоніи, поставленія пастырей церкви, всѣхъ законно совершаемыхъ ими таинствъ: значитъ, подверглось одолѣнію отъ адовыхъ вратъ и, значитъ, къ ней обѣтованіе Господне не относится, ибо не исполниться оно не можетъ, по слову Исаіи пророка: *якоже бо аще снидетъ дождь, или снѣгъ съ небесе, и не возвратится оттуду, дондеже упоитъ землю, и родитъ, и прозябнетъ, и дастъ сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь: тако будетъ глаголъ мой, иже аще изыдетъ изъ устъ моихъ, не обратится ко мнѣ тощъ, дондеже аще скончаетъ вся елика восхотѣхъ* (Исаіи гл. 55); и по слову Апостола Павла: *Богъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо себе не можетъ* (2 Тим. зач. 293); *обѣтованія Божія суть ей и аминь* (2 Кор. зач. 169). А если — разсуждалъ я, — обѣтованіе Божіе о церкви можетъ не исполниться, какъ говорятъ защитники раскола, то значитъ, не исполниться можетъ и все возвѣщенное и обѣщанное Богомъ, — значитъ, суетна вѣра наша, о чемъ и помыслишь страшно.

Разсуждалъ я и о томъ, что старообрядцы въ основаніе отдѣленія своего отъ церкви полагаютъ новшества, якобы внесенныя патріархомъ Никономъ въ русскую церковь, какъ-то: троеперстное сложеніе руки для крестнаго знаменія, троеніе аллилуіи, произношеніе имени Спасителя *Іисусъ*, и проч. Но развѣ это основательная причина для отдѣленія? Я видѣлъ изъ книгъ, что всѣ эти мнимыя новшества существовали въ православной церкви ранѣе патріарха Никона, въ чемъ признаются и сами именуемые пастыри старообрядцевъ въ своемъ Окружномъ Посланіи. А если они существовали и раньше патріарха Никона, то, значитъ, не суть и новшества, не могутъ быть признаваемы и законною причиною отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви. Напротивъ, они служатъ прямымъ обличеніемъ незаконности ихъ отдѣленія, такъ какъ изъ-за обрядовыхъ преданій, тѣмъ паче изъ-за такихъ, которыя и прежде существовали, никто отъ церкви православной не отдѣлялся и не долженъ отдѣляться. Отдѣлившись отъ церкви именно изъ-за обрядовыхъ преданій, старообрядцы совершили грѣхъ церковнаго раскола. Если бы и дѣйствительно преданія обрядовыя, введенныя патріархомъ Никономъ, были новыя по сравненію съ отмѣненными имъ, и въ такомъ случаѣ изъ-за нихъ отдѣляться отъ церкви старообрядцы не имѣли законнаго основанія, ибо въ древности бывало, что многія изъ существовавшихъ обрядовыхъ преданій были оставляемы и замѣняемы новыми, и чрезъ это церковь не теряла православіе: „бяху въ древнихъ вѣщіи обычаи, въ церквахъ бываеміи, отъ нихже убо временемъ ови забвени быша, иніи отнюдь престаша, другія же правила отсѣкоша“ (Толк. на 11 и 19 прав. Лаод. соб.).

И о клятвахъ, произнесенныхъ соборомъ 1667 года началъ я разсуждать безпристрастно. Старообрядцы съ особенною настойчивостью выставляютъ ихъ въ обвиненіе церкви и въ оправданіе своего отдѣленія отъ нея. Но изъ разсмотрѣнія соборныхъ дѣяній я убѣдился, что

клятвы положены соборомъ на преслушниковъ его, хулящихъ церковь за отмѣну двуперстія, сугубой аллилуіи и пр.; а на преслушниковъ соборныхъ постановленій и въ древности произносились клятвы. Такъ Гангрскій соборъ каждое изъ своихъ постановленій оградилъ клятвою. И столь уважаемый старообрядцами стоглавый соборъ на преслушающихъ его постановленія тоже произнесъ клятву, и почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ, въ коихъ она выражена и отцами соборовъ 1666 и 1667 годовъ, именно заимствовавъ ее изъ „заповѣди благочестиваго царя Мануила Комнина греческаго на обидящихъ святыя церкви": „аще убо кто восхощетъ пріобидѣти церкви Божія, сказано въ Стоглавѣ, первіе же Святыя Тройцы свѣта и милости, егда предстанемъ страшному судищу, да не узритъ, и да отпадетъ отъ христіаньскіа части, якоже Іюда отъ дванадесятнаго числа апостольскаго, къ сему же и клятву да пріиметъ иже отъ вѣка усопшихъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ и богоносныхъ отецъ" (гл. 61). Однакоже не только отцовъ Гангрскаго собора, но и отцовъ собора Стоглаваго за произнесеніе клятвъ старообрядцы нимало не осуждаютъ; а отцовъ собора 1667 года за клятву, совершенно подобную произнесенной Стоглавымъ соборомъ, признаютъ чуждыми православія и клятву ихъ именуютъ „отъ вѣка неслыханною". Что церковь, сохранившая правое исповѣданіе вѣры за произнесеніе клятвъ на преслушающихъ ее, хотя бы въ распоряженіяхъ, касающихся обрядовыхъ предметовъ, не можетъ лишиться присущей ей благости, стать еретическою и тѣмъ дать кому-либо право отъ нея отдѣляться, это я видѣлъ уже ясно изъ примѣровъ исторіи древней церкви. Благочестивый папа Викторъ, во второмъ вѣкѣ, положилъ соборнѣ проклятіе на малоазійскія церкви за содержаніе преданнаго даже св. Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ обычая праздновать пасху въ 14 день луны; но чрезъ это папу Виктора не только не призналъ никто лишившимся православія, а напротивъ всѣ почитали

за православнаго папу, ни въ чемъ не измѣнившаго чистоту вѣры, равно какъ таковою признавалась и подчиненная ему римская церковь.

Тогда я совсѣмъ потерялъ довѣріе и къ сочиненіямъ Верховскаго, направленнымъ въ защиту раскола, которыя сначала казались мнѣ такъ справедливыми и которыя съ такимъ удовольствіемъ читалъ я прежде. При болѣе внимательномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи я нашелъ въ нихъ явныя противорѣчія. Въ нихъ утверждается, что церковь Христова ни на одинъ день не можетъ остаться безъ епископа, и въ то же время мнимая церковь старообрядцевъ, находившаяся безъ епископа не день, а 180 лѣтъ, именуется продолжательницею древлеправославной россійской церкви, существовавшей до патріарха Никона; православная церковь осуждается за отложеніе ею при патріархѣ Никонѣ нѣкоторыхъ обрядовыхъ преданій, и въ то же время утверждается, что обрядовыя преданія подлежатъ „усовершенствованію, забвенію и возстановленію" и что церковь совершенствовала ихъ вѣками, т.-е. проповѣдуется неприкосновенность и неизмѣняемость и вмѣстѣ прикосновенность и измѣняемость однихъ и тѣхъ же обрядовъ. Въ нихъ допускается возможность измѣненія обрядовыхъ преданій только тогда, когда это дѣлается съ согласія народа; но я видѣлъ изъ дѣяній соборовъ древней церкви, что установленіе обрядовыхъ правилъ и порядковъ въ церкви, ихъ усовершенствованіе и премѣненіе принадлежало безусловно пастырямъ церкви и никакого права міряне здѣсь не имѣли, и что оказывающіе противленіе такимъ постановленіямъ пастырей считались преслушниками церкви. Этимъ правомъ всегда пользовались и пастыри нашей русской церкви. А Верховскій обвинялъ патр. Никона и прочихъ пастырей церкви за то, что они этимъ своимъ правомъ воспользовались.

И вотъ, когда я послѣ долгихъ трудовъ въ изысканіи: *аще въ вѣрѣ есмь* (2 Кор. зач. 197)? вполнѣ увѣрился, что несправедливо старообрядцы обвинили грекороссій-

скую церковь въ неправославіи и незаконно отъ нея отдѣлились и отдѣляются, что, напротивъ, сами они не составляютъ истинной церкви Христовой и непреложныя обѣтованія Господни надъ ними не сбылись, — въ это самое время Антоній поручилъ мнѣ составить книжку противъ единовѣрцевъ, чтобы напечатать ее въ своей заграничной типографіи. Порученіе Антонія было мнѣ очень не по сердцу, — я долго отъ него отказывался; но Швецовъ настаивалъ, чтобы я не отказывался: „съ сочиненіями Верховскаго, — говорилъ онъ, — ты хорошо знакомъ; тебѣ не составитъ большаго труда выбрать изъ нихъ, что̀ тамъ говорится противъ единовѣрія, соединить все это въ одну книжечку для распространенія въ народѣ, и она оградитъ нашихъ христіанъ отъ перехода въ единовѣріе. Владыка очень желаетъ имѣть такую книжку; и мы должны исполнить его желаніе". Но поступить противъ совѣсти, писать неправду для поддержанія раскола я не захотѣлъ уже, и рѣшилъ окончательно оставить расколъ. За помощью къ осуществленію этого намѣренія я призналъ нужнымъ обратитяся къ о. Павлу, отчасти уже знакомому мнѣ.

12. Свиданіе съ о. Павломъ. — Переходъ на жительство къ нему въ монастырь. — Составленіе вопросовъ и содержаніе ихъ. — Подача вопросовъ Антонію. — Отвѣты на нихъ, явившіеся за подписью Антона Егорова. — Замѣчаніе объ этихъ отвѣтахъ. — Печатное изданіе отвѣтовъ и мое на нихъ возраженіе. — Присоединеніе къ церкви. — Н. Ѳ. Андреевъ и новиковскіе старообрядцы. — Заключеніе.

Сопутствовать мнѣ въ Никольскій монастырь къ о. Павлу я пригласилъ П. А. Александрова, который съ радостію изъявилъ на то согласіе. Отецъ Павелъ принялъ насъ весьма любезно. Я разсказалъ ему, что Антоній поручилъ мнѣ написать книжку противъ единовѣрія и что порученіе это исполнять противно моей совѣсти, такъ какъ долгимъ временемъ я вполнѣ убѣдился въ правотѣ церкви грекороссійской и въ законности учрежденнаго ею

единовѣрія, а напротивъ ясно вижу, что ни одно общество старообрядцевъ не составляетъ церкви Божіей, вратами адовыми неодолѣнной, и въ заключеніе сказалъ ему, что рѣшился оставить расколъ, хочу быть сыномъ православной церкви. Отецъ Павелъ порадовался, что я принялъ такое благое намѣреніе; совѣтовалъ однако не просто уходить изъ раскола, а высказать сначала свои сомнѣнія въ истинности глаголемой церкви старообрядцевъ и происшедшей отъ бѣглаго митрополита Амвросія іерархіи, въ каковыхъ сомнѣніяхъ попросить у Антонія и его Духовнаго Совѣта уврачеванія себѣ, потомъ уже, по безотвѣтственности ихъ, и сдѣлать съ ними разлуку.

Совѣтъ о. Павла я принялъ съ благодарностію и рѣшился поступить именно такъ, какъ онъ совѣтовалъ. Сначала съѣздилъ на короткое время домой, на родину, а оттуда уже прямо поступилъ на жительство въ монастырь къ отцу Павлу, не сказавъ объ этомъ ранѣе ни Антонію, ни Швецову, ни Антону Егорову, такъ какъ увѣренъ былъ, что они будутъ соблазнять меня предложеніемъ разныхъ матеріальныхъ выгодъ, чтобы удержать въ расколѣ. Опасенія эти были не напрасны. Извѣстный попъ Петръ Драгуновъ, старѣйшій изъ членовъ Духовнаго Совѣта, какъ только узналъ, что я нахожусь въ монастырѣ у отца Павла, прислалъ ко мнѣ нарочитаго человѣка съ предложеніемъ значительно увеличеннаго годоваго жалованья, только бы я вышелъ изъ монастыря отъ отца Павла и возвратился на прежнее мѣсто въ канцелярію Антонія. Я отвергъ это предложеніе. Петръ и многіе другіе знакомые мнѣ лица полагали, что я удалился изъ канцеляріи Антонія къ отцу Павлу изъ-за какихъ-нибудь непріятностей съ Швецовымъ, потому и старались какъ-нибудь удержать меня въ канцеляріи. Но они ошибались: со Швецовымъ не было у меня никакихъ житейскихъ непріятностей; я храню и навсегда сохраню о немъ память, какъ о человѣкѣ хорошемъ, не строптивомъ, и безупречной жизни; я рѣзко расходился съ нимъ только

въ религіозныхъ понятіяхъ: онъ стоялъ всецѣло за расколъ, и готовъ былъ защищать его всякими, даже непозволительными, явно противными истинѣ доводами, а я напротивъ понялъ неправду раскола и защищать ее почиталъ противнымъ совѣсти, что̀ и не скрывалъ отъ него. При всемъ этомъ мы другъ друга уважали и мира не нарушали, что̀, надѣюсь, и теперь засвидѣтельствуетъ обо мнѣ Швецовъ.

Находясь въ монастырѣ у отца Павла, я согласно его совѣту и съ его помощію изложилъ въ формѣ тринадцати вопросовъ свои сомнѣнія относительно правильности именуемой старообрядческой церкви и законности существующаго въ ней австрійскаго священства. Вопросы направлены были главнымъ образомъ противъ тѣхъ мыслей Швецова, которыя обыкновенно приводилъ онъ въ защиту старообрядцевъ и ихъ священства. Швецовъ утверждалъ, что якобы обѣтованіе Господне о неодолѣнности церкви относится не къ людямъ, составляющимъ церковь, но къ самому исповѣданію вѣры, составляющему основаніе церкви, и посему только правое исповѣданіе вѣры можетъ быть не одолѣнно вратами ада, а къ священству, и именно къ епископству, и таинствамъ сіе обѣтованіе не относится, — церковь можетъ существовать и безъ епископовъ. Поэтому я и спрашивалъ прежде всего: „можетъ ли быть исповѣданіе безъ исповѣдающихъ и вѣра безъ вѣрующихъ людей" (вопр. 1)? А такъ какъ изъ обѣтованія Господня Швецовъ исключалъ епископство, допуская возможность отпаденія изъ православія всего епископскаго чина и возможность существованія церкви безъ епископства, то я спрашивалъ еще: не должны ли также изъ цѣлости зданія церковнаго и изъ обѣтованія о неодолѣнности церкви быть исключены и презвитерство, и діаконство? не могутъ ли и они уклониться отъ православія? а также не могутъ ли уклониться въ неправославіе и всѣ міряне? и какъ же тогда будетъ исполняться обѣтованіе Христа Спасителя о неодолѣнности

Его церкви? какъ, чрезъ кого и какими средствами можетъ совершиться возстаніе церкви (вопросъ 2—4)? Имѣя въ виду, что для оправданія глаголемой церкви старообрядцевъ въ лишеніи совершенія таинства священства Швецовъ проповѣдовалъ возможность временнаго прекращенія сего таинства въ церкви Христовой, я спрашивалъ далѣе: „не могутъ ли точно такъ же уничтожиться и прекратиться и прочія шесть таинствъ, такъ что церковь лишилась бы всѣхъ посредствъ къ достиженію спасенія вѣрующими? — если не могутъ, то почему не могутъ? и почему только таинство священства подлежитъ такой возможности уничтоженія" (вопр. 5)? А такъ какъ въ оправданіе бывшаго въ старообрядчествѣ прекращенія и епископскаго чина и совершенія таинства хиротоніи, Швецовъ и другіе проповѣдовали, что это прекращеніе произошло по неисповѣдимымъ, недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, то я, указывая на то, что „въ неисповѣдимость Божіихъ судебъ должно оставлять лишь то, что̀ намъ не открыто въ словѣ Божіемъ и о чемъ не предсказано, а непреступное, непремѣняемое, никогда не прекращающееся, вѣчное существованіе священства въ церкви Христовой, не только открыто предсказано въ словѣ Божіемъ (посл. къ евр. зач. 316), но и утверждено клятвою" (тамъ же зач. 317), просилъ показать: „какія основанія имѣютъ старообрядцы отвергать непререкаемыя о семъ свидѣтельства слова Божія и бывшее у нихъ прекращеніе священства оправдывать неисповѣдимостію судебъ Божіихъ" (вопр. 7)? Равнымъ образомъ, имѣя въ виду проповѣдь Швецова, что Христосъ, какъ всемогущій Богъ, силенъ былъ возстановить павшее архіерейство въ первобытномъ его достоинствѣ и возстановилъ у нихъ, въ старообрядчествѣ чрезъ бѣглаго митрополита Амвросія, я спрашивалъ: „не умаляютъ ли старообрядцы всемогущества Божія, допуская, что Господь тоже архіерейство не удержалъ отъ уклоненія изъ его первобытнаго состоянія" (вопр. 8)? и проч. Далѣе, указывая на то, что древняя церковь имѣла

право установлять и установляла новые чины, уставы и обряды, какъ это видится изъ ея всеобщей практики и изъ толкованій 11 и 19 правилъ Лаодикійскаго собора, я спрашивалъ: „почему послѣдующаго времени церковь не имѣетъ на это права (вопр. 9)?“ И отрицая такое право церкви, не возводятъ ли старообрядцы на степень неприкосновенныхъ догматовъ вѣры двуперстіе, сугубую аллилуію и прочіе обряды (вопр. 10)? А такъ какъ и сами старообрядцы признаютъ, что грекороссійская церковь никакой погрѣшности въ догматахъ вѣры не имѣетъ, то я просилъ сказать: „можно ли считать ее неправославною, еретическою, лишенною благодати Св. Духа только за измѣненіе нѣкоторыхъ преданій обрядовыхъ“ (вопр. 11)? Затѣмъ, имѣя въ виду, что старообрядцы признаютъ церковь грекороссійскую лишившейся благодати Св. Духа за положеніе клятвъ на употребляющихъ дониконовскіе обряды, я спрашивалъ: „можетъ ли церковь, не нарушившая чистоты догматовъ вѣры, чрезъ одно положеніе клятвъ на употребляющихъ воспрещенные ею обряды лишиться благодати и сдѣлаться еретической“ (вопр. 12)? И наконецъ спрашивалъ: „когда церковь, измѣняя какую-либо обрядность, встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ членахъ противленіе сему ея дѣйствію и обвиненіе въ нарушеніи древняго обрядоваго порядка: можетъ ли она подпасть за сіе грѣху раскола и подлежать осужденію? или, напротивъ, сами обвинители церкви, за непослушаніе ей и отдѣленіе отъ нея, въ семъ случаѣ подлежатъ грѣху раскола и непослушанія?“

Такова сущность моихъ вопросовъ, составленныхъ по предварительномъ совѣщаніи съ о. Павломъ, который находя полезнымъ напечатать ихъ во всеобщее свѣдѣніе, подобно тому, какъ напечатаны были 8 вопросовъ о. Филарета съ братіей, посылалъ ихъ также на просмотръ въ лавру, къ Н. И. Субботину. Когда вопросы были совсѣмъ приготовлены, надобно было подать ихъ Антонію, и я къ нему отправился. Антоній принялъ меня въ своей

церкви, такъ какъ было время свободное отъ богослуженія; нѣкоторыхъ лицъ, тутъ находившихся, онъ выслалъ и оставилъ при себѣ только одного Швецова. Я сталъ говорить: „Владыка! Вамъ не безызвѣстно, что я, съ юношескихъ лѣтъ занимаясь перепиской старообрядческихъ сочиненій, находясь потомъ не малое время въ вашей канцеляріи, имѣлъ возможность близко вникнуть въ ученіе и церковно-іерархическое положеніе старообрядчества. Это продолжительное и близкое наблюденіе открыло мнѣ въ старообрядчествѣ не мало сомнительныхъ ученій и дѣйствій. Наипаче же смущало и смущаетъ меня противорѣчіе въ нашемъ ученіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ догматовъ, содержимыхъ православною церковію: при обличеніи безпоповцевъ, мы становимся прямо на сторону церкви грекороссійской и доказываемъ, что церковь Христова не можетъ существовать безъ Богомъ преданнаго священства и полноты седми Богомъ уставленныхъ таинствъ; а когда на это же самое указываютъ намъ послѣдователи церкви грекороссійской и, имѣя въ виду двухсотлѣтнее пребываніе наше безъ епископства, говорятъ намъ, что священство и полнота седми таинствъ безъ епископа быть не могутъ, тогда мы переходимъ на сторону безпоповцевъ и утверждаемъ, что отсутствіе епископства и прекращеніе таинства священства якобы не препятствуютъ истинной церкви быть и называться церковію. Таковая двойственность, или противорѣчивость въ нашемъ ученіи по вопросу высочайшей для насъ важности, каковъ именно вопросъ о вѣчномъ существованіи священства въ церкви Христовой, а также и нѣкоторыя наши мнѣнія и сужденія о господствующей церкви, внушили мнѣ много сомнѣній относительно правильности и законности нашей именуемой старообрядческой церкви, по которымъ я не могу признать ее истинною церковію Христовою. Не имѣя возможности самъ разрѣшить эти сомнѣнія и тѣмъ успокоить мою совѣсть, я рѣшился откровенно изложить ихъ предъ вами и просить васъ, какъ моего архипастыря, разрѣшить

ихъ въ успокоеніе моей совѣсти. Съ этою именно цѣлію я написалъ вотъ эти вопросы, кои лично представляю вамъ, нижайше прося принять ихъ и подвергнуть разсмотрѣнію, а также представить на разсмотрѣніе и прочимъ членамъ московскаго Духовнаго Совѣта. Тѣмъ вы исполните вашу пастырскую обязанность о вразумленіи невѣдущихъ и сомнѣвающихся". Высказавъ все это, я подалъ Антонію тетрадь тщательно переписаныхъ вопросовъ. Антоній взялъ ее и, сейчасъ же отдавъ мнѣ обратно, сказалъ; „Ну-ка прочитай, что́ ты, совершенно тово, написалъ съ Павломъ Прусскимъ противъ насъ". Я сталъ читать, и прочиталъ всю тетрадь до конца. Выслушавъ, Антоній дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Ты съ Павломъ хочешь, совершенно тово, уличить насъ, акибы мы не имѣли священства! Священство у насъ не прекращалось; въ нашей церкви безпрерывно существовали священники". Я отвѣтилъ, что не отрицаю существованія у старообрядцевъ священниковъ, пріемлемыхъ отъ церкви грекоросійской, а только указываю на то, что эти священники власть священства получили не внутри самой церкви старообрядцевъ, а въ церкви грекороссійской, по нашему мнѣнію, еретической; въ нашей же, старообрядческой, церкви не было епископа, а безъ него не могло быть и не было въ ней совершенія таинства священства. „Вотъ, соблаговолите объ этомъ посмотрѣть въ моихъ вопросахъ!" — и опять подалъ ему тетрадь. Антоній пришелъ въ смущеніе. Видя это, Швецовъ поспѣшилъ ему на выручку, сталъ говорить мнѣ: „и въ церкви великороссійской не всегда совершается таинство священства, не всегда и тамъ архіереи держатъ руки для рукоположенія пастырей церкви"! Я замѣтилъ Швецову, что хотя архіереи церкви грекороссійской и не всегда держатъ руки простертыми для поставленія пастырей, чего отъ нихъ и не требуется, но всегда имѣютъ власть по потребности рукоположить избраннаго и назначеннаго въ ту, или иную степень священства: напротивъ въ нашей, старообрядческой, цер-

кви и при великой потребности некому было совершить таинство священства, и таинство это у насъ не совершалось. Обмѣнялись и еще краткими словами о томъ же предметѣ; но Антоній въ наше преніе не входилъ, а сидѣлъ молча на стулѣ. Поданную мною тетрадь вопросовъ онъ при мнѣ же передалъ Швецову; а мнѣ при этомъ сказалъ довольно ласковымъ тономъ: „совершенно тово, небось, Павелъ Прусскій съ твоей тетради снялъ копію?“ Этимъ онъ давалъ мнѣ понять, что если бы о. Павломъ не оставлена была копія съ моихъ вопросовъ, то можно было бы какъ-нибудь скрыть ихъ, а меня какимъ-нибудь способомъ склонить къ молчанію. Я не скрылъ, что точная копія поданныхъ много вопросовъ имѣется, и въ послѣдній разъ простился съ Антоніемъ. Болѣе мнѣ не пришлось уже видѣть его.

Возвратившись въ монастырь, я сказалъ отцу Павлу о видимомъ желаніи Антонія уничтожить мои вопросы. Отецъ Павелъ мнѣ отвѣтилъ: „Уничтоженіемъ твоихъ вопросовъ Антоній не можетъ измѣнить къ лучшему положеніе церкви старообрядческой, и не ты, такъ другой кто можетъ всегда подать ему подобные твоимъ вопросы. Вотъ, если бы съ уничтоженіемъ твоихъ вопросовъ связывалось улучшеніе положенія церкви старообрядцевъ, тогда Антонію слѣдовало бы имѣть заботу объ уничтоженіи ихъ; а когда оно не связано съ вопросами, то нѣтъ причины и заботиться объ уничтоженіи вопросовъ, напротивъ ему слѣдуетъ позаботится о подачѣ на нихъ правильныхъ отвѣтовъ“. Послѣ подачи вопросовъ Антонію вскорѣ они были напечатаны въ „Душеполезномъ Чтеніи“ съ предисловіемъ Н. И. Субботина, который принялъ на себя трудъ провести ихъ въ печать. Между тѣмъ Швецовъ, получивъ отъ Антонія мои вопросы, передалъ ихъ своему товарищу Антону Егорову, а сей послѣдній отправился съ ними къ о. Пафнутію, находившемуся тогда въ Чудовомъ монастырѣ и уже открывшему сношенія съ раскольниками, чтобы попросить его помощи въ составленіи отвѣтовъ

на мои вопросы. Пафнутій согласился помочь, разумѣется съ тѣмъ условіемъ, чтобы его участіе здѣсь не было оглашено. Однако я прослышалъ, что Пафнутій составляетъ отвѣты мнѣ и пошелъ къ нему въ Чудовъ монастырь справиться, вѣрно ли это. Онъ признался, и даже сказалъ: „ты дольше составлялъ вопросы; мы скорѣе сдѣлаемъ отвѣты на нихъ"! Отвѣты онъ дѣйствительно написалъ, а обрадованный этимъ Антонъ Егоровъ подъ ними подписался и выдалъ ихъ какъ свое произведеніе. Отвѣты оказались совершено ничтожными, вовсе не отвѣчающими на вопросы, — въ нихъ Пафнутій, находившійся тогда въ раздраженіи, не столько разсматривалъ сущность самыхъ вопросовъ, сколько старался сдѣлать укоризны о. Павлу и другимъ членамъ Братства св. Петра. Притомъ же отвѣты его оказались противорѣчащими отвѣтамъ, какіе даны были самими старообрядцами на 8 вопросовъ о. Филарета. Этимъ я и воспользовался. Надобно сказать, что вступленіе моихъ тринадцати вопросовъ по своему содержанію одинаково со вступленіемъ восьми вопросовъ о. Филарета: и въ томъ и въ другомъ приводятся одни и тѣ же тексты изъ священнаго Писанія и изъ твореній святыхъ отецъ, одинаково доказывается неизмѣнность обѣтованій Божіихъ о всегдашнемъ существованіи св. церкви со всею полнотою іерархіи и таинствъ. А отзывъ старообрядцевъ на то и другое вступленіе былъ совсѣмъ неодинаковый, чего ни Антонъ Егоровъ по своей ограниченности, ни даже самъ Швецовъ не замѣтили. Въ отвѣтахъ на мои вопросы вступленіе признается „исполненнымъ евангельскихъ обѣтованій", законнымъ и справедливымъ; даже утверждается, что противъ вступленія къ вопросамъ „никто изъ благоразумныхъ старообрядцевъ возражать не можетъ". А въ отвѣтахъ старообрядцевъ на вопросы о. Филарета это же, и у него во вступленіи изложенное, „законное и справедливое, исполненное евангельскихъ обѣтованій" ученіе было объявлено ложнымъ и несправедливымъ! Въ отвѣтахъ на

вопросы о. Филарета говорится, что о всегдашнемъ существованіи въ церкви трехчинной іерархіи обѣтованія Господня не положено; а въ отвѣтахъ на мои вопросы самымъ признаніемъ правильности ихъ вступленія утверждается, что обѣтованіе сіе положено. Въ отвѣтахъ на вопросы о. Филарета доказывается, что церковь Божія можетъ лишиться всѣхъ до единаго православныхъ епископовъ и тѣмъ не менѣе оставаться церковію Христовою, неодолѣнною вратами адовыми; а въ отвѣтахъ на мои вопросы утверждается, что по силѣ обѣтованія Божія церковь никогда не лишится православнаго епископства (хотя существованіе епископства въ самомъ старообрядческомъ обществѣ, именующемъ себя церковію, не доказано). На это противорѣчіе я лично указывалъ Швецову, когда, получивши отъ Антона Егорова отвѣты на мои вопросы, самъ нарочно приходилъ въ Антоніеву канцелярію. Я говорилъ ему: „Вотъ вы съ Антономъ Егорычемъ живете вмѣстѣ и служите у одного владыки; а между собой имѣете большое противорѣчіе въ важнѣйшемъ ученіи о церкви и іерархіи, такъ что если составленные вами отвѣты на 8 вопросовъ о. Филарета признать правильными, то отвѣты Антона Егорова на мои вопросы необходимо признать неправыми и ложными, а если правильны отвѣты Антона Егорыча, то ваши окажутся погрѣшительными и несправедливыми. И это столь ясно обнаруженное вами противорѣчіе другъ другу въ ученіи такой важности, какъ ученіе о церкви и іерархіи, служитъ непререкаемымъ свидѣтельствомъ о тщетности всѣхъ вашихъ усилій оправдать свое общество, незаконно присвоившее себѣ наименованіе церкви Христовой“. Швецовъ отвѣтилъ: „Поди же, — что съ нимъ (Антономъ) легкомысленнымъ человѣкомъ сдѣлаешь? Взялъ изъ моихъ рукъ твои вопросы и тотчасъ же понесъ ихъ къ Пафнутію. Ни съ владыкой, ни со мной они не совѣтовались, что̀ отвѣчать на твои вопросы. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ признать вступленіе твоихъ вопросовъ, какъ

они признали, справедливымъ, то пришлось бы поставить старообрядцевъ въ такое положеніе, въ какомъ былъ Османъ-паша въ Плевнѣ! Антонъ, по своему неразумію, этого не понимаетъ, а заботится только о томъ, чтобы твои вопросы не остались съ нашей стороны безъ отвѣта. А что своими отвѣтами не защищаетъ, напротивъ изобличаетъ въ несостоятельности нашу святую древлеправославную церковь, этого онъ не разумѣетъ". Я отвѣтилъ Швецову: „Дѣйствительно, Антонъ Егоровъ, признавъ въ своихъ отвѣтахъ, что церковь Христова безъ личнаго присутствія епископства и совершенія таинства хиротоніи быть и существовать не можетъ, этимъ самымъ свою именуемую церковь, лишенную чина епископскаго и совершенія таинства священства, призналъ не истинною церковію Христовой, а ложною, и поставилъ васъ въ такое же безвыходное положеніе, въ какомъ, какъ вы справедливо замѣтили, находится Османъ-паша въ Плевнѣ". (Это было именно время русско-турецкой войны, когда Османъ-паша, окруженный со всѣмъ сторонъ русскими войсками, сидѣлъ въ Плевнѣ, не имѣя выхода: поэтому Швецовъ и привелъ его въ примѣръ).

Итакъ, самъ Швецовъ рѣшительно осудилъ написанные о. Пафнутіемъ и подписанные Антономъ Егоровымъ отвѣты, какъ ничтожные и нимало не оправдывающіе старообрядчество. А между тѣмъ эти самые отвѣты, какъ бы нѣкое великое произведеніе, инокъ Никола Чернышовъ напечаталъ въ своей заграничной газетѣ „Старообрядецъ", а потомъ жидъ Карловичъ перепечаталъ въ первомъ томѣ своихъ „Историческихъ изслѣдованій". Надобно замѣтить притомъ, что Никола Чернышовъ и Карловичъ отвѣты Антона напечатали, а вопросовъ моихъ не напечатали, и этимъ лишили читателей возможности сравнить вопросы съ отвѣтами и судить о достоинствѣ тѣхъ и другихъ. Они, очевидно, поступили такъ съ намѣреніемъ, желая прикрыть крайнюю слабость отвѣтовъ, которая обличилась бы предъ читателями чрезъ сличеніе

нихъ съ моими вопросами. Такъ какъ газета „Старообрядецъ“ и „Историческія изслѣдованія“ Карловича были во множествѣ распространены между старообрядцами, то я счелъ своимъ долгомъ напечатанные въ этихъ изданіяхъ отвѣты на мои вопросы подвергнуть тщательному разбору, который напечатанъ былъ въ „Брат. Словѣ“ за 1889 годъ. На этотъ разборъ Антонъ Егоровъ сдѣлалъ „краткое замѣчаніе“, на которое я съ своей стороны написалъ отвѣтъ: онъ напечатанъ также въ „Братскомъ Словѣ“ за 1894 годъ.

Это было уже послѣ моего присоединенія къ православной церкви, которое совершилось годъ спустя со времени подачи вопросовъ Антонію. Отца Павла не было тогда въ Москвѣ, — онъ находился въ одномъ изъ своихъ миссіонерскихъ путешествій. Чинъ присоединенія совершенъ былъ отцомъ Прокопіемъ.

Съ тѣхъ поръ я основался на постоянное жительство въ Никольскомъ монастырѣ, чтобы пользоваться наставленіями, совѣтами и назиданіями приснопамятнаго о. архимандрита, который далъ мнѣ занятія при Братствѣ св. Петра митрополита и поручалъ писать сочиненія въ опроверженіе раскольническихъ лжемудрованій, разборы все чаще и чаще появлявшихся печатныхъ и гектографированныхъ сочиненій Швецова, Перетрухина и другихъ проповѣдниковъ, чѣмъ подъ руководствомъ о. Павла и при содѣйствіи Н. И. Субботина я и занимался съ усердіемъ, равно какъ продолжаю заниматься и по кончинѣ незабвеннаго старца.

Присоединеніе мое не осталось безъ добрыхъ послѣдствій для старообрядцевъ, искавшихъ истины. Упомянутый выше житель деревни Новинокъ, Иванъ Ѳедорычъ Андреевъ тогда взошелъ со мною еще въ болѣе близкое знакомство. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, какой отвѣтъ послѣдуетъ отъ старообрядческихъ духовныхъ властей на поданные мною Антонію и Духовному совѣту вопросы, ибо понималъ, что сіи власти обязаны были отвѣтство-

вать, не для того только, чтобы исполнить мою просьбу, но и для того, чтобы успокоить многихъ изъ числа самихъ старообрядцевъ, смущающихся тѣми же, изложенными въ вопросахъ, весьма важными признаками незаконности именуемой старообрядческой церкви и іерархіи. Между тѣмъ, вопреки его ожиданію, ни Антоній, ни Духовный Совѣтъ не дали отъ своего лица никакихъ отвѣтовъ на мои вопросы такъ же, какъ на вопросы отца Филарета. Изъ этого онъ и единомысленныя ему лица поняли, что отвѣтствовать на тѣ и другіе вопросы Антоній и Духовный Совѣтъ не въ состояніи, что защитить законность и правильность старообрядческой церкви и іерархіи не могутъ. Это побудило Ивана Ѳедорыча съ товарищами напомнить старообрядческимъ духовнымъ властямъ объ ихъ обязанности — не оставлять безъ вразумленія колеблющихся сомнѣніями. Зная, что въ 1879 году соберутся въ Москву на соборъ старообрядческіе именуемые епископы, онъ поручилъ мнѣ составить отъ его имени записку съ изложеніемъ сомнѣній относительно законности старообрядческой церкви и іерархіи, чтобы представить ее на соборное рѣшеніе. Записка была составлена, и онъ лично подалъ ее Антонію, какъ предсѣдателю собора. Антоній обѣщалъ, по соборномъ разсмотрѣніи, дать на нее отвѣтъ; но обѣщанія своего, разумѣется, не исполнилъ[1]). Въ 1880 г Иванъ Ѳедорычъ присоединился къ церкви и явился ревностнымъ проповѣдникомъ православія среди новинковскихъ старообрядцевъ[2]). Многіе изъ нихъ поколебались въ преданности расколу и потомъ присоединились къ церкви. До присоединенія они также подали вопросы уже преемнику Антонія — Савватію съ

[1]) Записка эта, до подачи Антонію исправленная нами, была потомъ напечатана особою книжкою Братствомъ св. Петра митрополита. *Ред.*

[2]) Къ сожалѣнію, этотъ достопочтенный ревнитель православія жилъ недолго: въ 1886 г. онъ скончался. Раскольники свою вражду къ нему обнаружили наглымъ образомъ даже при его гробѣ: см. *Брат. Сл.* 1886 г., т. II, стр. 276—280. *Ред.*

его Духовнымъ Совѣтомъ, за составленіемъ которыхъ обратились ко мнѣ. Вопросы эти были напечатаны въ „Братскомъ Словѣ“ за 1883 годъ (стр. 53—79). Когда и эти вопросы новинковскихъ старообрядцевъ Духовнымъ Совѣтомъ оставлены были безъ отвѣта, по невозможности отвѣчать на нихъ, тогда на помощь старообрядцамъ выступилъ упоминаемый выше священникъ Верховскій, который тогда явно сталъ уже на сторону раскола. Онъ написалъ отвѣты на вопросы новинковскихъ старообрядцевъ. Отвѣты Верховскаго были обстоятельно разобраны и оцѣнены редакторомъ „Братскаго Слова“. Кстати скажу здѣсь и о дальнѣйшей судьбѣ Верховскаго, имѣвшаго нѣкоторое значеніе въ моей жизни. Послѣ раскрытія въ „Братскомъ Словѣ“ его преступныхъ дѣйствій и сочиненій въ пользу раскола, онъ тайно бѣжалъ за границу, а на пути туда останавливался въ Москвѣ у здѣшнихъ старообрядцевъ. За границей онъ нѣсколько времени проживалъ вмѣстѣ со Швецовымъ въ Мануйловскомъ монастырѣ и помогалъ ему въ составленіи его книги: „Истинность старообрядствующей іерархіи“. Оттуда переселился въ Бѣлую Криницу, гдѣ старообрядцы предложили ему принять исправу; но онъ это предложеніе отвергъ и выѣхалъ изъ Бѣлой-Криницы. Потомъ, уже больной, испросилъ дозволеніе возвратиться въ Петербургъ и здѣсь умеръ, раскаявшись въ своихъ дѣйствіяхъ противъ церкви и напутствованный православнымъ священникомъ.

Сдѣлаю въ заключеніе нѣсколько общихъ замѣчаній о положеніи раскола, и именно австрійскаго, въ Москвѣ за время моего здѣсь пребыванія. Когда тридцать лѣтъ тому назадъ поступилъ я въ канцелярію Антонія, въ Москвѣ у окружниковъ было только шесть поповъ, да одинъ діаконъ Митрофанъ, посвященный вмѣсто присоединившагося къ православной церкви Кирилла Загадаева, который діакономъ служилъ при самомъ Антоніи. Митрофанъ вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Москву померъ, и Антоній послѣ этого совершалъ свои архіерейскія служенія безъ

діакона. Уже впослѣдствіи онъ выписалъ изъ Нижегородской губерніи іеродіакона Варлаама, который въ продолженіе многихъ лѣтъ и участвовалъ въ его служеніяхъ. Потомъ, ослабѣвши, Варлаамъ удалился въ село Безводное (Нижегор. губерніи), гдѣ способствовалъ, вмѣстѣ со Швецовымъ, водворенію австрійскаго раскола и устройству церкви: умеръ лѣтъ десять тому назадъ[1]). А поповъ было тогда во всей Москвѣ только шесть: 1) Петръ Драгуновъ, который служилъ въ собственномъ домѣ около Рогожской части, гдѣ и теперь служитъ; 2) Θеодоръ, служилъ въ моленной Шебаева, на Нѣмецкомъ рынкѣ; 3) Василій, — въ Преображенскомъ; 4) Максимъ полуокружникъ, служилъ въ своей квартирѣ на Семеновской улицѣ; 5) Никита — въ домѣ Медвѣдева близъ Покровскаго монастыря; 6) Іаковъ — на Зацѣпѣ. Изъ нихъ только одинъ Петръ теперь находится въ живыхъ. Теперь же общество окружниковъ имѣетъ 18 поповъ и 5 діаконовъ, да еще попъ и діаконъ состоятъ при Савватіи на его подворьи, гдѣ совершается повседневная служба. Перечислю нынѣшнихъ раскольническихъ поповъ въ Москвѣ: 1) Исакій, изъ городецкихъ бѣглопоповцевъ, служитъ въ новоустроенной каменной моленной на Генеральной улицѣ, въ Преображенскомъ; 2) Леонтій гуслякъ — въ Рыковомъ пер.; 3) Варθоломей гуслякъ — въ домѣ Шебаева, въ Гавриковомъ пер. (при немъ состоитъ діаконъ Алексѣй Богатенковъ); 4) Алексѣй, изъ селенія близъ Павловскаго посада, служитъ въ домѣ Ныркова, близъ Полуярославскаго моста; 5) Никола изъ Тулы — въ домѣ Балашова около Рогожской заставы (онъ занимаетъ и должность секретаря Духовнаго Совѣта); 6) Трофимъ гуслякъ — въ моленной Колычова на Большой Андроновкѣ; 7) Петръ Драгуновъ, старѣйшій членъ духовнаго совѣта, служитъ въ собственномъ домѣ около Рогожской части; 8) Іоанникій — въ собственномъ домѣ, въ Рогожской; 9) Алексѣй изъ бѣглопоповцевъ, слу-

[1]) См. о немъ въ статьѣ: „Дѣйствительное положеніе раскола въ Нижегород. губ.“ *Брат. Сл.* 1896 г., т. II, стр. 586—587. *Ред.*

житъ въ моленной Каринкина въ Дурновскомъ переулкѣ, 10) Захарій, гуслякъ — въ моленной Латрыгина на Новомъ Селеніи; 11) Авивъ — въ моленной Баулина въ Таганкѣ; 12) Михаилъ — въ моленной Мусорина на Лужнецкой улицѣ; 13) Иванъ гуслякъ, служитъ въ моленной Паисія Лапшина, что у Тверской заставы (при немъ дьяконъ Филиппъ гуслякъ); 14) Мефодій гуслякъ, — въ моленной Назарова на Смоленскомъ рынкѣ; 15) Елисѣй гуслякъ, членъ совѣта, служитъ на Рогожскомъ кладбищѣ; 16) Прокопій гуслякъ, членъ совѣта, служитъ тамъ же; 17) Тимоѳей Люсинъ, изъ Павловскаго посада, служитъ тамъ же; 18) Савва гуслякъ, служитъ тамъ же. На Рогожскомъ кладбищѣ находятся еще три діакона: Иванъ, Елисѣй и Григорій (послѣдніе двое гусляки). Итакъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, въ Москвѣ, въ обществѣ окружниковъ, прибавилось двѣнадцать поповъ и пять діаконовъ...

Любопытно еще, что большинство видныхъ раскольническихъ дѣятелей - люди, совращенные въ расколъ изъ православной церкви. Самъ Антоній, какъ извѣстно, былъ сначала православнымъ. У него въ канцеляріи жили, кромѣ меня, еще семь человѣкъ, — изъ разныхъ внутреннихъ губерній, а именно: я и Леонтій Трофимовъ изъ Тверской, Онисимъ Швецовъ, Егоръ Никифоровъ, Семенъ Лабзинъ изъ Владимірской, Иванъ Петровъ Домакинъ изъ Нижегородской, Антонъ Егоровъ изъ Калужской, — и всѣ мы до единаго, равно какъ наши родители и сродники, принадлежали сначала къ православной церкви, а затѣмъ всѣ съ родителями и сродниками уклонились въ расколъ. Точно такъ же и другіе, временно проживавшіе съ нами въ канцеляріи Антонія: Василій Механиковъ (теперь раскольническій попъ въ Тулѣ, куда переведенъ изъ Ростова на Дону), Димитрій Харитоновъ (нынѣ православный) и Павелъ Васильевъ, съ малолѣтства принадлежали къ православной же церкви, а затѣмъ совратились въ расколъ. Можно судить поэтому, какъ легко происходили тогда совращенія въ расколъ, и какъ удобно распростра-

нялась австрійская лжеіерархія! А этому, надобно сказать, весьма способствовала дарованная императоромъ Александромъ Вторымъ свобода расколу и, затѣмъ, тѣсно связанное съ нею умноженіе въ Россіи архіереевъ и поповъ австрійскаго постановленія, чтò весьма хорошо понималъ Антоній, всячески старавшійся объ ихъ умноженіи.

Вѣрую, что самъ Господь въ такое трудное для православной церкви время воздвигъ столь ревностнаго ей служителя, каковъ былъ въ Бозѣ почившій о. архим. Павелъ, поколебавшій расколъ въ самомъ его основаніи, и я признаю великою для себя милостію отъ Бога, что могъ имѣть его своимъ руководителемъ. Не стану говорить о его великомъ умѣ, познаніяхъ, неутомимой ревности въ раскрытіи и защищеніи истины о церкви Христовой, объ его высокомъ нравственномъ характерѣ, чтò уже извѣстно всѣмъ его знавшимъ и пользовавшимся его наставленіями; замѣчу только, что отецъ Павелъ, кромѣ нравственныхъ наставленій, оказывалъ обращавшимся къ нему старообрядцамъ и матеріальную поддержку, каковая семейному человѣку иногда бываетъ необходима, и прилагалъ большую заботу о прісканіи соотвѣтственной способностямъ каждаго службы. Всѣ мы, обратившіеся къ нему изъ канцеляріи Антонія, — я, Ломакинъ и Трофимовъ, по присоединеніи къ православію пользовались его щедротами, за чтò да помянетъ его Господь Богъ во царствіи своемъ!

Оканчивая свои воспоминанія, утѣшаюсь духомъ и благодарю Господа, что не оставилъ меня коснѣть въ расколѣ, а при посредствѣ людей, хорошо вѣдающихъ Писаніе и пекущихся о благѣ ближняго, вывелъ изъ темной среды раскола и нѣкоторыми своими письменными трудами, направленными въ защиту православной церкви, помогъ хотя нѣсколько искупить тяжкій грѣхъ раскола церковнаго, въ которомъ по невѣдѣнію и малодушію находился я значительную часть моей жизни.

